

«РЭДВОЛЛ»

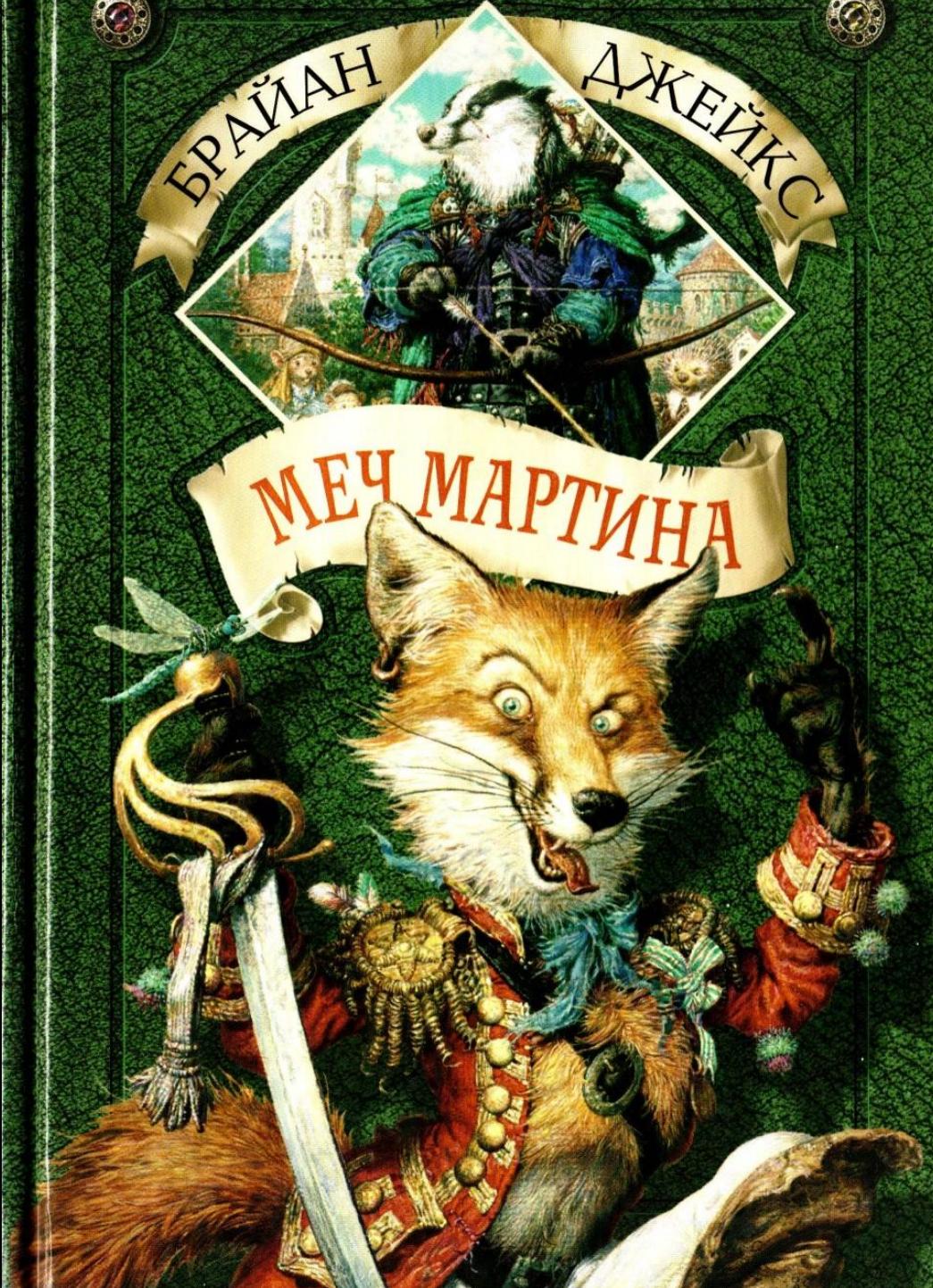
В давние времена, когда знаменитого аббатства Рэдволл еще не было и в помине, все добрые звери находили спасение и приют в Глиновитной Обители. С тех пор это место надежно хранит свои секреты, сокровища и самую большую ценность — меч Мартина Воителя. Но жажда власти и богатства многим не дает покоя, и только настоящему герою под силу остановить полчища негодяев. Так пришло время для смертельного поединка, в котором встретились безжалостный злодей, чья цель — разбой, грабеж, разрушение, и великий воин, призванный стать орудием судьбы и возмездия.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

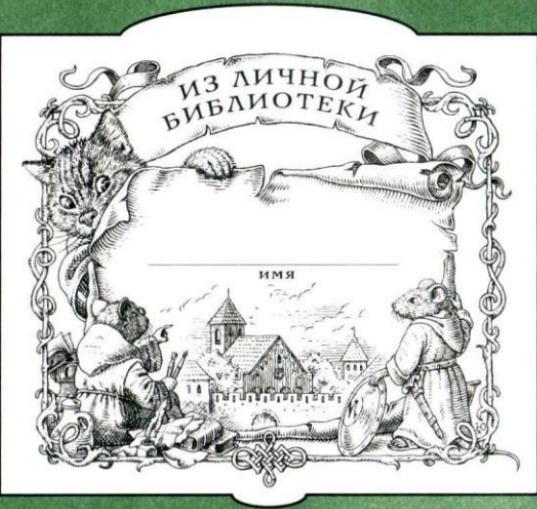

ISBN 5-91181-137-5

9 785911 811372

СЕРИАЛ «РЭДВОЛЛ»

ВОИН РЭДВОЛЛА
ВОЙНА С КОТИРОМ
ПОХОД МАТИАСА
МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА
САЛАМАНДАСТРОН
МАРТИН ВОИТЕЛЬ
КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА
ИЗГАННИК
ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ
ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД
БЕЛЫЕ ЛИСЫ
ЛЕГЕНДА О ЛЬЮОКЕ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВЛ
ТРИСС ВОИТЕЛЬНИЦА
ТАЛИСМАН ИЗ РЭДВОЛЛА
МЕЧ МАРТИНА

Брайан Джейкс

МЕЧ МАРТИНА

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2006

УДК82-93
ББК 84.4 Вл
Д40

Brian Jacques
Loamhedge

Copyright © The Redwall La Dita Company, Ltd., 2003

First published in the United States.

Published by arrangement with **Philomel Books**,
a division of Penguin Young Readers group,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
All rights reserved

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Ньюнбург

Перевод с английского
Юрия Балаяна

Дизайн переплета Вадима Пожидаева

Иллюстрация на обложке
Антона Ломаева

Иллюстрация на форзаце
Игоря Ганзенко,
Валерия Макарова

Художник
Игорь Ганзенко

© Ю. Балаян, перевод, 2006

© С. Степанов, перевод стихов, 2006

© Издательский Дом «Азбука-классика», 2006

ISBN 978-5-91181-137-5

Дорогому другу Марте Бакли, прообразу моей героини Марты

*Доброй Хэзер Бойд, которая помогла мне сменить
больничную койку на мою собственную постель*

*Памяти двух доблестных воинов: Нолана Уоллеса,
ставшего Лонной, и Эрика Масато Такашиге Бёма,
подлинного героя-воителя*

ПРОЛОГ

А водилось ли тебе скитаться по свету, мой юный друг? Знаешь ли ты, что такое кромешная тьма, ледяной дождь, резкий порывистый ветер?.. Согревающий душу душистый дымок костра, долгожданный отдых телу и вкусная еда?

Жизнь — долгое путешествие, у которого есть начало и конец. Разными дорогами идем мы по жизни, иные из нас падают духом и остаются на обочине, другие достигают цели и видят, как их мечты становятся реальностью.

Я хочу рассказать тебе о путешественниках совсем еще юных, таких, как ты сам, не всегда уверенных в себе и в верности своего пути. О могучем воине, призванном стать орудием судьбы и возмездия. О безжалостном злодее, чья цель — разбой, грабеж, разрушение. О бесхитростных существах, которые просто хотят покоя и мира. О пустоголовых бродягах, гонимых собственным воображением и жадностью. О малышах, не знающих, какие сюрпризы подготовила им жизнь. Наконец, о двух верных друзьях, прошедших вместе многое из жизни.

Всех сопровождает по жизни многоликая судьба, добро и зло настигают по заслугам. Слушайте внимательно, а я расскажу вам историю, а точнее — сплету из слов мечту.

«НЕ ТАК УЖ ОНИ
И ВЕЛИКИ...»

КНИГА
ПЕРВАЯ

Сорывы резкого ветра с моря хлестали дождем по побережью, по мрачным солончаковым болотам и прибрежному мелколесью. Эбрик шагал, согнувшись под тяжестью камышовой корзины. Широкий ремень через весь лоб помогал ему удерживать корзину на спине и не давал грузу сползти.

Морской выдреныш Стагг, сын Эбрика, семенил рядом, держась за лапу отца и осыпая его вопросами, на которые Эбрик старался найти подходящие ответы.

— А ты очень-очень сильный-сильный?

— Будешь тут сильным, — улыбнулся Эбрик, как бы забыв об увесистой корзине. — Тебя прокормить надо, маму, всю семью. Это моя работа, и не такая уж легкая.

Стагг сунул в рот свободную лапу, как бы обсасывая ответ отца, и задал следующий вопрос:

— А почему тогда Стагг больше не сидит вверху, на корзине?

Эбрик поправил ремень и тут же ответил:

— Потому что ты с прошлого сезона уже здорово подрос. Скоро совсем вырастешь, силы наберешься и сам будешь таскать своего престарелого папашу в корзине. А сейчас давай поторопимся, Стагг. Надо до леса добраться, пока не стемнело. Погода не для прогулок.

И обе морские выдры, отец и сын, продолжили свой нелегкий путь по хляби болота, подгоняемые ветром и грохотом морского прибоя.

Уже смеркалось, когда они вступили под защиту деревьев. Облегченно вздохнув, Эбрик опустил свою ношу наземь. Корзину до краев заполняли съедобные морские растения, ракушки и прочая мелочь. Два дня понадобилось им, чтобы собрать все это на северо-восточном побережье. Эбрик присел на ствол лежавшей во мху сосны, Стагг вскарабкался ему на спину и принялся осторожно растирать натертый повязкой лоб отца.

— М-м-м, хорошо, хорошо, отлично, молодец, — благодарно пробормотал Эбрик. — Спасибо, сын. Эта корзина мне чуть полчерепа не оттяпала. Хорош был бы твой папаша с половиной головы, а?

— Стал бы глупый-преглупый папаша-препапаша, — засмеялся Стагг.

— Тише,тише, — урезонил сына Эбрик. — Не шуми, не то береговые бандиты нам запросто головы снесут, только чтобы поразвлечься.

— Мама сказала, что береговые бандиты ведут себя очень нехорошо, — зашептал Стагг, широко раскрыв глаза.

Эбрик нахмурился. Не спеша сгребая хвойные иголки в кучку, он покачал головой:

— «Нехорошо себя ведут»... Это подонки, жестокие убийцы. Но ты, конечно, проголодался?

— Ой, еще как! — с жаром зашептал Стагг. — Помираю от истощения.

— От истощения, стало быть? — усмехнулся Эбрик. Он погладил сына по голове. — Морскую выdryу голод у моря не уморит. Вот, держи.— Он сунул Стагга мешок.— Оставайся здесь, сиди тихо-тихо, да проверь, что в мешке. А я сейчас вернусь.

Эбрик знал удобное местечко для ночлега поблизости. Сухое, прикрытое от непогоды выступом скалы. Быстро и бесшумно он скользил по полутемному лесу. Вот он остановился, прислушался. Что-то не в порядке. Чуткое ухо уловило слабый звук прерывистого, хриплого дыхания. Эбрик вытащил кинжал и осторожно двинулся дальше.

Стагг вынул из мешка две лепешки и мамино яблочно-ежевичное варенье. Достал фляжку сливянки. Если разжечь костер, то можно подогреть лепешки с вареньем... Он уже умеет готовить и часто помогает маме. Вот сейчас вернется отец... Стагг отодвинул пищу и, не сводя с нее взгляда, уселся рядом.

Запыхавшийся Эбрик возник из ночи, чуть не испугав сына. Он присел рядом и крепко сжал лапки Стагга.

— Слушай внимательно, малыш. Скажи мне, ты найдешь дорогу домой?

Стагг очень удивился:

— Я... да, найду... наверно... А что там, отец? Что случилось?

— Нет, ты подумай и ответь мне точно — да или нет? — не отступался Эбрик.

Никогда еще Стагг не видел отца таким взволнованным. Он вздохнул, кивнул и тихо ответил:

— Да, отец. Стагг найдет дорогу.

— Тогда слушай.— Эбрик отпустил лапы сына. — Беги к Береговому Псу. Пусть он собирает народ и спешит к привалу под скалой, он знает где. Пусть захватят веревки, брезент и шесты, чтобы сделать но-

силки для здоровенного барсука. Если не померет, конечно. Очень серьезная рана.

— Барсук? Полосатая собака? Ой, в жизни не видел. Почему он умирает? — сами собой посыпались из Стагга вопросы.

Эбрик схватил сына и легонько встряхнул, чего никогда раньше не делал.

— Никаких вопросов, сын! От тебя зависит жизнь другого существа! — прошипел он сквозь сжатые зубы.— Бегом!

Стагг сорвался с места и исчез во тьме. Эбрик посмотрел ему вслед, собрал пожитки и заспешил к скале привала.

Прибыв на место, он нашел несколько сухих веток, нагреб шишек и сухой хвои, клинком высек из кремня искру и разжег крохотный костерок. В таком укромном месте враг огонь не заметит. При свете костра Эбрик подробнее осмотрел место происшествия. Бок о бок лежали два барсука. Один — старик преклонных сезонов, другой очень молод. Старик не дышит, мертв, видно с первого взгляда. Глянув на молодого, Эбрик оскалил зубы:

— Поганые убийцы!

Ясно, что на барсуков напали береговые бандиты.

В молодом барсучке еще теплилась жизнь. Эбрик видел барсуков раньше, но такого громадного не встречал.

Осмотрев рану на голове барсука, Эбрик застонал. Длинный неровный разрез от уха до шеи, чуть мимо глаза. Бровь, морда, челюсть, почти до горла...

Мало понимая в искусстве исцеления ран, Эбрик попытался хотя бы остановить кровотечение. Для этого он использовал ткань своего плаща. Приподняв голову барсука, Эбрик положил ее себе на лапы.

— Ох, брат, Соленые Сезоны, везучий ты. Вот, не помер пока, — бормотал он, как будто раненый мог его

слышать. — Башка у тебя что валун гранитный. Ничего, потерпи, наши лекари тебя залатают, им не впервой... — утешал страдальца Эбрик, не веря своим словам.

Больше помочь он ничем не мог.

Время к полуночи. Ветер хлестал по деревьям дождем, смешанным с солеными морскими брызгами. Эбрик задремал возле тлеющих угольков, все еще поддерживая голову барсuka.

— Вот они, ребята! — воскликнул Береговой Пес, указывая фонарем в сторону догорающего костра.

Малыш Стагг опередил команду выдр и подбежал к отцу:

— Папа, я их привел!

Эбрик похлопал сына по плечу:

— Славный следопыт, молодец... Ох, ребята, выньте меня из-под этой здоровой башки! Он меня совсем расплющил...

Несколько лап протянулись к Эбрику и помогли ему подняться. Береговой Пес, покачивая головой, осмотрел рану.

— Великие Сезоны, и как он еще жив! Никогда такой страшной раны не видел.

Стагг схватил за лапу мать:

— Мама, что, этот большой-большой барсук умрет?

— Мы постараемся, чтобы он не умер, Стагг, — ответила Марину, жена Эбрика, и кивнула Сорк, бабушке Берегового Пса. — Осторожно, ребята! Перекладываем его на носилки, укрываем хорошенъко, закрепляем... — обратилась она к выдрам Берегового Пса. — И постарайтесь не трясти, пока несете.

Все знали, что Марину и Сорк — лучшие целительницы побережья. Поэтому они пришли с командой Берегового Пса.

Стагг, довольный, что хорошо выполнил поручение отца, суетился между выдрами и распоряжался:

— Слушайтесь мою маму, осторожно несите большую полосатую собаку, не роняйте.

Марину нахмурилась и хотела урезонить сына, но Эбрик прошептал:

— Оставь его, пусть покомандует. Он у нас сегодня молодец, заслужил.

Когда барсука подняли, у Берегового Пса вырвался невольный возглас:

— Гром и молния, вот это да!

Наполовину покрытые песком и опавшими хвойными иглами, под барсуком лежали громадный лук и колчан с длинными стрелами. Падая, раненый барсук сломал лук, и одна половина воткнулась ему в бедро. Марину и Сорк извлекли осколки дерева и наскоро перевязали рану. Раненый чуть слышно простонал.

— Ой, он живой, живой! — радостно подпрыгнул Стагг.

Сорк перекинула колчан через плечо Стагга. Колчан уперся в землю, а оперение стрел торчало над головой неугомонного выдреныша.

— Живой пока, слава Сезонам милосердным, — проворчала Сорк.— А ты тащи эту штуковину и не путайся под ногами, попрыгун.

Барсука уложили на носилки, сделанные из шестов и парусины, подложив под него сухой травы и мягкого мха и укрыв одеялами. Выдры в сопровождении Марину и Сорк отправились в обратный путь, а Стагг остался с отцом и Береговым Псом, чтобы похоронить мертвого барсука. Могилу выкопали неглубокую, но сверху завалили валунами. В изножье Эбрик воткнул между камнями половинки сломанного лука, еще объединенные тетивой. Все трое постояли молча, глядя на последнее прибежище старого барсука.

— Бедняга, мы даже не знаем его имени, — вздохнул Эбрик.— Барсук в его возрасте должен доживать жизнь в покое, греясь на солнышке. Может, это отец молодого?

Стагг прижался мордой к отцу и заплакал. Он не мог представить себе, что кто-то может потерять отца.

— Кто мог так убить... чьего-нибудь отца? — всхлипывая, спросил он.

Береговой Пес оторвал взгляд от могилы:

— Из всех, кого я знаю, так убить мог только Рага Бол.

— Рага Бол? — В голосе Эбрика слышался страх. — Значит... Как его сюда занесло?

— Когда вы со Стаггом ушли, к нам наведался серый тюлень Рурф. Перед самым его носом наскоцила на рифы и разбилась пиратская посудина корабельных крыс. Подальше к северу. Рага Бол и с полсотни его паразитов спаслись, выползли на берег. Остались они, стало быть, без корабля. Я уж за вас беспокоиться начал. Собирался отправить народ на поиски, а тут твой пострел принесся.

— Хороший улов, — похвалил Береговой Пес, подхватив одну из веревок корзины Эбрика. — Давай помогу тебе, приятель.

И они отправились вслед за командой выдр. Стагг спотыкался и путался в лямке колчана.

— Не нравится мне эта весна, — проворчал Эбрик.

— Холодно, штормит. Хоть бы летом распогодилось... Тогда об этой нечисти, Раге Боле и его мерзавцах, не надо будет думать. Нам еще, пожалуй, повезло...

Малыш Стагг все боролся с колчаном, не желавшим отрываться от земли.

— Нам больше повезло, чем беднымолосатым собакам,— выпалил он, в очередной раз споткнувшись о колчан.

По лицу Берегового Пса скользнула мимолетная улыбка.

— Быстро растет твой парень, друг.

Холодный, рваный, мокрый рассвет застал промокшую, голодную и понурую команду Раги Бола в двух лигах от берега моря. Сгрудившись вокруг нещадно дымящего костра, морские крысы тупо пялились в мутный, всухший от дождя поток, несущийся по дну лощины, и равнодушно слушали вопли и проклятия капитана.

Узкомордый, с хитрыми глазами Риндж, не переставая грызть грязный коготь, окинул взглядом присутствующих:

— Бол безрукий? Да ни в жизнь! Приляпает ему Вирга лапу, она и не такое нашаманит.

Сухой, жилистый самец Феррон цыкнул зубом и сплюнул в поток:

— Приляпает, как же... У тебя мозги набекрень. Я-то видел, лапа на ниточке болталась, как килька на удочке... И на кой нам сдались эти псы полосатые, надо было топать да топать своей дорогой...

Риндж протер слезящиеся от дыма глаза:

— Ну, дед-то сразу носом клонул, даже не понял, что в его полосатую башку попало.

Феррон вздрогнул, потому что приумолкший было на мгновение Рага Бол завопил с удвоенной силой, изобретая новые и новые ругательства.

— Да-а, зато большой молодой... Вроде бы Бол его с первого удара порешил, да вот ведь, понимаешь, дело-то какое...

К костру приблизился первый помощник капитана Глимбо. Он бесцеремонно отпихнул Ринджа и пристроил свое жирное брюхо поближе к огню. Один глаз Глимбо украшало бельмо, второй беспокойно рыскал по физиономиям присутствующих.

— В жизни не видал я, чтоб кто выжил после взмаха большой капитановой железяки. Да вот довелось увидать. Как он ожил? Кабы капитан ему второй раз не врезал, то не только лапы лишился бы. Ох, опасные твари эти полосатые!

Безрадостный голый пейзаж сквозь непрерывный дождь казался еще мрачнее. Костер в лощине полыхал, раздутый чуть ли не до лесного пожара. Внимание крыс было приковано, однако, не к костру, а к капитану. Высокий, поджарый, с энергичными зелеными глазами, он сидел, завернувшись в меховой плащ и спрятав в него обрубок левой передней лапы. Правая покоилась на резной костяной рукояти большой тяжелой сабли. Каждый член стаи чувствовал на себе взгляд капитана. Поеживались даже те, на кого он вообще не смотрел. Молчание нарушали лишь костер да ветер. Народ ждал слова вождя.

Наконец Рага Бол встал и открыл рот. Блеснули золотые накладки на его клыках, качнулись круглые латунные серьги.

— На заре выступаем. Направление — запад. Кто не хочет — высказывайтесь. Сразу здесь и закопаю.

Никто не проронил ни слова. Рага Бол кивнул:

— Значит, запад. Муха, двух гонцов мне.

Неимоверно толстая крыса с перекинутым через плечо и обмотанным вокруг пузза кнутом мигнула двум крысам помельче. Те приблизились к капитану и замерли.

Рага Бол молча смотрел на подошедших, пока они не начали ежиться под его взглядом. Челюсти капитана сжалась от боли, когда он неловко шевельнул под плащом обрубком лапы.

— Вы, двое, вернетесь туда, где я убил барсука. Найдете труп, отрежете голову и принесете сюда.

Оба скорохода разом вскинули правые лапы к ушам:

— Есть, капитан!

Рага Бол проследил, как гонцы взбираются по склону лощины, затем повернулся к старой крысе, скрючившейся неподалеку.

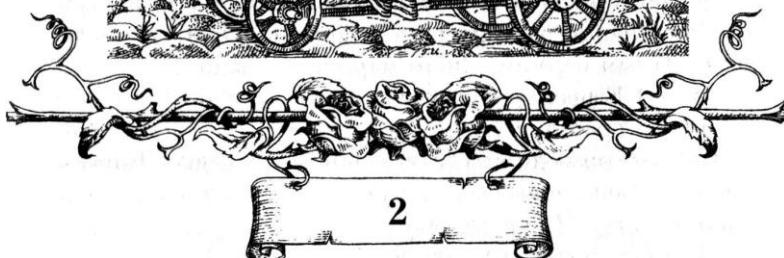
— Вирга, что, крюк готов наконец?

— К рассвету будет готов, капитан Рага Бол. — Старуха улыбнулась беззубым ртом и прошамкала: — Зачем тебе голова большой полосатой собаки, капитан?

Рага Бол плотнее закутался в плащ и уставился в пламя костра.

— Мертвый или живой, не останется целым тот, кто отхватил у меня лапу. А ты обеспечь мне крюк, если хочешь сохранить свою голову на плечах, старая ведьма.

Адалеко на западе занимался пригожий весенний денек. Жаворонки взмывали в нежно-голубое небо поприветствовать восходящее солнце. Туман клубился над сочной зеленою травой, капли росы, как мелкий жемчуг, блестели на лепестках цветов. Жизнь расцветала под неумолчные крики птенцов, постоянно требующих пищи у не знающих отдыха родителей.

Главный повар аббатства Торан Широкий Пояс завершил утренние труды. Он покинул кухню, развязал тесемки своего поварского передника и устроился поудобнее на тачке, опрокинутой у входа в сад. К нему тут же подсел старинный приятель Кэррол, отец настоятель аббатства. Кэррол и Торан, мышь и выдра, молча наслаждались солнышком и хорошей погодой.

Кэррол искоса бросил взгляд на друга:

— Небось жалеешь, что не составил компанию Командору и его выдрам?

Торан заинтересованно следил, как муравей перебирается через его лапу.

— Слишком рано сорвались, слишком. До лета еще далеко. Но уж если им что втемяшилось... Чуть солнышко пригрело да жаворонок в небо взмыл, они уж рвутся к западным берегам. Чисто мартовские зайцы.

Аббат Кэррол усмехнулся:

— Не проголодаются?

— Сам проводил на заре, — покачал головой Торан. — Полную тачку провизии нагрузил. С песнями пошли, плясали на ходу. Ну чисто взбесились.

Улыбка Кэрролла расширилась.

— Видел, видел. Они меня разбудили, полюбовалася из окошка. Пусть их повеселятся. Надо было тебе все же с ними отправиться. Ты ведь можешь взять отпуск на сколько захочешь.

— Стар я уже для таких путешествий, — закряхтел Торан, — Пусть уж те, кто поможе, позабавятся.

— Стар? — фыркнул аббат. — Скажи уж лучше — тяжел да в талии широк. Если уж ты слишком стар, то что обо мне говорить? Я ведь твоим учителем был в школе аббатства.

— Да-а, — протянул повар, слегка ущипнув жилистую лапу друга. — И с тех пор ни на волос не потолстал. Как это у тебя получается?

Кэррол добродушно глянул на друга поверх маленьких квадратных очков:

— Да просто мне не надо весь день торчать на кухне и все вокруг пробовать на вкус. Ох, Торан, что за денек сегодня! Надеюсь, лето наступит воистину золотое.

Торан поудобнее раскинулся на тачке:

— Да, Кэррол, в такое утро приятно жить на свете.

И оба снова погрузились в молчание, созерцая красоты любимого аббатства и греясь на солнышке.

Кэррол перевел взгляд на спокойную гладь пруда.

— Мы здесь наслаждаемся, как в раю, — блаженно пробормотал он. — Глянь, Торан, наша юная Марта вздрогнула в своем кресле. Вон там, за прудом, возле рододендронов.

Торан повернул голову и увидел молодую зайчиху, безуспешно боровшуюся с дремотой над увесистым фолиантом. Повар закряхтел и поднялся:

— Пойду взгляну, как она там.

Аббат устроился поудобнее на освободившейся тачке.

— Ты о ней заботишься, как наседка о цыплятах. Скажи уж заодно Марте, что поздний ланч сегодня в саду. И всем остальным скажи. Пусть порадуются. Дожди долго держали нас под крышей. А на кухне мы тебе поможем.

— Отличная идея! — обрадовался Торан.

Стараясь не шуметь, повар приблизился к Марте. Он хорошо помнил зимний день, в который малюсенькая зайчиха, совсем еще сосунок, появилась в аббатстве. Крошечный комочек, привязанный к спине древней бабули. Брат ее, двумя сезонами старше, спотыкаясь, ковылял следом. Душераздирающее зрелище! Пришли они с дальнего севера, чудом спаслись от нечисти, напавшей на колонию горных зайцев. Изможденная зайчиха-бабка, едва переступив порог аббатства, рухнула наземь и умерла. Брат Марты полностью оправился и вырос нормальным бесшабашным зайцем, но Марта, несмотря на лечение и заботливый уход, так и не смогла встать на ноги. Голени и ступни остались парализованными. Кости целы, никаких переломов, ни даже царапин, а ходить Марта так и не выучилась. Мудрые головы аббатства, вроде Фреда Привратника, аббата Кэррола и землеройки сестры Сетивы, ведающей больницей и аптекой, решили, что

причиной недуга молодой зайчихи стал шок. Ужасная смерть родителей, долгое путешествие за спиной дряхлой бабушки...

Двенадцать сезонов прошло с тех пор. Торан неустанно заботился о Марте. Он верил, что однажды она встанет на ноги и пойдет. А пока что Марта могла передвигаться благодаря изобретению шеф-повара. Торан приладил к легкому прочному креслу колеса от кухонной тележки и добавил два больших колеса сзади. Зайчиха быстро научилась передвигаться в этом кресле-каталке. Торан смастерил еще и костьль, но его Марта чаще всего использовала лишь для того, чтобы дотянуться до чего-нибудь.

Марта Бребак оказалась очень сообразительной. Невероятная жажда знаний заставляла ее читать все подряд. Она составляла загадки, ребусы, сильна была в математике, сочиняла стихи, баллады, сама пела. Многие уверяли, что такого сладкозвучного пения стены аббатства еще не слыхивали. И никогда ее не покидали бодрость, присутствие духа, готовность помочь. В высшей степени полезным обитателем аббатства оказалась Марта Бребак.

Торан молча наблюдал, как голова Марты склонялась все ниже. Книга выскользнула из лап зайчихи и съехала на траву. Торан нагнулся и, кряхтя, поднял толстый том.

— Должно быть, я вздремнула! — улыбнулась проснувшаяся Марта, подавив зевок.

— И не диво! Я бы и сам растянулся тут на солнышке, — тоже заулыбался Торан, возвращая зайчихе книгу.

Марта увидела, что к пруду приближается стайка малышни.

— Нет, поспать здесь больше не удастся, — указала в их сторону зайчиха. — Сейчас такое начнется!.. Эй,

разбойники, если будете себя хорошо вести, ланч устроим на воздухе, под солнышком.

Ее заявление вызвало взрыв восторга у малышей.

— Ур-ра! Хур-хурра! Ого-го! В садике! Под кустиком!

— Побежали, поможем бабе Гурвел! — завопила Шилли, и малыши понеслись к зданию аббатства.

Торан посмотрел им вслед:

— Думается мне, мало радости доставят они бабе Гурвел своей помощью. И скажет она мне пару ласковых словечек за то, что не удержал я этих головорезов, пустил на кухню.

— Но намерения у них самые добрые и искренние, — в очередной раз улыбнулась Марта, вновь пристраивая свою книгу поудобнее.

— Серьезная вещь, — покосился Торан на тяжелый том. — О чём там речь?

Марта нашла страницу, заложенную шелковой ленточкой.

— Я взяла эту книгу в библиотеке сестры Портулы. Здесь есть интересные сведения о древнем мышином поселении Глинобитная Обитель.

Торан призадумался:

— Глинобитная Обитель... Мыши... Слышал. Тамошние мыши помогли основать наше аббатство. Их вела старая настоятельница... как же ее звали?

— Жермина, — подсказала Марта. — Она и Мартин Воитель были среди основателей Рэдволла. Жермина со своим племенем жила когда-то в местечке, которое они называли Глинобитная Обитель. Жили мирно, не тужили, как мы в своем аббатстве. Но пришлось им покинуть родные места.

— Почему? — заинтересовался Торан. Сам он не был любителем чтения, но охотно слушал, о чём рассказывали другие. — Что их заставило уйти? Об этом есть что-нибудь в книге?

Марта перелистнула книгу на предыдущую страницу:

— Здесь речь идет о страшной болезни. Какую-то чуму занесла туда нечисть, кажется морские крысы. Появились больные, потом умер один, другой, третий... Жермина решила не дожидаться, пока разразится эпидемия и уничтожит их всех. И вот мыши покинули Обитель. Много сезонов странствовали они и однажды вышли в Лес Цветущих Мхов, в нашу местность. Здесь они встретили Мартина Воителя и его друзей. Мыши Обители помогли Мартину одолеть врагов. Воцарился мир, и они построили наше аббатство, мощную крепость, в которой мы теперь живем в безопасности. Так возник Рэдволл.

Тут прискакал братец Марты Хортвил. Не разбирая пути, срезая углы, он прошелепал по воде пруда и обрушился на сестру с поцелуями и объятиями.

— Во-во-во, дорогая, молодая, пригожая, хорошая!

— Прекрати сейчас же! — смеясь, отбивалась от него Марта. — Никакая я тебе не пригожая-хорошая. Веди себя как благовоспитанный брат. Ну вот, забрызгал драгоценную книгу сестры Порттулы!

Хортвил Бребак, брат Марты, на два сезона старше сестры, представлял собой радостное, многословное, слегка хулиганское, но галантное, сентиментальное до предела существо. И слыл обжорой невообразимым, как и все зайцы.

Хорти — так звали Хортвила все окружающие — в притворном ужасе воздел к небесам лапы, уши и куцый хвост:

— Преступник! Преступник! Преступник! Нет мне пощады, во! Уши отрубить — и то мало, во! Смерть на месте! Так ведь, Торан, старый следопыт?

— Смерть на месте! — в тон ему прорычал Торан, продолжая игру.

— Есть, сэр! Приговор приведен в исполнение, во! — рявкнул заяц, отсалютовал выдре, прыгнул в пруд и исчез под водой с лапой, застывшей в приветственном жесте.

— Ох, шалопут! — выпрямилась в кресле побледневшая Марта. — Торан, миленький, вытащи его быстро, пожалуйста!

Торан, крякнув, плюхнулся в воду и тут же появился на поверхности, держа в мощной лапе мокрого зайца. Заячья лапа все еще оставалась в салютующем положении.

Выдув из себя сверкающий фонтан воды и чихнув, заяц завопил:

— Во, друг, во, ты спас мне жизнь, миллион благодарностей! Я этого никогда не забуду, во. В знак признательности я теперь из твоей, во, великолепной кухни вообще не вылезу, во, во.

— Нет уж, я лучше зашвырну тебя обратно! Чтобы спасти аббатство от голода. Вы позволите, мисс Марта?

— Ха-ха-ха! — Марта едва удерживалась на стуле.
— Ха-ха-ха! Ой, нет, сэр, прошу вас, не надо, сжальтесь над обжорой. Ха-ха-ха!

Хорти еще раз чихнул, вытряхнул воду из ушей и радостно заявил:

— Везет мне в жизни, во! У кого еще такая милосердная сестра? Во, во, у кого?

Марта тем временем старательно промакивала страницы сухой тряпочкой. Она никогда не сердилась на своего беспокойного и горластого братца. Ведь он всегда оказывался рядом, чтобы подбодрить ее в горестные минуты отчаяния от собственной беспомощности.

— Смотри, Торан, книга уже совсем сухая, ничего с ней не случилось. А нам, пожалуй, пора возвращаться.

По пути в аббатство они встретили малышей, изгнанных из кухни поварихой Гурвел.

— Хурр, мисс Марта, я вас покатаю, можно? — попросил Магам.

Марта нагнулась, подхватила малыша и посадила его к себе в кресло.

— Спасибо, Магам, но Хорти и Торан пока что не плохо справляются.

— Хурр, мисс Марта, вам тоже спасибо, — с важным видом кивнул малыш. — Хурр, сэрр Хоррти, сэрр Торран, побыстрей, поскорей, поехали, опаздываем...

Сад аббатства утопал в цвету. Деревья и кусты пестрели белыми и розовыми цветами, цветками, цветочками, лепестками были устланы газоны. Яблони, груши, вишни, орешник, миндаль... а под ними малина, земляника, красная и черная смородина, черника, ежевика... Все предвещало богатый летний урожай.

Торан увидел три тележки с провизией. Весенний овощной суп, ржаной хлеб, сыр, лопуховка и одуванчиковая настойка, пирог из слинового варенья с кремовыми облачками...

— Чья работа?

Все знали, как ревниво относился главный повар к своему кухонному царству. Он не любил, когда в его владения вторгались непосвященные.

— Мы немного помогли матушке Гурвел, — как бы извиняясь, пояснил аббат Кэррол. — Сегодня в саду ты выглядел таким утомленным... Что-нибудь не так, Торан?

— Все отлично, я и сам бы лучше не сделал, — похвалил Торан, — Спасибо, друзья.

Народ устроился под деревьями, всюду раздавались смех и шутки. Под раскидистым каштаном сестра Портула разостлала на траве коврик, на который Торан пересадил Марту. В такие минуты Марта была горда и счастлива тем, что Совет Старейшин принимал ее как равную.

Марта засмеялась, наблюдая за проделками расшалившейся малышни:

— Насиделись дома, вырвались на волю... Смотрите, Юч цветы объедает!

— И Шилли тоже, вот егоза, — покачала головой сестра Портула. — Магам первый принял за лепестки. Он, Шилли и Юч — страшная троица.

— Да, уж от них жди беды! — засмеялся Торан, вскользнув свое необъятное пузо. — Эй, Спринголд, сбегай скажи этим мелким негодяям, чтобы прекратили лопать лепестки, не то сестра Сетива напичкает их горькой микстурой.

Молодая мышь Спринголд недоуменно пожала плечами:

— Но от цветов ведь только польза, а вреда ни капельки. Я и сама, бывает, лепестки жую.

Аббат Кэррол строго посмотрел на нее поверх очков:

— Не умничайте, мисс, а выполняйте, что вам велено.

Спринголд едва заметно присела в реверансе и понеслась выполнять поручение.

Вот еще источник хлопот, — поджала губы сестра Портула. — Она да Хорти с Фенной. Уже ведь не маленькие, должны вроде соображать, что к чему.

— О, это болезни роста, сестра Портула, — заверила Марта, отставляя свою кружку. — У них добрые сердца.

— Только не натворили бы эти сердца чего-нибудь, пока из детских болезней не выросли, — озабоченно нахмурилась сестра Портула, закусывая хлебом с сыром.

— Мы ведь в их годы такими не были, правда, отец Кэррол? — обратилась она к настоятелю.

— Конечно, конечно, сестра, — с готовностью согласился аббат Кэррол. — Только вот, помнится мне, два каких-то сорванца однажды отправились в кругосветное плавание по пруду на обеденном столе. Под парусом, сделанным из скатерти. Как же их звали, сестра? Из памяти вылетело...

Сестра Портула низко склонилась над своим рукавом, вероятно обнаружив в нем какую-то вредную букашку.

— Ну-у, это лишь эпизод, нетипичный случай, — ответила она, помешкав. — Как правило, мы вели себя вполне прилично.

Марта едва верила своим ушам:

— Вы? Правда? А вас поймали, отец Кэррол?

— Еще как поймали! — серьезным тоном ответил аббат, хотя глаза его озорно сверкали под стеклами очков. — И на кухню сослали. Помните, сестра?

— Еще бы не помнить! — покачала головой сестра Портула. — Пять дней котлы скобили. У меня потом полсезона лапки ломило.

— Ай-яй-яй! Да Хорти и его компания просто паиньки по сравнению с вами, — с улыбкой констатировала Марта.

— Мы-то что, — с мечтательной улыбкой погрузилась в воспоминания Портула. — Видели бы вы еще двоих негодяев, младше нас, но уж лихие — страсть! Выдра и белка, Брагун и Саро...

— Как же, слышала, Торан рассказывал о них малышам. Но я думала, что это сказки, что их просто выдумали...

— Нет-нет, Марта, никаких выдумок, — заверил Торан. — Брагун — мой старший братец, на пять сезонов старше. Полное имя Саро — Саробандо. Еще совсем молодыми они сбежали из дома. А если бы не сбежали, у нас сейчас, может, и крыши бы над головой не было, вот какие были разбойники. Разнесли бы аббатство вдребезги.

Тем временем оторванная от цветов малышня собралась вокруг Торана. Магам ловко вскарабкался на лапы выдры-повара и забормотал ему прямо в ухо:

— Хурр, сэрр, расскажите нам о Саро и Брагуне.

Торан хмыкнул:

— Истории сейчас в голову не приходят, а вот вспомнил я стишок... балладу о них. Сочинилась как-то сама собой к Пиру Осеннего Урожая много сезонов назад.

Он отхлебнул из кружки и сосредоточился.

Шилли нетерпеливо повела хвостом:

— Ну-у, деда повар, давай, давай...

— Цыц, не мешай, егоза, — отмахнулся от нее Торан, еще раз приложился к кружке и начал:

Про двух малышей расскажу я,
Проказивших славно на пару, —
Про выдру по имени Брагун
И белку по имени Саро.
При имени Брагун и Саро
Аббатство от страха тряслось.
Проказили напропалую —
Управы на них не нашлось.

Спекла пироги повариха,
И вышли они хоть куда,
Но стоило ей отвернуться —
Пропали незнамо куда!
«Не иначе Брагун и Саро! —
Сказала, обоих кляня. —
С такими злодеями я поседею!
Обжоры сожрут и меня!»
Такие вот Брагун и Саро
Хитрюги и озорники!
На эту ораву не знали управы
Ни взрослые, ни старики!

Сандалии Кротоначальника
Кто в хлеба буханку запек?
Кто двери в аббатстве гвоздями забил,
Чтоб выйти никто уж не мог?
Кто в пруд набросал столько свеклы,
Что красною стала вода?
А кто напустил муравьев нам в постель?
Откуда такая беда?
То жуткие Брагун и Саро!
Ни совести и ни стыда!
Таких негодяев в аббатстве
Не будет уже никогда!

Малыши восхищенно ерзали, елозили и подпрыгивали, хохотали над выдумками легендарной парочки хулиганов. Веселилась также и троица Хорти.

Торан скроил серьезную мину и погрозил слушателям:

- А тем, над кем шпутили эти негодяи, смешно было?
- Но ведь это же все выдумки, сэр, — фыркнул Хорти.— Не было в действительности никаких Брагуна и Саро.
- Все, о чем рассказал Торан, — правда, — вмешался аббат Кэррол. — Я сам помню эти события.

Фенна кокетливо повела длинными ресницами:
— Ой, отец настоятель, ладно... Ну, детей надо воспитывать сказками, и они всему верят. Но мы ведь уже не маленькие.

- Если аббат и Торан говорят, что это правда, значит, это правда, — вмешалась Марта.

Ее слова, однако, остались без внимания. Троица сорвалась с места и умчалась прочь. Марта от возмущения даже подскочила с места, но тут же упала.

Аббат Кэррол помог ей подняться.

— Не расстраивайся, Марта. Когда-нибудь и они поймут, что к чему. Я и сам был на них похож в молодости.

— Скорей бы мой братец поумнел, — вздохнула Марта. — Не хотелось бы на этом останавливаться, но он с каждым днем все дурнее становится.

Торан пересадил Марту в ее кресло.

— Ничего, ничего. Ведь Хорти заяц. Все зайцы в молодости дурные.

Марта покрепче перехватила книгу и поправила покрывало кресла.

— Я ведь тоже заяц, Торан.

— Ты у нас заяц необычный, особенный, — сказала сестра Порттула, сдувая с головы Марты случайный цветочный лепесток.

А на востоке погода не радовала. За три дня крысы Раги Бола почти не продвинулись к западу. Обрубок лапы причинял капитану мучительную боль. На этот раз они разбили лагерь повыше, в укрытии за скалой. Команда развела собственный костер подальше от приступов капитанского гнева. К капитану приближались лишь по необходимости, в основном несколько помощников да охрана. Рага Бол сидел у своего, капитанского костра. Под взглядом капитана корчились, как будто их жгло пламя, двое вернувшихся без барсучьей головы скороходов. Присутствовали Глимбо и Муха.

— Вы уверены, что это то самое место, где я убил большую полосатую собаку? Не заблудились?

Обе крысы головы враз рьяно закивали.

— Точно, капитан.

— Точно то местечко, капитан Бол. Скала, камни... Я там в тот раз ветку обломал, сук запомнил, так и торчит. Но ни следа полосатой собаки, как будто ее и не было.

Взгляд капитана буравил обоих одновременно.

— А старый, значит, зарыт на месте?

Снова закивали головы гонцов.

— Точно так, капитан. И валунами завален. Здоровая куча. И валуны здоровенные.

— На том самом месте. А следы все стерты, следов нет никаких. И, что поделаешь, мы метнулись обратно, поскорее доложить.

Взгляд капитана опустился к краю костра.

— Никому ни пол слова, иначе оба покойники. Проваливайтесь!

Гонцы немедленно исчезли. Глимбо с Мухой направились за ними, подальше от капитанского дурного настроения.

— А ведь полосатая собака-то, пожалуй, не подохла, — еле слышно прошептал Муха на ухо Глимбо.

Муха сам едва слышал свои слова, но Рага Бол вскочил как ужаленный. Его крюк подцепил Муху за пояс, а у носа ошеломленного помощника блеснуло острие сабли.

— Ты видел когда-нибудь, чтобы кто-то вышел живым из-под этой сабли? — ласково промурлыкал капитан.

Клинок щекотал двойной подбородок Мухи.

— Н... Н-нет, нет, не видел, капитан, никогда не видел, никогда... — забормотал Муха скороговоркой.

— Проверим? — блеснули золотом оскаленные клыки Раги Бола.

— П-пожалуйста, не надо, — давясь слезами, прохрипел Муха. — Никто не остался живым после этой сабли, жизнью клянусь.

— Ты-то знаешь, приятель, скажи этому олуху, — бросил капитан в сторону Глимбо.

Глимбо понял, что не время молчать и скромничать. Слова градом посыпались из его пасти:

— Яснее ясного, что горизонт в штиль! Родичи полосатой собаки утащили его, значит, чтоб дома схоронить чин чинарем. А старого зарыли, потому что двоих им никак разом не упереть, они б обоих забрали, да осилить не смогли. А мертвый-то он точно, мертвее камня. Уж коли

капитан Бол саблей махнул — значит, готов покойник, землю есть буду.

Крюк отпустил пояс Мухи, и крыса рухнула наземь. Капитан вонзил саблю в землю и оперся на рукоять:

— Правильный ответ. И чтобы я больше разговоров на эту тему не слышал. Четырех часовых мне, я спать ложусь.

Окруженный часовыми, Рага Бол завернулся в теплый плащ и прилег у костра. Но сон не шел, а когда опустился на него, то замучил видением гигантского барсуга. Медленно, но неотвратимо надвигался этот призрачный воин, и глаза его пылали жаждой отмщения.

Морская выдра Эбрик, его жена Марину и их сын Стагг сидели у речки, укрытые выступом крутого берега. В отдалении от суэты стаи они наслаждались ужином на свежем воздухе и речным пейзажем. Стагг шумно хлюпал содержимым котелка.

— Славная похлебка, сын, правда? Никто не приготовит ее лучше твоей мамы. Ведь так, радость моя? — обратился Эбрик к сыну и к жене.

Марину улыбнулась и снова наполнила котелок мужа:

— Спорю, ты то же самое говорил и о похлебке своей матери. Ничего особенного. Ракушки да креветки, бобы да водоросли, жгучий корень да соль морская. Ну и вскипятить хорошенъко.

— У тебя лучше всех, потому что ты наша мама. — Стагг тоже протянул котелок за добавкой.

— А ты уже умеешь так же подольститься, как и твой отец. Вытри физиономию, весь перемазался, замарашка.

— Как наш большой барсук? — спросил Эбрик, глядя на Марину поверх котелка. — Выживет?

Марину вытерла рот Стагга передником.

— Надеюсь, выживет. Точно трудно сказать. Никогда такой раны не видела. Сорк лечила череп рыбьим kleem.

Я сшила мышцы его собственным волосом. Кучу паутины использовали, травки. Еще дня два пройдет, промоем ему рану валерианой и подлесником. Береговой Пес предложил положить его в старую пещеру, там спокойнее. Сделаем постель на серебряном песке, мха натаскаем, огонь разведем...

Эбрик кивнул:

— Я буду окуривать хвоей и травами.

Марину встала:

— Вернусь в пещеру. Сорк хочет покормить его водичкой из моей похлебки. Трудная задача, ведь он все еще без сознания.

Она ушла, а Эбрик с сыном завершили ужин. Стагг с интересом следил, как отец натянул привязанную к береговому корню веревочку, взял кусок пчелиного воска и начал эту веревочку натирать.

— Тебе спать пора, Стагг, — обратился Эбрик к сыну.

— А что это ты делаешь, отец? — поинтересовался Стагг.

— Готовлю хорошую, прочную тетиву для лука, которая не порвется и не стхиет, — объяснил Эбрик, не отрываясь от работы.

— Теву... тиву... А зачем? — не отставал сын.

— Не для себя, конечно, — терпеливо объяснил отец. — Для большого барсука. Очень надеюсь, что он все-таки поправится. А когда поправится, уйдет от нас на запад.

— С такой тити... тетивой хорошоходить на запад?

— Да, сын. Этот большой парень — лучник, из лука стрелы пускает. Стреляет, значит. Подходящее дерево для лука он сам найдет, а тетиву я сделаю. Чем могу, помогу. И тогда он пойдет по следам нечисти, которая пыталась его убить и которая убила его друга.

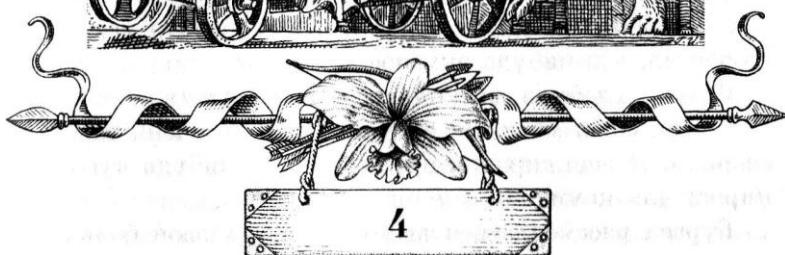
— Тогда нечисть заплачет, — серьезно промолвил Стагг.

— Кровавыми слезами заплачет, сын. Горе тому врагу, на которого идет барсук. Да еще одержимый Жаждой Крови.

— А что такое «одержимый жаждой крови»? — Стагг не слышал раньше таких странных слов.

— Это ужасно, сын, — покачал головой Эбрик. — Этого лучше не видеть. Лучше бы и не знать об этом. А теперь — спать.

Жожилой еж отец Фред был когда-то настоятелем Рэдволла. Но сезоны осилили его, и он передал свои обязанности Кэрролу, а сам удалился в сторожку. Спокойная должность привратника давала ему возможность вволю отдыхать и спать днем. Но, проснувшись, он чувствовал себя весьма бодро. Даже слишком бодро иной раз. В эти минуты он любил вести беседу с камнями, деревьями, цветами, столами, гвоздями и другими предметами.

К трапезе он вышел попозже. Избегая собравшейся в саду толпы, отец Фред отправился на кухню. Прежде всего он выбрал себе лепешку и, беседуя с нею, направился дальше:

— Хи-хи, какая ты свеженькая. Ну, что мы с тобой сделаем? А?

Отец Фред поднес лепешку к уху и прислушался:

— Угу. Конечно, меду, согласен. Сырку кусочек да супу котелочек. Да-да, не слишком горячего, разумеется.

Из сада вернулась повариха Гурвел. Она увидела Фреда, беседующего с пищей, раньше, чем тот заметил ее.

— Здравствуй, девица красная,— помахал ей лепешкой отец Фред.

Гурвел усмехнулась:

— Доброго здоровья, сэрр, хурр-хурр. Что вам суп нашептал, что-нибудь вкусное, надеюсь?

Фред отхлебнул из котелка и почмокал:

— Да, юная мисс. Он радуется, что его очень хорошо сварили. И еще спрашивает, нет ли где-нибудь кусочка пирога для компании.

Гурвел рассмеялась и вынесла из кладовой большой пирог со сливовым и яблочным вареньем, глазированный кленовым сиропом. Отхватив увесистый кусок, она вручила его отцу Фреду:

— Только пусть суп о пироге помалкивает, отец Фред. Я ведь этот пирог на ужин испекла, ху-хур.

Фред благодарно поклонился и вышел из кухни, беседуя с пирогом:

— Ты приятный парень, ничего не скажешь. Добрый собеседник. Пойдем-ка найдем укромный уголочек, а?

Старая кротиха Гурвел проводила взглядом отца Фреда и снова повернулась к пирогу:

— Хурр... ну, сэрр пирог, возвращайся-ка в кладовку восвояси. — Она опять рассмеялась. — Вот и я с пирогами болтаю, ху-ху-хурр.

После завтрака Марта пустилась на поиски тихого укромного уголка, чтобы продолжить чтение. Она направила свою каталку в Большой зал. Солнечные лучи, пронизывая цветные стекла витража, высвечивали мелкие пылинки, лениво танцующие в спокойном воздухе. Между двумя пристенными колоннами мерцал огонек фонаря. На стене висел громадный гобелен с изображением Мартина Воителя в центре. Древний ге-

рой, защитник аббатства Рэдволл, был запечатлен на старинной ткани в боевом облачении, при латах и с мечом. Настоящий меч, точно такой, как изображен на голубене, висел тут же. Легендарное оружие легендарного воина, изготовленное в Саламандстроне, горной крепости барсуков на западном побережье. Выкованное из упавшего на землю осколка звезды.

Независимо от того, в каком месте Большого зала находилась Марта, глаза Мартина Воителя следили за ней. Присутствие его настолько явно ощущалось, что Марта часто беседовала с изображением воина. Вот и сейчас она поклонилась Мартину и вполголоса, чтобы приглушить эхо в гулком зале, заговорила:

— Дождь прекратился, солнышко светит, я хочу спокойно почитать, а там мелюзга такой шум устроила, носится по всему саду, пострелят. Счастливые! Ты любишь читать, Мартин?

— Хи-хи-хи, воинам обычно не до чтения, — послышалось из-за колонны, и на свет, шаркая по стертым плитам пола, вышел отец Фред.

— Ох, извините, сэр, я не знала, что вы здесь, — произнесла удивленная Марта.

— Не стоит извинений, милая мисс, — отмахнулся старый еж, выбирая крошки пирога из иголок вокруг рта. — Продолжайте беседу со своим другом, не стесняйтесь. Я и сам с ним частенько подолгу болтаю.

Марта подняла взгляд на изображение Мартина:

— Он ведь выглядит таким мудрым, понимающим, как будто приглашает к разговору, правда? Как вы думаете, он нас слышит?

— Еще как слышит! — заверил отец Фред. — И не только слышит. Кхе-кхе... Не буду мешать, пойду вздремну в своей сторожке. Всего наилучшего.

И старик еж зашаркал к выходу, на ходу укоризненно покосившись на каменную скамью:

— Займись своим делом, старая, и прекрати подслушивать. Как не стыдно!

Марта открыла книгу и углубилась в чтение. Скоро, однако, веки ее отяжелели, глаза закрылись. Спокойная обстановка, теплые солнечные лучи погрузили ее в волшебный сон. Маленькая фигурка мирно посапывала в громадном тихом зале. Две мыши возникли вдруг перед нею. Одна — девица ее возраста, платье на ней зеленое... интересное платье. Оборочки.... Рядом — Мартин Воитель.

Голос древнего воина звучал спокойно и мягко, словно подул теплый весенний ветерок над цветущим лугом:

— Нет, Марта, мне не пришлось много читать. Но ты читай, читай. Чтение — это учение, учение — это знание. Узнаешь о сестре Амил и о мышах Глинобитной Обители.

Марта отчетливо услышала собственный голос, спрашивающий:

— А кто такая сестра Амил?

Мышь, стоящая рядом с Мартином, протянула лапку в направлении зайчихи и продекламировала — и каждое ее слово запечателось в памяти Марты:

Во Глинобитной Обители
Тайна сокрыта моя,
В том, как ходить я училась.
Ты — такая, как я.
Тебе туда не добраться —
И да падет выбор твой
На двоих, что вышли из прошлого
И однажды придут домой.

Мартин и сестра Амил подняли лапы в прощальном привете и растаяли в дымке сна.

Марту вернули к действительности три пары лап, вцепившихся в ее кресло. Хорти, Спринголд и Фенна покатили зайчиху по залу, виляя вокруг каменных колонн.

— Помедленнее, помедленнее! — Марта судорожно вцепилась в подлокотники. — Куда вы меня тащите?

— На волю, на воздух, наружу, во! — орал прыгающий рядом Хорти. — Ты тут заплесневеешь, во, дева дорогая! Живей, живей! А-а-а-а!

Стул зацепился за край обширного стола и опрокинулся. Спринголд и Фенна отпрыгнули, но Марта и Хорти полетели вперед. К счастью, Марта слепнулась на своего непутевого братца, крепко прижимая к себе драгоценную книгу сестры Портулы. Кресло кувыркнулось, проскользило по инерции немного вперед и остановилось. Одно из его колес сделало еще несколько оборотов и тоже замерло.

Хорти испуганно глянул на Марту снизу вверх:

— Извини, старушка, мы нечаянно... ты не ушиблась?

Марта уселась на нем поудобнее и, глядя сверху вниз, ответила:

— К вашему счастью, не ушиблась. Стул цел?

Спринголд и Фенна уже поставили стул на колеса и проверили его состояние.

— Транспорт в полном порядке! Ни царапины, Марта! И с книжкой, сама видишь, ничего не приключилось.

— Да, тачка у тебя что надо! Торан постарался. Вот сейчас мы тебя в креслице пересадим, Марта, ты не волнуйся.

Толкаясь и мешая друг другу, белка с мышью сняли Марту с Хорти, переместили обратно в кресло, аккуратно прикрыли одеяльцем и вернули ей многострадальную книгу.

— Вот и все, полный порядок, — сладко улыбалась Фенна. — Мы ведь тебя развлечь хотели, кто же знал, что стул такой спотыкучий?

— Нам хотелось втащить тебя на крепостную стену, — вторила ей Спринголд. — Оттуда открывается такой прекрасный вид! Дальний лес, поля, тропа...

— Да еще не поздно, во, — задвигал ушами Хорти. — Теперь уж мы спешить не станем, во. Полюбушься...

— Нет, спасибо! — запротестовала Марта. — Оставьте меня в покое. Мне здесь лучше всего.

Хорти виновато скреб лапой по плитам пола:

— Марта, не выдавай нас, пожалуйста. Не говори никому, что здесь случилось.

— Кому — «никому»? — лукаво улыбнулась Марта.

— Ну-у... шефу Торану, во... аббату Кэрролу, тетке Тортите...

— А сестре Сетиве?

— Ой, ой, только не сестре Противе! — в один голос завопили все трое.

— Она нас заставит всю больницу выскоблить!

— И простыни перештопать!

— И все нутро сожжет своими отвратными микстурами, во!

— Ладно, ладно, — сжалась Марта. — Никому не скажу, только оставьте меня в покое. Идите с миром.

Три хулигана, ускоряя шаг, направились к выходу, но тут Марте вспомнился недавний сон.

— Ой, подождите, чуть не забыла!

Хорти мгновенно оказался у кресла, чуть не врезавшись в него.

— Сделаем все, что хочешь, дева дорогая, во! Приказыварай.

Марта изложила свои скромные, но точные требования:

— Фенна, найди аббата Кэррола. Хорти, разыщи сестру Портулу — и не забудь, как ее зовут. Обоих попро-

сите, если они не заняты, подойти в сторожку привратника. Я хочу с ними кое-что обсудить. Спринголд, пожалуйста, отвези меня к сторожке у главных ворот. Только не так быстро.

Отец Фред высунул заспанную голову из сторожки, замигал и сладко зевнул:

— А-а, юная мисс... м-м-м... имечко запамятовал, ну да ладно, и подруга ваша также... Прошу вас, заходите, располагайтесь. Рад гостям.

Мышь Спринголд впихнула кресло в сторожку, еле слышно бормоча под нос:

— Вот уж радость-то — торчать в какой-то затхлой сторожке в такой прекрасный день.

Марта мило улыбнулась мышке и утешила:

— И не надо тебе здесь торчать. Сбегай только еще, пожалуйста, на кухню и скажи Торану или Гурвел, что я прошу сюда, в сторожку, чаю для четверых.

— Чай на четверых? — удивилась Спринголд.

— Да, всего-навсего. Ну, там... лепешки, кексы, мед... что к чаю положено. И опять же, не слишком быстро, чай не расплещи!

Что оставалось бедной Спринголд? Скрипнув зубами, она послушно удалилась.

Прибыли аббат Кэррол и сестра Порттула. Оба понимали, что Марта зря не станет их беспокоить. Отец Фред усадил обоих гостей, но тут в дверь снова постучали. Фред поскреб свои поникшие иголки и удивился:

— Еще гости? Урожайный сегодня денек.

Спринголд вкатила в сторожку тележку. Она сделала реверанс перед аббатом:

— Чай на четверых, отец настоятель!

— Спасибо, дорогая, вы свободны! — Грациозным кивком Марта отпустила мышку.

Проследив, как удалилась взбешенная и едва сдерживающая себя Спринголд, сестра Портула улыбнулась Марте:

— Вы отличный воспитатель, дорогая мисс Марта.

— Ну, этой мышке воспитатель настоятельно необходим, — улыбнулся и аббат Кэррол. — В чем причина нашего неурочного чаепития? — обратился он к Марте.

И Марта рассказала, как она заснула в Большом зале аббатства, поведала о появлении Мартина и его спутницы — молодой мыши. И продекламировала запомнившиеся строки:

Во Глинобитной Обители
Тайна скрыта моя,
В том, как ходить я училась.
Ты — такая, как я.
Тебе туда не добраться —
И да падет выбор твой
На двоих, что вышли из прошлого
И однажды придут домой.

Аббат внимательно выслушал и обратился к сестре Портуле:

— Странно. Что вы скажете об этом, сестра?

Портула отставила свою чашку:

— Мало кого из обитателей аббатства Мартин Воитель почтил лично. Дух Мартина не только воплощение чести и воинской доблести, но и голос знания, мудрости. Что ты сама думаешь о случившемся, Марта?

Зайчиха погладила обложку книги:

— Это история Обители, которую вы мне выдали, сестра Портула. Думаю, что ответ надо искать здесь, в книге. Потому я вас сюда и пригласила. Я молода и неопытна, а вы накопили мудрость многих сезонов. И я надеялась на вашу помошь, но даже не мечтала, что кто-то научит меня ходить.

Старик Фред взял книгу и положил ее на стол. Он обратился к ней, как к живому существу:

— Ну, старая, пропылившаяся развалина, будет от тебя прок? Поможешь нам?

Он повернулся к Марте и улыбнулся беззубым ртом:

— Хи-и, сдается мне, она нам поможет. Но ведь книга — существо сложное. Книгу обязательно прочесть надо, а уж потом видно будет.

Аббат открыл книгу:

— На это потребуется какое-то время. Но мы с тобою, Марта. Если найдется способ поставить тебя на ноги, мы сделаем для этого все возможное.

Марта часто-часто заморгала, чтобы никто не заметил ее слезы:

— Спасибо вам большое, добрые друзья. Но боюсь, книга даст ответ не на все вопросы. Кто, например, эти «двоев, что вышли из прошлого и однажды придут домой»?

— Действительно. Хотела бы я знать, кто это такие, — задумчиво протянула сестра Португа, глядя в окно, на залитую солнцем весеннюю зелень.

А северу от Рэдволла разбила свой лагерь мелкая банда нечисти. Главарь шайки, толстая грубая ласка Беррад, сидел на берегу ручья, положив лапу на рукоять торчавшей из-под рваного плаща старой абордажной сабли. Костяная рукоять была украшена зарубками, каждая из которых означала загубленную жизнь, какое-то живое существо, убитое этим оружием. Беррад внимательно следил хитрыми глазками за действиями подчиненных. Те нанизывали на ивовые прутья четырех плотвиц, чтобы поджарить их над костром.

Беррад вытащил саблю и указал ею на самую крупную рыбину:

— Вот эта для меня лично. Хорошенько пропеки ее, Флинки.

Горностай Флинки аж задохнулся от огорчения.

— У-у, шеф, я с таким трудом ее изловил! Это моя рыба! — заскулил он жалобно.

Толстый Беррад оказался на диво прытким. Он метнулся к Флинки и замолотил того по голове плоскостью клинка.

Флинки скрючился, втянул голову и прикрыл лапами.

— А-а-а-а-а! Остановите его, братцы, убьет! Ы-ы-ы-ы-ы! Прости, ваше могущество! О-о-о-о-о-о!

Вопли избиваемого только подстегнули Беррада, удары стали реже, но сильнее.

— Что тебе дороже, голова или рыба?

— Ай! Забирай свою рыбу, начальник, голова-то всего одна, ой!

— Как следует поджарь, не то ни одной головы не будет.

Беррад напоследок пнул Флинки в зад и отвернулся. Не обращаясь ни к кому из остальных членов шайки, присмиревших и понурых, он проворчал:

— Чего уставились? Грому мне!

Горностаиха, хвост которой напоминал букву «И», — по прозвищу Кривохвостиха — протянула ему флягу. Беррад схватил сосуд, уселся и припал к горлышку, жадными глотками втягивая огненный крапивный напиток.

Напившись, он снова уставил на Флинки:

— Снаружи чтоб с корочкой, а внутри мяконькая, сочная... Такую рыбку я уважаю.

Остальные смотрели кто куда, пряча взгляд. Сразу можно было сказать, кто главный в этой компании.

За всем происходящим внимательно следили четыре глаза из зарослей камыши. Там прятались выдра и белка, оба весьма почтенного возраста.

Выдра прищурилась, присмотрелась и проворчала:

— Х-м-м. Вроде дюжина их там. Двенадцать.

Белка перестала грызть тростинку и поправила товарища:

— Тринадцать.

Выдра пожала плечами:

— Не спорю, пусть будет чертова дюжина. Глаз у меня уж не тот. Но что они жалкие твари, с закрытыми глазами увижу. Вместо мозгов булыжники заплесневелые.

Белка согласно фыркнула:

— Никого на стреме, дым столбом — маяк, а не костер. И как их мама одних отпустила в лес погулять!

— Эту жирную ласку я беру на себя.

— Смотри, чтобы он случайно на тебя не плюхнулся. В оладью расплющит!

— Рыбка готова, пора в гости, — заявила выдра, понюхав воздух.

— Да, сюда нам ужин не подадут, — вздохнула белка.

— Ты иди прямо отсюда, я в обход.

— И вечно я прусь в лоб, — заворчала выдра. — Хоть разок бы поменяться...

— Сначала научись по деревьям прыгать. Да выжди чуток, дай мне добраться до места. Ну, успеха!

Выдра засунула хвост за пояс и замаскировала его плащом. Повязала бандану по самые глаза, тщательно скрыв уши.

— Ох, стар я стал для таких игрушек! — вздохнула выдра, покрепче перехватив тяжелый отполированный посох из твердого дерева.

Крошка Рыж, самый мелкий и щедушный зверь в шайке, собирая ветки для костра, когда заметил странную фигуру, шлепающую к ним по воде.

— Эй, шеф, к нам гости!

Беррад отложил фляжку с грограм. Презрительным взглядом смерив приближающееся чучело, он прорычал:

— Кого еще несет нелегкая?

Выдра выбралась на берег, послышался ее неуверенный, робкий голос:

— Всей честной компании привет! Я, кажись, как раз к ужину... О-о-о, жареная рыбка — любовь моя!

Сабля Беррада неспешно потянулась к непонятному существу.

— А кто ты такой? Точнее, пожалуй, что ты такое, ха-ха-ха!

Пришелец каким-то неуловимым движением увильнул от лезвия сабли и оказался рядом с вожаком.

— Я, юный друг, старый, дряхлый, больной хорестай.

Флинки чуть не выронил рыбу в огонь:

— Хорестай? Сто черепах и одна жаба, а что это такое?

— Это, братец, помесь хорька и горностая. Мне мамочка сказала, когда я был совсем еще крошкой. Вот почему я так странно выгляжу.

— А кто твоя мамочка? И папочка? — Любопытный Флинки совсем забыл про рыбу.

— Мои родители — лис да крыс, лиса и крыса, так народ сплетничает. Но что они ужасные вруны — это совершенно точно, это я и сам знаю.

Флинки заскреб в затылке:

— Вруны? Да уж, сразу видать.

Беррад снова хлопнул Флинки саблей по голове:

— Займись своим делом и не лезь.

После этого он занялся пришельцем:

— Как тебя звать и чего тебе тут надо?

— Дак... Я ж сказал. Хорестай мне имя. А за крошку-другую съестного я вам спою да спляшу. Вы позовите, добрейший сэр?

Зверье захихикало и заерзalo. Развеселил! Это Беррад-то — «добрейший»! Смерти своей просит, старый дурак.

Беррад лизнул острие сабли и ухмыльнулся:

— Позволить-то? Чего ж не позволить... А ежели твои песни-пляски мне не по нутру придутся, я позволю этой сабле нарубить из тебя фаршу. А своим олухам позволю поджарить тебя на этом костерке. Ну а коли-ежели не-

вкусным окажешься, пойдешь на наживку, вкусной рыбки на тебя наудим.

— Пристойное предложение, сэр, премного вам благодарен.

Пришелец поклонился, отступил, завертел свой посох и запел:

Подальше от хищников мама меня
Учила держаться, ну как от огня,
Поскольку такие они от природы
Безмозглые твари, тупые уроды!
Тупые, безмозглые твари, уроды!

Я хищников видел не раз и не два,
И вскоре я понял, что мама права.
Ни морду, ни лапы не моют они,
Смердит от них жутко все ночи и дни —
Вони-и-и-и-ща!

Смех и восторженный гогот сопровождали потешный танец и пение, пока — к началу третьего куплета — до зрительской массы не дошло, что этот хорестай над ними издевается. Морды слушателей вытянулись, челюсти отвисли. Свирепо зарычав, Беррад взмахнул саблей. Но вместо того чтобы отделиться от собственной головы, незнакомый зверь как-то оказался вплотную к Берраду и сделал что-то с его носом.

Заливаясь слезами, Беррад обхватил наглого скомороха и заорал своему первому помощнику:

— Скрод, пришёй его!

Высокий, жилистый лис Скрод взмахнул копьем. Но предполагаемая жертва не спешила умереть. Беррад получил мощный удар в челюсть и выпустил противника. Тот мгновенно ускользнул в сторону, и копье попало не по адресу.

Беррад тупо смотрел на острие копья, торчащее из его собственного живота, и бормотал:

— Ты меня прикончил, тупая скотина. Т-т-т-х-х... — Мертвый Беррад, сраженный собственным соратником, свалился наземь. Об ужине все забыли, никто не заметил исчезновения четырех свежеподжаренных рыбин.

Скрод быстро опомнился и осознал, что он теперь главный в шайке. Оставив копье в брюхе мертвого атамана, он подобрал абордажную саблю, подскочил к выдре — но тут раздался глухой стук, и Скрод, получив по лбу выпущенным из пращи камнем, свалился без сознания. С дерева спрыгнула белка, сверкая глазами и вращая вновь заряженной пращой.

— Вы окружены! Все под прицелом! Сопротивление бесполезно! — крикнула белка.

Сбросив ненужный теперь плащ, выдра — все уже поняли, что перед ними выдра, — заколотила посохом и хвостом по лапам нечисти, выбивая из них ножи, кинжалы и иное оружие. Ничего не осталось в прытком силаче от странствующего шута-комедианта. И голос звучал резко, заставлял повиноваться:

— Оставаться на местах, не двигаться! Вас окружают полсотни лесных стрелков! Глухих нет, все слышали, что Саро сказала?

Однорукая крыса по прозвищу Полкотлеты соображала быстрее других:

— Так если она — Саро, то ты, стало быть, Брагун, ась?

Флинки не уставал удивляться:

— Саро и Брагун! Могучие воины!

Брагун оперся на посох и кивнул:

— Угадали. И с нами ребята в лесу, за деревьями и на ветках. Так что лучше слушайте нас внимательно и не делайте глупостей.

Флинки усердно закивал:

— Яснее ясного. Все сделаем, что ни прикажете.

Саро обратилась к мокроносому хорьку по прозвищу Сливонос:

— Откуда вы пришли?

Показав лапой через плечо, Сливонос ответил:

— Оттудова вон, с северных земель.

— С северных земель? Тогда послушайте моего друга Брагуна.

Брагун свирепо оглядел оробевшую нечисть и прорявкал свой ультиматум:

— Возвращаетесь на север. Двинетесь на юг — и вы покойники. Мы уйдем, но оставим кое-кого следить за вами. Сидите здесь до темноты, потом свернете стоянку и в обратный путь. Все поняли?

Голова Флинки утвердительно задергалась, как заведенная.

— Все ясно, ваше могущество. Принято к исполнению. Сделаем в лучшем виде, сэр.

Брагун и Саро оставили бивак бродяг. Шайка какое-то время неподвижно глазела им вслед, осмысливая прошедшее, потом зверье начало переглядываться. Наконец Сливонос нарушил молчание:

— Ну, чего теперь, а?

— Чего-чего... Как сказано, значит... — проворчала Кривохвостиха.

— Да уж, с такими лучше не спорить, — согласился Флинки. — Подождать до темноты и сматываться.

Очнувшись, Скрод уселся, держась за голову и тупо глядя перед собой.

— У-у-у... Что это со мной?

— Камнем из пращи схлопотал, приятель, — просветил его ласка Голозад, поигрывая саблей покойного Беррада. Прозвищем Голозад был обязан изуродованной спине, с которой наполовину слезла шерсть.

Скрод осторожно потрогал шишку на лбу и пискнул:

— Кто это меня так?

— Знаменитая белка Саро, — почтительно отозвался Флинки. — Тебе повезло, потому что тот, на которого ты с саблей попер, был сам Брагун.

Скрод медленно поднялся и подошел к Голозаду. Неожиданным ударом в челюсть он свалил ласку наземь и отобрал саблю покойного атамана.

— Не хватай, не твое. Теперь это моя сабля. Я убил Беррада, я теперь ваш вождь.

— Ты убил его случайно, а не в поединке. Никакой ты не вождь! — с вызовом крикнул Голозад и увернулся от пинка Скрода.

— Случайно или нет, а Беррад покойничек. Может, кто-нибудь хочет со мной поспорить?

Желающих не нашлось. Все знали, что лис опасный боец. Даже Беррад не рисковал с ним ссориться.

— Ну, так-то лучше. Собирайтесь, пойдем ловить этих наглых жуликов.

— Ты что, не слышал? — спросил Скрода Крошка Рыж. — Это ведь Брагун и Саро.

— Это ты о придурке, который выламывался тут ради ужина? Флинки, вспомни, какая белка с виду.

— Ну-у... не великанша, конечно... суховата, старовата, да.

Скрод презрительно скривил губы:

— Настоящие великие воины и с виду велики. А эти — пара мелких жуликов-самозванцев. Мало ли кто скажет, что он Брагун или Саро! Тот, кто врезал мне камнем в лоб, не проживет долго, не будет этим бахвалиться. Я из них кишкы выпущу.

— Они сказали, что в лесу оставили свой народ. Нам велено сидеть здесь до темноты, — сообщила крепкого вида крыса по имени Даргл, не поднимаясь с места.

— А ты и уши развесил! — повернулся к Дарглу Скрод. — Стара уловка! Вот, полюбуйся на их народ.

Он загреб, что попало в лапы: камни, ветки, землю, — и запустил в заросли, вызывающие вопя:

— Эй, могучие воины, дуйте сюда! Я вас в фарш по-рублю, жабье мясо!

Не получив из лесу никакого ответа, Скрод презрительно сплюнул в костер, не глядя на присутствующих:

— Тупицы безмозглые! Шевелите задами поживее, собирайтесь. Порешим этих двоих мозгляков и продолжим путь. Живо!

Шайка двигалась на юг. Крошка Рыж шел рядом с Флинки, обсуждая ситуацию:

— Скрод тоже собирается вести нас к тому аббатству, о котором твердил Беррад?

— Да, похоже, что он вообразил себя владельцем волшебного меча, — кивнул Флинки. — Магический меч, ха! И откуда старый Беррад выудил эту сказку?

— Беррад говорил, что отец рассказал ему о магическом мече перед смертью, — вмешалась в разговор Юпса, ласка, услышавшая их беседу. — Есть такое место, называется аббатство Рэдволл. И нет там никаких воинов. Но есть волшебный меч. И кто этот меч захватит, тот станет великим воином.

— Да, я тоже слышал эту легенду, — подтвердил Голозад. — Никто не сможет устоять против владельца меча.

Шедший впереди Скрод услышал замечание Голозада. Он остановился.

— Что ты там слышал? — спросил он Голозада. — Расскажи.

— Это я ему рассказал, — сообщил словоохотливый Флинки. — Я частенько сиживал с отцом Беррада. Нормальный парень был старикишкой, не то что сынок его. Он мне и рассказал все.

— А ты расскажи все мне, — потребовал Скрод.

Флинки любил поболтать, но Скрод — собеседник опасный.

— Гм... Значит, так. Есть такое место, старое аббатство Рэдволл. Где-то на тропе в середине земли. Здоровенный каменный домище в крепости!

— Я тоже слышал о Рэдволле, — перебил Крошка Рыж.

Скрод мрачным взглядом заставил его умолкнуть и кивнул Флинки.

— Да. Рэдволл построил какой-то воин много-много сезонов назад, — продолжал Флинки. — У этого воина был меч, сделанный из луны и звезд. Магия меча делает его владельца непобедимым. Воин этот давно умер, а меч висит в аббатстве.

— Тогда почему никто из аббатства не носит этот меч? — перебил на этот раз сам Скрод.

— Они ведь все простые земледельцы да ремесленники, а вовсе не воины, — пояснил Флинки. — У них там всего вдоволь, им и воевать не надо.

— Вот бы мне этот меч! — вырвалось у Крошки Рыжа.

— Я тебе покажу меч, прыщик несчастный! — прорычал Скрод. — Меч этот по праву мой!

— Если ты его осилишь, лис, — проворчал Даргл.

— Кто-то что-то вякнул? — Скрод огляделся.

— Не-е, шеф, это у меня в нутре. Кишки урчат, жалуются. — Флинки потер живот. — Так им рыбки и не досталось.

Брагун и Саро устроились в хвойных зарослях, в нескольких милях к югу от места встречи со сбродом Беррода.

Зарыв рыбы кости в опавших иголках, Брагун вытер рот:

— Неплохая была рыбка. А ты не захватила ничего из их питья?

Белка брезгливо поморщилась:

— Гадость они пьют. Крапивный грот. Неудивительно, что сами такие тупые. И те жалкие мозги, которые у

них есть, от этой дряни гниют и скучоживаются. Лучше пить воду из ручья. Вот прибудем в аббатство...

Саро откинулась назад, уставилась в усыпанное звездной пылью небо.

— Ох, старое добре аббатство Рэдволл... Как ты думаешь, простили они нам наши прежние шутки?

— Надеюсь. Шальной парочкой мы были. Интересно, Гурвел все еще повариха? Хо-хо, какие пироги и лепешки мы тырили из ее кухни!

Саро пожала плечами:

— Сколько сезонов утекло! Жива ли она? Вряд ли... Но повариха она была что надо.

— Кто ж спорит! — с жаром подтвердил Брагун. — А я могу биться об заклад, что мой малый брательник Торан тоже повар. Гурвел его обучала тому сему... много чему. И кухня ему нравилась.

Саро прыгнула на дерево и устроилась на ветке как раз над Брагуном:

— Лепешки, свежий теплый хлеб, ватрушки, пряники, орехи, мед, варенье, повидло, сливки, пенки... — Слова таяли у нее во рту.

Брагун потянулся и зевнул:

— Лучше и не напоминай. Завтра доберемся, тогда и набьем утробу. Спокойной ночи.

Белка, казалось, не слышала:

— Октябрьский эль... Пенная кружка доброго зля... Ломоть ржаного хлеба и желтый сыр с жареными орехами... Простая и здоровая пища, правда, Брагун?

— Вполне, — открыл один глаз Брагун. — Спи.

Саро обиженно отвернулась от друга:

— Ах так? Спокойной ночи, веслохвост сварливый.

— И тебе спокойной ночи, кустохвостиха.

Оба замолчали и вскоре заснули. Им снились детские сны, сезоны, когда они называли домом древнее аббатство Рэдволл.

Беки барсука дрогнули, глаза медленно открылись. Незнакомая обстановка. Сухая, уютная, мирная пещера, мягкая постель, воздух напитан ароматами трав и терпким дымком. На грубых каменных стенах отблески пламени, полыхающего в очаге.

Движение у изголовья привлекло его внимание, и барсук мог слегка повернуть голову. Он увидел детеныша морской выдры.

— Старый барсук, которого бандиты убили, был ваш отец, сэр?

Пренебрегая болью, барсук еще чуть повернул голову, чтобы лучше видеть собеседника. Зазвучал его голос, странный и непривычный для обоих:

— Это мой друг. Но и отец не мог бы быть добрею ко мне. Моего старого друга звали Грон. Вы похоронили его?

Малыш закивал:

— Папа и Береговой Пес вырыли ему норку. И сверху навалили скал. И ваш лук, сломанный.

— Я должен поблагодарить твоего отца и Берегового Пса. Как тебя зовут?

Малыш вежливо протянул лапу:

— Стагг, сын Эбрика и Марину.

Массивная лапа барсука приняла лапку выдрыныша.

— Рад знакомству, Стагг. Меня зовут Лонна Острый Глаз. Твой отец далеко? Я поговорил бы с ним.

Стагг понесся из пещеры, вопя во весь голос:

— Папа, папа, беги сюда! Большой полосатый барсук проснулся, его зовут Лонна!

В пещеру вошли Эбрик, Береговой Пес и еще две выдры — молодая и очень старая. Сзади крался Стагг.

Лонна пошевелился, собирая силы для поклона:

— Благодарю вас, друзья. Вы спасли мне жизнь, возитесь со мной, лечите, ухаживаете. Вы похоронили старика Грома, Стагг мне рассказал.

Эбрик легонько прижал барсука к постели:

— Мы сделали для твоего друга все, что могли. Только нечисть оставляет мертвых непогребенными. А о тебе заботятся моя жена Марину и старая Сорк. Ты отдыхай, Лонна. Поправляйся. Мало-помалу снова станешь здоровым и сильным. Мы все, что можем, для этого сделаем.

— Я должен стать здоровым и сильным. Я должен отплатить этим мерзавцам за смерть старого Грома. Вы их видели?

Сорк сутилась у постели раненого:

— Спокойно, спокойно. Слава Сезонам, что ты жив остался, но надо еще лечиться и лечиться. Сейчас мы тебя попробуем покормить.

Сорк и Марину вышли.

Береговой Пес стоял рядом с барсуком, глядя на его израненную физиономию.

— Мы их никогда не встречали, но знаем о них кое-что. Это были морские крысы Раги Бола. Их корабль наскочил на скалы и разбился. Они направились на запад, где погода лучше. Надеются что там есть чем поживиться. Знаешь Рагу Бола?

— Его не знаю, но слышал о нем. Говорят, его нечисть убивает для развлечения.

— Папа говорит, что Рага Бол плохой, — вмешался Стагг.

Эбрик потянул сына за хвост:

— Иди помоги маме.

Лонна посмотрел вслед выходящему Стаггу:

— Хороший парень вырастет.

Эбрик улыбнулся:

— Да, славный малыш. — Эбрик вложил что-то в лапу Лонны. — Твое оружие сломано, друг. Я сплел новую тетиву для лука. Пригодится.

Лонна приподнял лапу, чтобы рассмотреть подарок.

— Спасибо, друг. Хорошая тетива, прочная. Отличный подарок лучнику.

— Мы сделаем для тебя все, что в наших силах. Тебе стоит только сказать.

Барсук прикрыл глаза:

— Ясень для стрел понадобится. Несколько молодых ивовых стволов попрочнее, чтобы выбрать лук.

— Колчан со стрелами мы принесли, — сообщил Береговой Пес. — Наши знакомые речные выдры живут возле ивой заросли. Там и выберем подходящие побеги. А сейчас тебе надо отдохнуть и выздоравливать, Лонна. Постарайся побольше спать.

Марину и Сорк покормили Лонну, обработали раны. Невероятно слабый, он снова погрузился в дремоту. Ему представился Рага Бол, замахнувшийся на него саблей. Барсук, не отрывая взгляда от крысиного капитана, гневно произнес:

— Смотри, смотри, и ты меня увишишь. Я Лонна Ост-
рый Глаз. И земля слишком мала для нас двоих. Я найду
тебя. Я найду тебя, Рага Бол. Ты от меня нигде не скро-
ешься. День твоей смерти уже обозначен на Вратах Тем-
ного Леса.

Малыш Стагг снова забежал в пещеру и увидел, что
барсук спит. Но выражение ярости в чертах спящего зве-
ря было таким ужасающим, что Стагг стремглав бросился
прочь.

* * *

В своем стремлении на запад банда Раги Бола никак
не могла преодолеть прибрежные пустоши. Крысы за-
держались на берегу ручья, разорив колонию полевок.
Среди разоренных и горящих жилищ, спотыкаясь о тру-
пы убитых, разбойники ссорились и дрались из-за жал-
кой добычи.

Сморщенная старуха Вирга стояла и смотрела на ка-
питана, грызущего кусок вяленой рыбы. Рыбина торчала
на серебристом крюке-налапнике, здоровой лапой капи-
тан отрывал от нее куски и отправлял в рот. Бол ухмыль-
нулся:

— Вот видишь, чем дальше на запад, тем больше до-
бычи. Обрубок уже не так болит, да и погода улучшается.

Вирга показала на груду мертвых полевок:

— Это все надо сбросить в ручей, и можно спокойно
ночевать. Неплохое место для лагеря, капитан.

Бол поковырял крюком в зубах.

— Да, отличное местечко. Ха-ха-ха...

Вирга тоже засмеялась мелким старческим смехом.
По обязанности захихикала, «по долгу службы». Но тут
же поперхнулась, увидев, какую морду скорчил Рага Бол.
Он выкатил глаза и уронил рыбину.

— Что случилось, капитан? Костью подавился? Я
гляну...

Она подбежала к Раге Болу, но тот грубо отпихнул свою знахарку:

— С якоря сниматься! Уходим.

— Но ты же сам...

Вирга едва увернулась от сверкнувшего над нею крюка. Бол лупил сапогами по костру, разбрасывая угли и горящие ветки.

— Пошевеливайся!

Он отвернулся и уставился в сторону, откуда пришел со своей ратью. Вирга побежала исполнять приказание. Глимбо недоверчиво уставился на нее единственным глазом:

— С чего вдруг? Уже почти стемнело.

— Пойди спроси у него сам, если жить надоело.

Команда в мрачном молчании ожидала капитана, который все еще глазел на восток. А Рага Бол бормотал себе под нос:

— Ты покойник, полосатая собака, ты издох... Ты должен быть покойником... Где ты?

Он содрогнулся и запахнул плащ. Угроза барсука Лонны.

В сторожке у главных ворот аббатства Рэдволл Марта и ее друзья изучали хроники Глинобитной Обители. Печальным событиям была посвящена эта книга.

— Здесь изложена история многих **лиц**, связанных с авторами. Мне кажется, что вот это стихотворение сестры Линфы лучше всего выражает суть трагедии. Вот послушайте.

И аббат Кэррол приступил к чтению:

Где и когда настанет
День счастливый такой,
Когда Глинобитной Обители мыши
Вновь обретут покой?

Когда же мы улыбнемся
И станет на сердце легко?
Ох, тяжело скитаться
От дома так далеко!

Косит зараза братьев,
И косит она сестер,
Будто злой рок проклятье
Над домом нашим простер.

Падают, словно колосья,
Их могила сыра.
Нечего больше делать,
Нам уходить пора.

Ветер и дождь. Без крова
Бродим по землям пустым.
Нашу Обитель нынче
В памяти мы храним.

Глаза Марты затуманились. Торан стоял в дверном проеме, как картина в раме, и вытирал глаза своим поварским передником. Он подошел незамеченным как раз к началу чтения.

— Хватит читать, друзья, — сказал Торан. — На сегодня довольно. Прошу вас в аббатство, ужинать. Завтра утром усядитесь на ступеньках крепостной лестницы, продолжите работу при солнышке. Марта, не дело это — на ночь читать о болезнях да о смерти.

Зайчиха вопрошающе посмотрела на аббата Кэррола:
— Но нам ведь нужно узнать секрет сестры Амил. И узнать, где находится Обитель.

Однако аббат сам подтолкнул ее кресло к двери.
— Торан прав, Марта. Всему свое время. Пора на ужин в Пещерный зал. Утром мы со свежими головами снова возьмемся за дело.

Старик Фред помахал лапой им вслед:

— Ступайте, ступайте, молодежь. Я еще чуток задержусь.

Он вернулся в сторожку и обратился к подушке кресла:

— Дорога в Глинобитную Обитель. Гм, где же я встречал это раньше, не помнишь? У какого-нибудь путешественника, конечно.

Фред залез на стул и проверил самую верхнюю полку. Вытянув один из толстенных фолиантов, он сдул с него пыль и благосклонно уставился на нового собеседника:

— Вот ты где спрятался, старый разбойник. На самый верх взобрался. Хе-хе. Думал, не найдет старик Фред? Что теперь скажешь, а?

Вернувшись в кресло, он придвинул фонарь поближе, открыл книгу и перелистнул пожелтевшие страницы.

— Хи-хи-хи, мы ведь уже встречались, не так ли? Записки Тима Церковной Мыши. Путешествие в поисках Маттимео, сына великого воина Матиаса. И проходил маршрут этого странствия как раз по территории Обители. Разве нет?

Торан озабоченно поглядывал на Марту. Не нравилось ему настроение молодой зайчихи.

— Выше нос, красавица! Чего уши повесила? На завтра дождь накличешь. Что, грибной суп не по вкусу? Хлеб зачерствел? Может, сыр слишком твердый? Или мало слив в пудинге? Земляничная шипучка выдохлась?

Марта вымученно улыбнулась:

— Нет, что ты, Торан, ужин великолепный. Это просто... ох, даже не знаю, как сказать...

Поднялся аббат Кэррол:

— Ну, тогда я попробую помочь. Знаете, какой завтра день?

Портуда пожала плечами:

— Надеюсь, солнечный.

Аббат поднялся и пробормотал ей, уже стуча ложкой по столу, чтобы установить тишину и привлечь всеобщее внимание:

— Завтра первый день лета. Внимание, друзья! — произнес он уже громко.

Все глаза устремились на настоятеля.

— Завтра в честь начала летнего сезона мы устроим спортивный праздник и праздничную трапезу. Ответственный — наш добрый Кротоначальник Двурл. Прошу всех с ним сотрудничать и оказывать всяческое содействие.

Кротоначальник Двурл встал и поклонился аббату и присутствующим:

— Хурр, благодарю за доверие! После завтрака приглашаю всех в сад. Малышам предлагаю хорошенько умыться.

В Пещерном зале воцарилась тишина. Все разошлись по спальням в предвкушении завтрашнего праздника. Аббат Кэрролл толкал кресло Марты по Большому залу в направлении ее спальни, которая находилась на первом этаже рядом с его личным помещением. Они следовали мимо громадных колонн, и негромкий голос настоятеля отражался от стен и перекрытий:

— А ведь Фред так и не появился к ужину.

— Ох, а вдруг с ним что-то случилось? — забеспокоилась Марта.

— Нет, с ним все в порядке, — заверил ее аббат. — А вот остаться одному ему весьма не терпелось. Пожалуй, он выкопает что-то о Глинобитной Обители в своих пыльных архивах.

— Если бы! — воскликнула Марта.

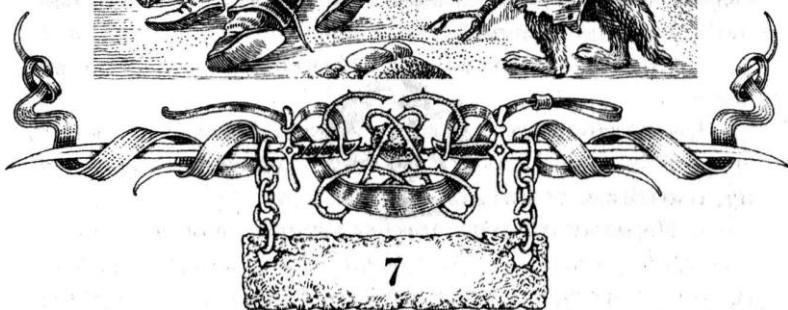
— Уверен, — кивнул аббат. — Кажется, наш поиск завтра принесет нечто неожиданное.

Марта даже задрожала от возбуждения. Не было еще случая, чтобы такого рода пророчества аббата не сбывались.

— Ох, как я надеюсь на это, отец Кэррол! Может быть, мы откроем секрет сестры Амил.

Марта взглянула на портрет Мартина, который они как раз миновали. Было ли это игрой света, бликом мигающего фонаря, или на самом деле Мартин Воитель подмигнул ей?

В нескольких лигах к северу от Рэдволла банда усталого и ободранного сброда блуждала в чащце Леса Цветущих Мхов. Ведущий группу Скрод свирепо прорубал путь новоприобретенной атаманской саблей.

Даргл, не стеснявшийся критиковать нового главаря, ворчал себе под нос:

— Это ж надо! Гоняемся за кем-то, незнамо кого ищем, а сами потерялись, как щенки слепые.

Утомленные и сонные, остальные согласно заворчали. Скрод не хотел напрямую связываться с Дарглом — не здесь и не сейчас. Поэтому он обратился с «ободрением» ко всем сразу:

— Заткнитесь и шевелитесь! «Потерялись»... Вы бы потерялись без меня, но я вас веду и выведу, куда надо.

Флинки не удержался и подлил масла в огонь. Изменив голос, он проворчал, чтобы все слышали:

— Не стоит так терзать бедных уставших зверушек.

Простоватый Крошка Рыж сдуру подхватил:

— Спать бы сейчас, а не кружить по лесу.

Его голосок Скрод узнал сразу. Мощным ударом он свалил мелкого лиса наземь, приставил к его горлу саблю и зловеще прошипел:

— Еще слово, и уснешь навсегда. Мне твое нытье надоело.

Поняв, что перегнул палку, Флинки решил исправить ситуацию. Он подошел к Скроду и, протянув Рыжу лапу, обратился к вожаку:

— Не надо убивать этого хилятика, свой все-таки.

Скрод промолчал. Он отвернулся и зашагал дальше.

Но вызов брошен. Предстоит бой. И смерть. Все обдумывали происшедшее и пытались угадать, что же будет дальше. Скрод подозревал Крошку Рыжа, и теперь они шагали рядом. Лисенок чувствовал себя польщенным. Обычно он тащился замыкающим.

Тихо, чтобы его мог слышать только Крошка Рыж, Скрод бормотал:

— Мы оба лисы, друг, нам стоит держаться вместе.

Крошка Рыж невольно оглянулся, чтобы проверить, не обращается ли атаман к кому-то другому. Он больше привык к пинкам и зуботычинам, чем к добрым словам.

— Я к тебе давно присматриваюсь, — продолжал Скрод. — Ты славный малыш, не то что вся эта шушера.

Слово «малыш» Рыжа покоробило, но внимание вожака окрыляло.

— Да, голова у меня на месте, да и не такой уж я малыш. Я ведь расту, и скоро меня будут называть Большим Рыжем.

— Слушай, приятель, — приступил к делу Скрод, — можешь оказать мне услугу?

Крошка Рыж выпятил грудь и зашагал аж на цыпочках, чтобы казаться выше.

— На меня можно положиться! — гордо заявил он.

Скрод пригнулся к уху лисенка:

— Держи ухо востро, следи за стаей, особенно за этим Дарглом. Он наглеет. Я хочу, чтобы ты обеспечил мне тыл, стерег спину. Был моим помощником.

Стараясь ничем не проявить переполнявшего его восторга, Крошка Рыж ответил солидным баском:

— Все понял. Увидишь, я справлюсь. Скоро они будут звать меня Большим Рыжем.

Скрод потрепал будущего «большого» по плечу:

— Отлично. Вот проясним обстановку, подумаем о твоем имени. «Большой» всего лишь размер, можно и получше придумать. Неистовый Рыж, например, а? Звучит!

Крошка Рыж чуть не лопнул от ликования, но старался выглядеть солидно.

— Да-а, здорово придумал, атаман! Неистовый Рыж — отлично. Самое имя для кровавого убийцы!

Проплутав по зарослям всю ночь, шайка промокшей и уставшей нечисти уперлась в какой-то ручей.

Даргл взрывался от всякой мелочи. Когда рядом с ним проскользнул Крошка Рыж, Даргл грубо ткнул его торцом своего копья:

— Не трись возле меня, гаденыш! Каждый раз, когда тебя несет мимо, на меня дождем льет с веток.

Рыж жалобно глянул на Скрода. Тот смерил Даргла презрительным взглядом:

— Капельки воды испугался? Все промокли, но никто не ноет.

— Ха! Промокли! А чего ради? Искали ветра в поле! Никого не нашли, а сами заблудились. Хорош из тебя атаман, Скрод!

— Чушь несешь, мы не заблудились!

Теперь Даргл презрительно скосился на Скрода:

— Не заблудились? А вон глянь на ту рябину. Я чиркнул по ней острием копья чуть не сразу, как с лагеря снялись.

Флинки тщательно исследовал поврежденный ствол.

— Да, царапина свежая... Похоже, что копьем. Даргл-то не врет!

Даргл вызывающе ухмылялся, опираясь на свое копье:

— Водил, водил и вывел, великий вождь! Водитель-заблудитель.

Лис сжал покрепче саблю и, глядя на Даргла в упор, заявил:

— Раз ты такой умный, покажи дорогу. Не болтай впустую, а найди путь.

Наглый Даргл крякнул и демонстративно уселся на выпирающий из земли корень.

— Дорогу — куда? Я, что ли, предложил гоняться за этими... привидениями? Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. С меня хватит. Отыхаю.

Полкотлеты отважился предложить решение:

— Беррад бы выслал Сливоноса в разведку. Он ведь опытный следопыт.

Скрод с облегчением подхватил эту подсказку:

— Верно. Сливонос, двигай в разведку. Забудь пока про этих двоих придурков, никуда они не денутся. Найди путь к аббатству и сразу назад.

Дергая своим солидных размеров носом, Сливонос жалобно заныл:

— Я тоже устал и хочу отдохнуть. Это несправедливо!

Братья-ласки Рогг и Флогго, не сговариваясь, выпустили из луков две стрелы, воткнувшись в землю у ног Сливоноса.

— Ты скаут, Слив, не сачкуй, проваливай в разведку!

— Ты своим носом бабочку под водой учуешь!

В Сливоноса полетели ветки и листья, шайка дружно выгнала его из лагеря. Довольные, что в разведку отправили не их, звери принялись за устройство лагеря.

Скрод подозревал Крошку Рыжа и прошептал ему на ухо:

— Найди мне удобное местечко для ночлега. Подальше от этой крысы. И сам устройся рядом, будешь меня охранять. Действуй!

Преисполненный гордости, Крошка Рыж рванулся исполнять поручение вождя. Он быстро нашел удобное углубление между корнями могучего дуба, не слишком близко к ручью.

После ужина всех быстро сморил сон. Большинство свалилось возле костра. Даргл выбрал пышные заросли мха подальше от Скрода и с хорошим обзором местности.

Крошка Рыж, гордясь своей находкой, продемонстрировал Скроду местечко под дубом.

— Отличная пещерка, удобная, уютная. Места хватит для нас обоих, я могу отсюда наблюдать все подходы.

Скрод поморщился:

— Нет, ты оставайся у костра, вместе со всеми. Как раз между мной и Дарглом. Только не засни. Как только Даргл зашевелился, сразу беги сюда и буди меня.

Крошка Рыж не мог скрыть разочарования:

— Да я бы и отсюда мог...

Скрод резко перебил его:

— Делай, что я тебе говорю. Выполняй приказания.

Поджав хвост, обиженный Рыж поплелся к огню. Мрачно глядя под ноги, он опустился наземь возле храпящих бродяг.

Перед рассветом над лагерем тишина, ни ветерка; солидно журчат пчелы, неслышно порхают с цветка на цветок бабочки. Крошка Рыж спал возле угасающего костра. Не спал лишь Даргл. Пришла пора действовать. Он пристроил свой плащ так, чтобы казалось, что под плащом лежит его хозяин, и потихоньку отполз в кусты. Волоча брюхо по траве, Даргл подполз к здоровенному дубу.

Скрод спал чутко и мгновенно проснулся, но лишь для того, чтобы тут же уснуть навсегда. Копье Даргла пронзило его тело насквозь.

Свирепо улыбаясь, Даргл пригнулся к поверженному противнику:

— Ну, кто теперь главный?

Это было его единственной ошибкой — и последней. Скрод спал, крепко сжимая в лапе саблю. Судорожным движением, последним рывком он взмахнул саблей — и голова Даргла почти отделилась от туловища. Труп победителя рухнул на труп побежденного.

Крошка Рыж проснулся от удара в спину. Это ворочался и катался по земле Флинки. Рыж уселся и толкнул беспокойного горностая:

— Поосторожнее, большой болван!

Флинки прорычал что-то неразборчивое, перекатился на другой бок и снова захрапел.

Рыж медленно поднялся и осмотрелся. Во мху виднелся плащ Даргла. Рыж облегченно вздохнул и направился к логову Скрода. Увидев кучу из двух мертвых тел и оружия, он прирос к земле.

Опомнившись, Крошка Рыж подобрал палку и потыкал обоих старших членов шайки, вполголоса обращаясь к ним по именам, уже не ожидая ответа. Что делать? Орать, звать остальных? Он уже было разинул рот, но тут же захлопнул его. Кто теперь станет главарем? Глядя на мертвцев, Рыж присел, погруженный в размышления. Долго думать ему не пришлось, решение напрашивалось само собой. Он сам — следующий вождь. Выдрать саблю из оцепеневшей лапы Скрода оказалось нелегкой задачей. Не так просто и разрубить жилистую шею Даргла. Но вот голова крысы отвалилась. Полдела сделано.

Флинки проснулся со знакомым ощущением: сабля плаша стукнула его по темечку. Он вскочил, ожидая увидеть Скрода, но увидел совсем другое: мелкий гаденыш Рыж прыгал между спящими зверями, вопил и будил их ударами сабли.

Ласка Юппа подхватила полено и направилась к Рыжу:

— Ты что это о себе возомнил, полудурок?

Рыж ударом сабли вышиб деревяшку из лапы Юппы.

— Я ваш новый вождь! — выкрикнул он тонковатым, но уверенным голосом. — Пошли со мной, сами увидите.

Звери молча обступили мертвых товарищей. Рыж обстоятельно объяснил:

— И вот я увидел, как Даргл пронзил спящего Скрода копьем. Тогда я подхватил саблю и одним взмахом снес убийце голову.

Кривохвостиха смерила Рыжа недоверчивым взглядом:

— Ты??? Дарглу? Одним взмахом???

Рыж подпрыгнул на месте и, сжав в обеих лапах саблю, подскочил к Кривохвостихе:

— Да, я! Показать? Я вождь, и сабля моя! Я убил!!!

Кривохвостиха невольно попятилась.

— Ну-ну... — пробормотала она. — Ладно, ладно, не спорю.

Флинки мгновенно взвесил вероятные варианты развития событий и выступил вперед:

— Ну, ну, не волнуйся, Крошка Рыж. Мы все признаем тебя, великого вождя. Ты уж всяко лучше, чем те покойники. Так ведь, ребята?

Отвернувшись от рыжего, он подмигнул и крикнул:

— Салют новому атаману!

И Рыж увидел, как все оставшиеся члены шайки взметнули лапы в приветственном жесте. Рыж с трудом сдерживал переполнявшую его радость. Кончилась старая жизнь, полная придирок, унижений, оскорблений. Он теперь главный!

Для подтверждения своего авторитета Крошка Рыж решил тут же сменить имя.

— И никакой я больше не Крошка. Неистовый Рыж теперь мое имя. Неистовый Рыж. Все ясно слышали?

— О чём речь! — с жаром согласился Флинки. — Неистовый Рыж — древнее боевое имя, прекрасное имя, звучное! А теперь, Неистовый Рыж, какие будут распоряжения? Мы остаемся в этом лагере? Воды и пищи здесь хватает, местечко неплохое...

Неистовый Рыж повелительно кивнул:

— Да, пока остаемся здесь.

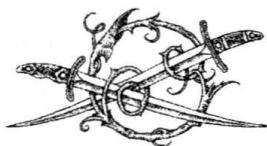
Вечером у костра Кривохвостиха шепнула Флинки:

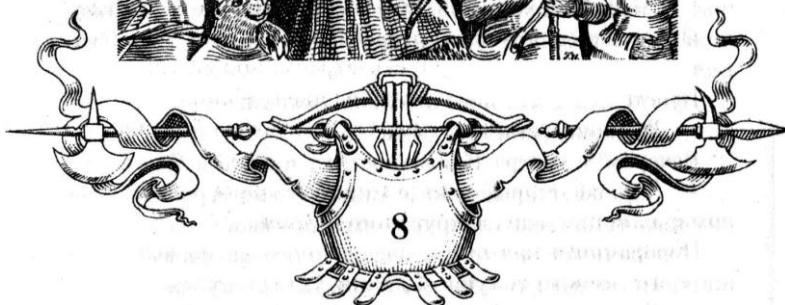
— Слушай, старый пень, с какого это перегрева ты с таким пылом пляшешь вокруг этого недоумка?

Поворачивая над огнем насаженного на ивовый прут жирного лесного голубя, Флинки ухмыльнулся:

— Лучше малый дурачок, чем большой бандюга. С этим хоть можно управиться. Он сделает то, что подскажу ему я, мудрейший из мудрых. Хватит с нас кровожадных ласок, лисок и крысок. Места здесь неплохие, сама видишь, лучше, чем на севере. Поживем — увидим.

Неистовый Рыж вынашивал, однако, совершенно иные планы. Он рожден не для сладкозвучного пения и ленивого лежания на берегах ручья. Магический меч ждет его. Судьба Неистового Рыжа — стать великим властелином, правителем этого легендарного места, аббатства Рэдволл.

8

Лонна Острый Глаз сидел около пещеры, наслаждаясь хорошей погодой. На суровом северо-восточном побережье наступало лето. С моря веял теплый ветерок вместо привычной прохлады. Над болотами кричали чайки, камыш сухо шуршал на ветру.

Барсук пошевелился, и движение отдалось резкой болью в спине.

— Болит спина, Лонна? — сразу забеспокоился Стагг, все время крутившийся возле барсука-гиганта.

— Пока болит, — улыбнулся Лонна, — но с каждым днем все меньше. Дай мне лук, пожалуйста.

Малыш быстро притащил ствол молодой ивы, выбранный Лонной для лука. Стагг внимательно осмотрел его. Лонна снял кору по всей длине лука, оставив ее лишь в середине, где он обмотал лук бечевкой, чтобы было удобнее держать. На закругленных концах сделал зарубки для крепления тетивы.

Лонна проверял лук на прочность, сгиная его могу-
чими лапами.

— Что, Лонна, готов лук?

Лонна отпустил согнутый ствол, согнул его снова.

— Да, Стагг, готов. Отличный лук, лучше не бы-
вает!

Стагг возбужденно запрыгал:

— Натягивай тетиву, пусти стрелу, попробуй!

От главной пещеры к ним подошел Эбрик:

— Все надоедаешь Лонне? От тебя шума больше,
чем от мешка лягушек.

— Что ты, Эбрик! — запротестовал Лонна. — Стагг
мне вовсе не мешает, он отличный помощник.

Эбрик присел рядом:

— Ну, как лук, Лонна? Готов?

— А вот сейчас натянем тетиву и проверим.

И Лонна поднялся, опершись на древко лука.

Настал долгожданный торжественный момент. Лонна Острый Глаз вот-вот вынесет из своей пещеры берестяной колчан со стрелами. Стагг стоял у входа в пещеру, выпятив грудь колесом, и поучал собравшихся:

— Пожалуйста, не подходите близко. Лук — опасное оружие, смертельное. Это я помог Лонне сделать смертельный лук.

Наконец вышел Лонна с колчаном, полным стрел. Эбрик и Береговой Пес славно поработали, помогая Лонне. На каждой стреле оперение из перьев крупных морских чаек и острейший кремневый наконечник.

Лонна закрепил тетиву на одном конце лука и в очередной раз похвалил:

— Отличная тетива! Такая не подведет. Спасибо, друг Эбрик.

— Могучему воину — достойное оружие, — скромно отозвался польщенный Эбрик.

Лонна перевернул лук, упер его в землю и навалился на верхний конец. Под почтительный гул собравшейся толпы ствол ивы выгнулся дугой. Ловкими движениями опытного лучника Лонна закрепил второй конец тетивы. И, держа большой боевой лук, барсук торжественно вытягивает из колчана три стрелы.

— Высота, дальность, точность — вот что нужно лучнику.

Мгновенно вскинув лук с уже вложенной стрелой, он выстрелил вверх — и стрела сразу же скрылась из глаз.

— Ух ты! Где ж она? — проворчал Береговой Пес.

— В луну попала! — подсказал догадливый Стагг.

— Не иначе, — с серьезным видом подтвердил Лонна. — Теперь дальность.

Вторая стрела вжикнула над рукавом речки и болотом, пропав из виду в направлении моря.

— А эта где, Стагг? — спросил Эбрик. — Должно быть, акулу проткнула?

— Двух, — выкатил глаза малыш. — И краба здоровенного.

Лонна прищурился:

— Теперь выберем цель. — Он поклонился Марину. — Мадам, укажите какой-нибудь предмет как можно дальше, пожалуйста. Все, что угодно, что сможете различить.

Марину тоже прищурилась, вглядываясь, и нерешительно показала лапой:

— Вон деревяшка за большой лужей. Справа от излучины, видите? Нет, это, наверное, чересчур далеко, я лучше что-нибудь другое...

Она не успела договорить, а указанная ею чурка закувыркалась, сбитая меткой стрелой. Толпа зрителей изорвалаась восторженным гулом.

Лонна снял тетиву с лука и передал его Стаггу:

— Ну, приятель, похоже, мы с тобой сделали не-плохое оружие. Спасибо за помощь!

— Теперь берегитесь, морские крысы! — закивал Стагг.

Лонна ужинал вместе с выдрами в большой пещере. За большим рыбным пирогом последовал сли-вовый медовик с осенним сидром. Стагг дремал, прильнув к своему большому другу.

Старуха Сорк в очередной раз осмотрела голову барсука.

— Отлично заживает. Лучше, чем я ожидала. Счастливый ты, чего хмуришься, радоваться надо!

— Спасибо, Сорк. Но я тут отыхаю, а Рага Бол со своими бандитами уходит дальше и дальше. С каждым днем все труднее будет найти их след.

— Этого можешь не опасаться, друг, — мрачно успокоил барсuka Эбрик. — Уж слишком заметный они оставляют след. Разрушение, смерть, горе... Незрячий увидит. Но я твоё нетерпение понимаю. Вот уж лето не за горами. Там и в путь...

— Эта банда не должна увидеть, как падают осенние листья, — отчеканил Лонна, пристально глядя в пламя очага. — Я выйду завтра.

Береговой Пес бросил в очаг полено.

— Мы отправимся с тобой, Лонна. Дюжина выдр — надежная подмога. Даже такой могучий воин, как ты, нуждается в поддержке.

Барсук едва заметно покачал головой:

— Спасибо, друг, но я должен справиться сам. Вы оставайтесь здесь и заботьтесь о своем народе. Легко мне, конечно, не будет. Бол знает, что я иду.

— Он наверняка воображает, что убил тебя, —
вразил удивленный Эбрик. — Откуда ему знать?

Не отводя взгляда от пламени, Лонна пустился в пояснения:

— Отца и матери я не знал. Меня воспитал мудрый старик Грон, которого вам пришлось похоронить. Многому научил он меня. Не только стрельбе из лука. Он открыл мне, что я наделен редким даром ясновидения. Однажды он сказал: «У тебя меткий глаз лучника, таких стрелков я за всю жизнь не видывал. Но у тебя есть и еще одно зрение, внутреннее, ты можешь видеть то, чего не видят другие. И это скажется на твоей судьбе». Так и произошло. Даже лежа в пещере, я видел этого мерзавца Рагу Бола. Я могу увидеть его в пламени костра. Он знает, что я жив и иду за ним. И пусть знает. Он — воплощение зла и должен умереть.

Береговой Пес почувствовал, что шерсть у него на затылке зашевелилась.

— Но если ты ясновидящий, то ты мог увидеть и смерть Грона?

Взгляд Лонны оторвался от пламени очага.

— Да. Я знал, что жить ему осталось недолго, но как он умрет... этого я не смог увидеть. Грон был стар и очень болен. Он хотел умереть в Саламандастроне. Это гора-крепость барсуков. Туда мы и направлялись. Ведь и моя судьба связана с этой горой.

— А где находится эта гора? — спросил Эбрик.

Лонна снова уставился в огонь:

— Я там никогда не был, но мой дар ведет меня туда. Саламандастрон расположен на западе, на берегу великого моря. Я направлюсь туда, как только разделяюсь с крысами. Сюда я больше не вернусь. И поэтому я должен идти один.

Наступило молчание. Тихо подошла Марину и унесла спящего Стагга. И остальные выдры отправи-

лись спать. У очага остались лишь Лонна, Эбрик и Береговой Пес.

— Графо Трок, вот кто нам нужен! — нарушил молчание Береговой Пес.

— Точно! Старик Графо нам поможет, — присоединился к нему Эбрик.

Лонна вновь оторвался от созерцания пламени:

— Кто это — старик Графо? И чем он может помочь?

Береговой Пес поднялся и подхватил свою теплую накидку.

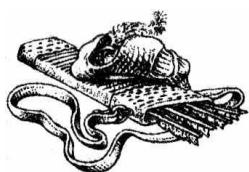
— Графо — бывалый шкипер, Командор северо-восточных речных выдр. У него есть речной парусник. Графо доставит тебя на запад по реке. Выиграешь время и побережешь свой незаживший хребет. Выйдешь на след Раги Бола вдвое скорее, Лонна!

Эбрик подтолкнул Лонну локтем:

— Графо — отличный парень, тебе понравится. Он знает реку, как собственный хвост. А теперь пошли спать, Лонна, завтра большой день.

Эбрик и Береговой Пес ушли, а Лонна сосредоточенно смотрел в угасающий огонь, в мерцающие по краям багровые угли.

«Я иду, Рага Бол, я иду за тобой. Нет тебе больше покоя. Я найду тебя. Это так же неизбежно, как ночь следует за днем», — повторял он мысленно, перед тем как заснуть.

Eще полностью не рассвело, а аббатство Рэдволл уже жужжало, как улей. Особенный день сегодня. Обитатели аббатства с мисками, тарелками и кружками в лапах пристраиваются кто где. Хорти со своей командой любуется из окна спальни возней малышни, уписывающей на пороге аббатства овсянку с медом и фруктами. Желающим позавтракать на свежем воздухе приходится осторожно пробираться между ними.

— Хурр-хурр, осторожно, не наступите в мой завтрак, добрый сэрр, — напутствовал пробиравшегося мимо рэдволльца кротеныш Магам. — Ох и манеры у этих нынешних взрослых, у-ху-хурр, — посетовал он, укоризненно качая головой.

Теплые лучи поднимающегося солнца рассеяли утренний туман. Молодая бельчиха Фенна высунулась из окна и метко бросила кусочек лепешки в откинутый

капюшон плаща сестры Сетивы. Хихикнув, она спряталась за друзьями:

— Заметила?

— Ничего она не заметила, во, — разочаровал ее Хорти. — Потопала к пруду с братом Гелфом. Ха-ха-ха! Во удивится-то, когда в саду птицы на ее капюшон слетятся.

Спринголд проводила взглядом сестру Сетиву, осторожно шагавшую со своим подносиком.

— Не завидую я той птахе, которая к ней подлетит. Придется бедной птичке сначала принять ванну, а потом вынуть ведро какой-нибудь лечебной отравы. Ой, папаша настоятель!

Все трое отпрянули от окна. В двери появились настоятель, Торан, сестра Порттула и Марта. Торан помог сначала Марте с ее креслом-каталкой, а потом Порттуле с тележкой, нагруженной съестным. Аббат воздел руки к небу и глубоко вздохнул:

— Дивный денек! Надеюсь, нам дадут часок-другой спокойно поработать.

Подойдя к сторожке, Торан постучал в дверь. Изнутри послышался недовольный голос отца Фреда, ругающего свое кресло:

— Отстань от меня! Из-за тебя я проспал. Не надо быть таким удобным!

Голос замолк, из двери высунулись головные иголки, за ними показалась физиономия отца Фреда с заспанными глазами.

— Доброе... м-м-м... утро? Да, скорей всего утро, судя по расположению небесного светила.

Отец Фред окунул физиономию в таз с водой, фыркнул и рассеянно вытерся одеяльцем с кресла Марты.

— Гм, так-то лучше. О, у вас завтрак с собой. Отлично, я, кажется, как раз умираю с голоду, если не ошибаюсь.

Фред посвятил все свое внимание еде. Марта сгорала от нетерпения, с трудом сдерживая любопытство, но Торан не стал откладывать дело в долгий ящик:

— Ну, сэр, как дела? Есть что-нибудь толковое о Глинобитной Обители?

Фред указал на пыльную книгу:

— Вон, разлеглась, довольная. Читал, пока она меня не усыпила. Очень, очень интересную историю рассказала, гм-да.

Марта осторожно прикоснулась к старым, желтым от времени и хрупким страницам, вгляделась в поблекшую аккуратную запись выцветшими, уже неведомо какого цвета чернилами. Она прочитала вслух:

— Записал Тим Церковная Мыши, сезонописец и архивариус аббатства Рэдволл в Лесу Цветущих Мхов...

Фред, не переставая жевать ореховую трубочку, перебил ее:

— Записано в сезоны аббата Мордальфуса. Рассказ о случившемся с Маттимео, сыном Матиаса, воителя Рэдволла. Отчет о похищении, рабстве, поиске, преследовании и подобное, м-да. Описание пути к аббатству Глинобитная Обитель весьма длинное и запутанное, но прилагается карта, которая может оказаться очень полезной. Я на три задремал...

— Рукопись сезонов Мордальфуса... Невероятно! — покачал головой аббат Кэррол.

Сестра Портула отставила кружку мятного чая:

— Местность с тех времен сильно изменилась. Ливни и наводнения, изменение течения рек... умерли старые леса, выросли новые... Будет ли толк от этой книги?

Снаружи раздался гомон множества голосов и громкий топот. Торан направился к двери.

— Великие Сезоны, ну и шум они подняли! Глянуть одним глазком, что ли...

— Хе-хе, они поют песню летнего пира, — прошамкал отец Фред. — Надо и нам наружу выбираться.

Марте очень не хотелось отрываться от древней книги, но настоятель ободряюще похлопал ее по плечу:

— Знаешь, книга-то от нас никуда не денется, а следующий летний праздник не столь близок. Давай, давай на воздух!

Марта вздохнула, улыбнулась и согласилась.

Брагун и Саро остановились перед главными воротами. Нежно гладили они мощные дубовые брусья створок. Глаза белки подозрительно заблестели.

— Добрый старый Рэдволл... А у них ведь там праздник. Ну что, стучимся?

Брагун задумчиво разметал хвостом дорожную пыль.

— М-м-м... Нас столько лет здесь не было. А вдруг нас никто и не вспомнит... Или, еще хуже, слишком хорошо помнят таких негодяев. А нужны мы им, как ты сама думаешь?

Саро пожевала губу:

— Дело говоришь, Браг. Давай появимся там незаметно и смешаемся с толпой. Притремся, присмотримся.

Брагун исподлобья посмотрел на белку:

— Старым путем... через малый восточный лаз. Ты сможешь открыть.

Саро хлопнула его по спине своим пушистым хвостом:

— Решено! И немного замаскируемся на всякий случай.

Старая береговая полевка брат Велд, пасечник аббатства, взгромоздился на подлокотник кресла отца Кэррола. Начались игры и соревнования среди малышей.

— И я когда-то неплохо бегал с орехом в ложке, — вспомнилось отцу Кэрролу.

Не отрывая глаз от малышей, Велд присоединился к воспоминаниям ровесника:

— Да, еще бы, ты молодец. Три раза кряду у меня выиграл, помню чемпиона. Потом, правда, выяснилось, что орех твой был к ложке медом приклеен.

— Ш-ш-ш, не так громко. Не стоит малышам знать, что отец наставитель в детстве жульничал. Непедагогично.

Троє малышей — Магам, Шилли и Юч — изо всех сил старались достать мешок засахаренных каштанов, привешенных к верхушке скользкого столба. Ничего у них не получалось. Каждый раз они соскальзывали по столбу, у основания которого под их лапами чавкала вязкая лужа из смеси мыла и растительного масла. Посовещавшись, они выработали хитроумный план. Кротеныш Магам выпрямился во весь рост, прижавшись к столбу и обхватив его. Юч вскарабкался на Магама и встал ему на голову. Оба крепко держались за столб. Шилли взобралась по спинам обоих на голову Юча и, держась одной лапой за столб, свободной старалась дотянуться до вожделенного приза. К сожалению, их общего роста не хватало, чтобы завладеть сладким мешком. Магам, державший обоих друзей, не мог пошевелиться, но не переставал кричать, подбадривая Шилли:

— Хур-р-р, Шилли, давай, давай хватай каштаны, хр-р-р-р.

— Никак, — стонала Шилли, — не достать, высоко, никак!

На шум, смех и крики болельщиков прискакала белка Фенна. Она легко вспрыгнула вверх по спинам трех малышей, мгновенно оказалась на голове Шилли и смахнула мешок со столба. Сделав в полете сальто, она вернулась на землю — даже не запачкавшись.

— Раз, два — и орешки у меня! — улыбнулась Фенна.

— Но это нечестно! — воскликнула Марта. — Правила требуют влезть по скользкому столбу, а не по спинам малышей. Отдай орехи, Фенна!

— Но я их добыла! — обиделась бельчиха.

Аббат покинул свое кресло и взял у Фенны мешок.

— Цель игры — достать орехи. Правила не принуждают обязательно лезть по жирному столбу. Но малыши так старались... Кроме того, ты использовала их спины. Да и не слишком ты уже на малыша похожа. Разве что поведением... Предлагаю разделить орехи на четыре части и всех четверых считать победителями, малышка Фенна.

Все шумно приветствовали решение отца настоятеля. Торан тем временем поймал свалившихся кувырком Шилли и Юча, а Хорти вытаскивал прилипшего к столбу Магама. Освобожденный маленький крот благодарно обнял своего спасителя:

— Хурр, добрый сэрр, спасибо, без вас я пропадом пропал бы.

— Во, во, ничего, не стоит благодарности, друг, — ответил Хорти, осматривая свою заляпанную одежду. Он покачал головой, поскользнулся и плюхнулся в липкую лужу под столбом.

На берегу пруда, в тени камышей, сидела пожилая белка, накинув на голову капюшон, должно быть, чтобы защититься от солнца. Белка охлаждала в воде ноги. Рядом с белкой примостилась не слишком крупная выдра, тоже под капюшоном. Сестра Портула подсела к ним, обмахиваясь листом щавеля:

— Замечательное будет лето!

Ответ выдры оказался несколько неожиданным:

— А чай на полдник уже давали, сестра?

Портула отмахнулась листом от особенно нахальной мошки и сообщила:

— Но сегодня чая не будет, ведь вечером нас ждет праздничный пир. Разве вы не знаете, брат?

Белка мечтательно вздохнула:

— Вот бы сейчас закусить тепленькой ватрушечкой с земляничным вареньем и кремовыми облачками!

В этот момент болельщики зашумели громче, и сестре Портуле пришлось напрячь голос:

— Скоро начнется гонка по стене. Первый приз, если мне не изменяет память, как раз чай с небесно-сливочнымnectаром и какой-то выпечкой. Кажется, как раз с кремовыми облачками.

Белка вскочила неожиданно легко для ее возраста:

— Что ж, значит, я получу первый приз.

— Но среди участников много молодежи, — засомневалась сестра Портула.

— Молодежь не так стремится к чаю, сестра. Чаек будет твой, Саро, правда?

— Постараюсь, Браг. — Белка откинула капюшон. — И может быть, с тобой поделюсь.

Портула, удивленно раскрыв рот, уставилась на белку:

— Саро? Не может быть... Неужели?

Саро тепло пожала лапу сестры Портулы:

— Да, Портула, да, дорогая. А этот скрипучий старый пень — догадываешься, кто это?

— О, Благодатные Сезоны! Брагун!

И она побежала вприпрыжку, размахивая лапами и крича:

— Вернулись! Брагун и Саробандо вернулись!

— Слыхал? — Саро толкнула выдру в бок. — Меня полным именем величают. Не забыли, значит.

В спортивных играх наступил перерыв. Каждый хотел посмотреть на героев своих детских сказок. На прительцов обрушился град поцелуев, объятий, лапопожатий, хлопков по спинам и по загривкам. Подходили все новые постаревшие товарищи и знакомые.

— Саро, разбойница кустохвостая, узнаешь Фреда?
Теперь я Фред-привратник.

— Фред! Глазам не верю! Рада тебя снова увидеть.

— Брагун-бегун, хвастун¹ и шалун! Где ты все эти сезоны шлялся, маленький кошмар?

— Ох, сестра Сетива, мэм, легче перечислить места, где я не шлялся.

— Малый Кэррол, медовая ложка, ты ли это?

— Друг Брагун, товарищ детства золотого... Только я теперь не ложка... гм... аббат все-таки... Но как я рад вновь видеть вас с Саро!

— А кто этот мощный парень?

— Хурр, я Магам, мэм, а вы вправду самая пренастоящая Саробарабандо?

Вдруг Брагун почувствовал, что оторвался от земли. Кто-то сжал его так, что перехватило дыхание.

— Брат, Браг, ты вернулся! — По лицу Торана ручьем текли слезы.

Чмокнув Торана между ушей, Брагун взмолился:

— Братец Торан, не раздави на радостях, у меня в глазах темно! Ох, здоровенный чурбанище ты мой!

Казалось, излияниям чувств конца не будет. То и дело слышались приветственные возгласы и восклицания вроде: «Это же надо же!..», «И кто бы мог бы подумать бы!..», «Ну и ну!..», «Нет, вы только посмотрите на них!..», «Наконец-то нагулялись!..»

Спринголд, Хорти и Фенна стояли в сторонке с кислыми физиономиями. Им, существам молодым и эмоциональным, казались странными проявления эмоций старшими обитателями аббатства. Спринголд разочарованно протянула:

— Да-а, теперь о празднике никто и не вспомнит. А первое место в гонке по стене, почитай, у меня в кармане было.

Фенна угощала друзей засахаренными каштанами, размышиля вслух:

— Вот, значит, какие они, знаменитые великие герои. Не так уж они и велики, как мы думали. Так... старички. Сморчки-бровички... Что скажешь, Хорти?

Хорти дернулся:

— Во, так что ж, сказка — ложь. Реально, типа старички-бытовички, во. Глянь, предки вроде почти отцепились, подвалим поближе, оценим ходячую легенду.

Сестра Сетива как раз знакомила Брагуна и Саро с Мартой.

Брагун осторожно пожал зайчихе лапку:

— Марта? Хорошее имя. Вам идет. Вы совсем не похожи на нас в молодости. Вы, Марта, должно быть, слышали что-нибудь о наших хулиганских проделках.

Марте понравились черты и голос Брагуна. Она постаралась сменить тему и отвлечь разговор от пропущенных прошлых сезонов:

— А как вы попали в аббатство, сэр? Ведь ворота-то заперты...

Старый Фред озадаченно заскреб свои седые иголки:

— Да, действительно... Хе-хе...

Саро скромно потупилась:

— О, это пустяки. Немножко хитрости и ловкости лап — и мы одолели малую калитку в восточной стене. Не беспокойся, Фред, мы аккуратненько заперли за собой.

Фенна отважилась вмешаться:

— Мистер Брагун, я слышала, что вы были Командором выдр. Это правда?

Брагун улыбнулся и кивнул:

— Да, мисс, было и такое. Но старушке Саро не нравится быть выдкой. И я отправился бродяжничать с нею.

Спринголд заявила довольно-таки нахальным тоном:

— Ну а как повар вы, разумеется, заткнете за пояс своего брата Торана.

Брагун рассмеялся:

— Я — повар? Что вы, дорогая моя, где мне до Торана. Да я, как говорится, салат спалить умудрюсь.

Не обращая внимания на строгий взгляд аббата Кэрролла, мышь продолжала:

— Мисс Саро, о вашей скорости мы много побасенок слышали. Спорим, вам меня не догнать. Я выиграла гонку по стене прошлым летом.

Саро улыбнулась и пожала лапу Спринголд:

— Мои запоздальные поздравления, мисс. Что ж, потягаемся в предстоящей гонке за чай с нектаром. М-м... слюнки текут!

— Не видать вам чая! Вы слишком стары для бега. Я выиграю!

Аббат ужаснулся:

— Спринголд, старших следует уважать!

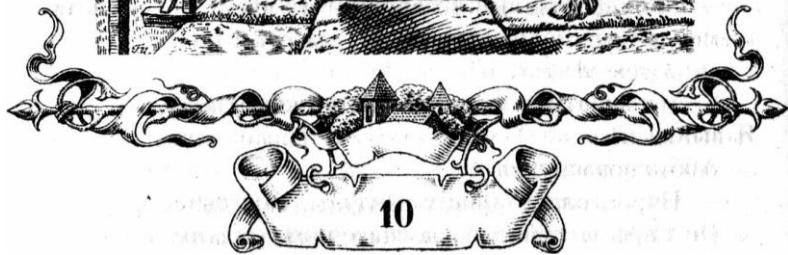
Но Саро заступилась за заносчивую мышь:

— Ничего страшного, отец настоятель. Обычный задор молодости. Я в ее возрасте вела себя не лучше. Может быть, начнем гонку. Лучшее время — настоящее. Так?

Уверенная в себе, Спринголд шепнула дружкам:

— Сейчас я эту реликвию разделяю под орех, — и насмешливо поклонилась Саро. — Следую за вами, мэм.

W сторожки привратника столпились зрители и болельщики. В гонке по стене никто участвовать не стремился, все обсуждали предстоящий поединок между Спринголд и Саро.

Аббат поднял лапу:

— Итак, гонка по стене начнется над главными воротами. Участники сделают круг и финишируют на том же месте. За толчки и подножки — немедленная дисквалификация. Участники могут бежать по всей ширине стены, включая зубцы и выступы. Есть вопросы?

— А мы, малыши и очень-очень старенькие? — пропищала Шилли.

Она намекала на безопасную гонку вдоль крепостных стен для детишек и старших обитателей аббатства.

Аббат показал на Кротоначальника Двурла, который как раз процарапал своим мощным роющим когтем борозду на земле.

— Конечно, не забыта и гонка по земле. Участников прошу к стартовой линии. Не толпитесь, все поместитесь.

И аббат снова перевел взгляд на надвратную башню, где уже приготовились Спринголд и Саро. Стоявший рядом с ними брат Велд помахал флагжком аббату:

— Здесь все готово!

Брагун и Торан устроились на газоне, откуда можно было следить за обеими гонками. Торан похлопал себя по обширному пузу:

— Ну, я, знамо дело, отбегался, сам видишь, какой багаж. А ты мог бы и размяться, ведь ты ровесник Саро.

Брагун скрестил лапы на груди:

— Нет, я уже слишком стар. Мы с Саро родились в один день, но она на час моложе.

Торан фыркнул:

— Час! Что такое час в целой жизни?

— А вот попробуй часок не дышать, тогда узнаешь,

— с серьезной миной ответил Брагун.

Если наверху участников было лишь двое, то у нижней стартовой черты столпились почти все малыши аббатства. Они шумели, прыгали, толкались в ожидании сигнала.

Аббат Кэррол вытащил большой красный в горошек платок и провозгласил:

— Внимание, сейчас начнем!

Хорти подскочил к креслу Марты, схватил его и устремился с сестрой к месту старта.

— Хорти, ты что, стой, куда? Не надо! — взмолилась Марта.

Но Хорти уже резво протиснулся через толпу малышни и пристроился к линии.

— Спокойно, мисс! Сейчас Бребаки покажут, на что они способны, во! Лапы и колеса! Лапокреслоход, во, во! Да остальные и бежать-то не смогут, ха-ха-ха, разинут рты и замрут на месте, во!

— Вперед, мисс Марта! — зааплодировали Торан с Брагуном.

Спринголд уже стояла на линии. Подошла Саро.

— Удачи тебе, мой юный друг! — улыбнулась она.

— И тебе удачи... мой пожилой друг. Тебе удача нужнее.

Внизу участники уже несколько раз срывались с места, не дождавшись сигнала. Судьи восстанавливали порядок, расставляли малышню.

Аббат выступил вперед и поднял платок, затрепетавший на легком ветерке.

— На старт... приготовились... внимание... Марш!

И все сорвались с места. Внизу и наверху участники соревнований рванулись вперед... Впрочем, не все.

— Ох, каждый раз то же самое! — вздохнул аббат, подходя к братьям-выдрам. Несколько малышей, забыв все наставления, рванулись в противоположную сторону.

— Да и пусть их! — засмеялся Торан. — Расстояние то же, финиш там же. А гляньте-ка наверх, Спринголд несется, как будто крылья на пятках выросли. Саро-то чуть отстает. Что скажешь, Враг?

— Тактика! — отозвался Брагун. — Она держится сзади, а мышь нервничает, оглядывается.

Вверху соперницы добежали до северного угла, Спринголд на два шага впереди.

Внизу, на траве, двое бегунов вдруг остановились. Кротеныш и землероечка решили подкрепиться орешками. В них врезался еще один маленький крот и решил помочь друзьям поскорее справиться с орехами.

— Хурр, орешки съедим, силы прибавится, побежим быстро-быстро и всех догоним-перегоним.

Марта судорожно вцепилась в кресло, подскакивающее по траве, а Хорти заорал во всю мочь:

— Прочь с дороги, мелкота, задавлю, во! Держись крепче, дева дорогая! Рули, рули, право-лево, во, во! Заворачивай, поворачивай, стену снесем, дыру пробьем!

Аббат Кэррол покачивал головою, глядя на венец восточной башни:

— Ну и скорость! Уже до восточного угла долетели.

Вот бегуны взяли угол и снова затарабанили пятками по парапету, уже в южном направлении.

— Да-а, Саро, похоже, выдыхается, — с сожалением протянул Торан. — Спринголд увеличила разрыв.

— Гонка еще не закончилась, — улыбнулся Брагун. — Ты смотри внимательно.

Но Торан и аббат уже окончательно уверились, что мышь выигрывает гонку.

Брагун сунул лапу в рот и пронзительно свистнул, заглушив все остальные звуки и оглушив сидящих рядом.

Спринголд, тяжело дыша, все же повернула голову и пропыхтела на бегу:

— Брось, бабуля, отдохни, мне тебя жалко. Все равно проиграла.

Саро дышала, как большой кузнечный мех. Услышав свист, она собралась с последними силами и увеличила скорость. Финиш совсем рядом. Спринголд, больше не оборачиваясь, несется к победе. И тут Саро в мощном прыжке перелетает через голову соперницы и приземляется за финишной чертой рядом с братом Велдом, опередив Спринголд на полшага.

— Победила Саро! — громогласно провозглашает брат Велд.

Ничего не понимающая Спринголд обмякла тут же, на крепостном парапете.

— Ч... ч... что случилось? — задыхаясь, спрашивает она.

Пасечник Велд поднимает вверх лапу Саро и еще раз объявляет:

— В гонке по крепостной стене победила мисс Саробандо, на полшага опередив мисс Спринголд.

Внизу участников становилось все меньше. Вот встретились бегущие в противоположных направлениях, некоторые столкнулись, свалились, начались споры, перепалки.

Марта отчаянно рулила, чтобы не врезаться в кучумалу, и кричала:

— Осторожно, Хорти, сбавь скорость, раздавим кого-нибудь!

Хорти обогнул свалку и наддал, отчаянно вопя:

— Еулалиа-а-а-а! Кровь и уксус! Вперед, вперед, нас смерть и слава ждет, вот, вот! За Рэдволл, во, во!

Не переставая вопить, он пересек черту — теперь уже финишную — и затормозил, споткнувшись об отвалившееся от кресла колесо.

— Мы победили, дева дорогая, во-во-во! Поздравляю!

— Хурр, сэрр, нет, сэрр, чурр, мы чемпионы, Магам и Шилли всех победили.

Хорти застыл с разинутым ртом:

— К-как?.. Ч-что?.. Во-во-о-о...

Марта от смеха едва держалась в накренившемся кресле:

— Ха-ха-ха-ха-ха! Магам и Шилли выиграли, брат, кончай хвастаться. Ох-ха-ха-ха, мы вторые. Спасибо тебе, Хорти, ты очень потрудился.

Когда они огибли стайку бараждающих ребятишек, Марта на ходу подхватила Магама, который крепко вцепился в хвост Шилли. Перед самым пересечением финишной черты Марта подтолкнула малышей, чтобы те спрыгнули с кресла чуть в стороны и не попали под колеса.

Аббат, желавший верить не правде жизни, а здравому смыслу, сурово уставился на Магама:

— Кто победил? Я хочу знать правду.

Магам наивно замигал глазенками:

— Сэрр, хурр, мы самые-пресамые первые. Быстрые-пребыстрые. Лапы все стерли, горят лапы даже.

Торан и Брагун в один голос поддержали Магама:

— Очень, очень прыткие малыши.

— Какие могут быть сомнения! Стали бы мы вратить великому аббату!

Спрятав руки в широких рукавах, аббат пробормотал:

— Что ж, если три почтенных и уважаемых члена сообщества утверждают, что лягушки могут летать, а рыбы выют гнезда на деревьях, я им верю. Что остается бедному отцу настоятелю, который ничего не видит, ничего не слышит?.. Остается ничему не возражать!

До начала вечернего пира оставалось еще достаточно времени, и на кухне шли приготовления к послеполуденному чаю.

Саро дружески обняла за плечи Спринголд:

— Такой трудной победы не припомню. Бери своих друзей, пошли чай пить. Вот и Марта с малышами тоже пойдет.

Солнце склонялось к западу, тени деревьев удлинялись, на поверхности пруда играли блики. Рэдволльцы расположились на берегу, обсуждая события дня, спортивный праздник. Всем хотелось побольше узнать о приключениях знаменитых путешественников. На многочисленные вопросы отвечал Брагун, потому что Саро была слишком занята закусками.

Торан обратился к своему другу Джунти:

— А что, подвальная иголка, ты на своей скрипелке пиликать еще не разучился?

Джунти вытащил из капюшона плаща искусно сделанную крохотную скрипичку, щипнул струны:

— Чем порадовать почтеннейшую публику?

Хорти долго не раздумывал:

— Песней об утренней зорьке, во. И Марта спеть не откажется.

С разных сторон посыпались к Марте просьбы спеть. Джунти уже потихонечку наигрывал, подстраивая инструмент. Марта поклонилась двум блудным детям аббатства:

— Если Брагун и Саробандо захотят послушать...

— «Захотят»? — вырвалось у Брагуна. — Да я горю желанием услышать ваше пение, мисс Марта. Все, что я в жизни слышал, — это голос моей дорогой Саро, а она вопит, как лягушка, придавленная булыжником.

Возмущенная белка поперхнулась ватрушкой:

— Себя послушай! Ворота скрипят приятнее, чем ты завываешь.

Фенна усмехнулась:

— Значит, от вашего пения сливки скиснут. Стало быть, Марте петь.

Джунти сыграл вступление, и Марта исполнила мелодичную песню об утренней заре и рассвете:

Саро, забыв о еде, сидела как зачарованная.

— Это магия какая-то... Даже птицы замолкли при звуках этого волшебного голоса. Я с сего дня больше рта не открою для пения.

Брагун взял у Джунти скрипку. Восхищенно глядя на Марту, он легонько пощипывал струны:

— Наши уста сокнуты, мисс Марта. Но я когда-то мог извлечь пару нот из инструмента, а Саро неплохо танцует. Сыграю-ка я для вас джигу.

Магам зашептал что-то Марте на ухо, и зайчиха заулыбалась:

— Наши малыши очень любят танец «Шмякобряк».

— Да, да! — закричали зверята, запрыгали и захлопали лапами. — Сыграйте «Шмякобряк», сэр!

Полилась из-под смычки мелодия, затопали и заухали малыши, Саро закружилась среди мышат, бель-

чат, ежат, зайчат, землероечек и крошечек кротов. Общий хор складно выпевал слова. Марта весело смеялась ужимкам малышни и удивлялась искусству Саро, кружившей, подпрыгивавшей и кувыркавшейся с завидной для ее возраста ловкостью.

Танец набирал темп, певцы опережали музыку, крики становились все громче. Но неожиданно малыши, увлекая Саро, запрыгали по траве к аббатству и скрылись в здании.

Брагун прекратил игру и подул на разгоряченные лапы:

— Ух ты! Что случилось, Кэррол?

Удивленный аббат потряс головой:

— Не имею представления. Сестра Сетива, что это может означать?

Землеройка Сетива пожала плечами:

— Раньше такого не наблюдала. Неужели доплясались до постелей? День, конечно, был утомительный.

Рэдволльцы сидели, потягивая чай. Из аббатства не доносилось ни звука. Потом появилась Саро. Она приняла поданную ей услужливыми лапами кружку чая и уселась вместе со всеми:

— Да, годы мои не те, честно признаюсь. Ну и танец! Малышня проплясала по аббатству прямо к кроваткам. Плюх — и сразу захрапели. Я бы к ним с удовольствием присоединилась.

Торан выглядел озадаченным:

— А как же вечерний пир горой?

Аббат Кэррол поспешил успокоить друга:

— Не волнуйся, Торан, перенесем на завтрашний полдень. Провизия не пострадает.

Разочарованный Хорти печально повесил уши:

— Ну-у, во-о, ребята, нельзя же так же. Я же только чуть-чуть перекусил. Что ж, не судьба! Если завтра

утром я нигде не появлюсь, поищите как следует, и не до улыбок вам будет, во, во. Найдете иссохший скелет бравого, безвременно погибшего зайца в каком-нибудь пыльном углу. «Горе нам, увы!» — воскликнете вы, во, и нарыдают выдры ведра слез, и оборвут болтовню беспечные белки-балаболки, и зароют землеройки замученного зайца в землю, и все вспомянут вчерашний вечер, во-у-у-у!

Брагун с интересом выслушал тираду и пригорюнился:

— А что твой скелет нам ответит, усопший голодный друг?

Хорти всхлипнул:

— А? Скелет, во... Он скажет... Поздно, опомнились, во, скажет он... Пусть совесть судит... сгубили молодца... и навсегда сомкнет уста, во.

И Хорти резво ускакал прочь, ловко выхватив последнюю лепешку из-под носа сестры Портулы.

11

же стемнело. У пруда шел разговор о жизни в аббатстве. Брагун и Саро слушали очень внимательно, особенно когда зашла речь о Марте. Рассказ вели, чередуясь, аббат Кэррол, сестра Сетива, Торан и сестра Портута. Марта уточняла и дополняла их повествование.

Выслушав рассказ, Брагун с глубоким сочувствием посмотрел на прикрытые одеяльцем ноги молодой зайчихи:

— И ты не можешь припомнить ни одного шага, сделанного хотя бы в раннем детстве, Марта?

— Нет, хотя много раз пыталась. Но каждый раз падаю как подкошенная. Ступни как будто туго связаны веревками.

Саро понравилась искренность Марты.

— Извини, Марта, а чем ты занимаешься в течение дня?

— О, всегда есть чем заняться. Рядом друзья, меня охотно возят, хотя я могу и сама передвигаться. Много

читаю, учусь. Да, сестра Портула, я оставила книгу в сторожке. Отец Фред еще не спит, у него светится фонарь. Может быть, зайдем к нему?

Они направились к сторожке. Кресло Марты толкали Брагун и Саро. Отец Фред как будто ждал их и сразу же открыл дверь:

— Хе-хе, а мы вас поджидаем. Вон вас сколько... Присаживайтесь где сможете, тесновато, но места всем хватит.

— Так есть у нас что показать этой молодежи? — спросил отец Фред у дверной задвижки.

— Что-нибудь новое? — с ожиданием в голосе спросила Марта.

Старый еж пристроился на краешке своей кровати, середину которой занимала книга, и открыл фолиант на заложенной странице:

— Новое? Как только гонки закончились, я спас свои кресла и приступил к чтению. Есть на свете посеребренное занятия, чем носиться по крепостным стенам. Ведь не зря же к вам обратился Мартин Воитель, дитя мое.

— Что сказал Мартин Воитель? — заинтересовался Брагун.

Зайчиха пояснила:

— Я заснула перед гобеленом в Большом зале и увидела Мартина и молодую мышь по имени Амил. Мартин велел мне побольше читать, потому что чтение — это знание.

Саро вздохнула и прищурилась:

— Я помню, как Мартин Воитель обратился к нам с Брагом, когда мы были совсем юными существами.

Аббат Кэррол удивленно уставился на нее поверх очков:

— Мартин беседовал с вами! И что же он вам сказал?

— А вот что:

Приключение вас ждет,
Выходите из ворот.
Бранный выбирайте труд,
Чтоб не развалить все тут.

Брагун засмеялся:

— Это у нее шуточки такие.

Фред переводил взгляд с Брагуна на Саро:

— А дело-то ведь нешуточное. Я как только вас двоих увидел на лужайке, сразу понял: вот они, те самые двое, о которых речь в стишке сестрицы Амил.

Хорти выпучил глаза:

— Во, во, вот так-так!

— Так вот, прекратите болтовню и слушайте. Я нашел историю сестры Амил. Она записана летописцем Скригто. Толково записана, между прочим.

Все затаили дыхание, и отец Фред приступил к чтению.

— Чума пришла в Глинобитную Обитель, великая напасть. Нынче утром мы схоронили четверых: трех сестер и одного брата. Больница наша не вмещает всех страждущих. Аббатство превратилось в обиталище скорби. Настоятельница Жермина и ее Совет пришли к горькому, но необходимому решению: чтобы выжить, мы должны бежать из Обители. Трудно поверить! Оставить родные стены и уйти в неведомые дали. Жермина предложила отправиться к Лесу Цветущих Мхов, в тех краях она надеется найти друзей и помочь. Много ли мы унесем с собой? О, время скорби и лишений!

Бедняжска сестра Амил не может идти, она передвигается лишь в своем кресле на колесиках. Она решила остаться. Я умолял ее, обещал толкать ее каталку, но она и слышать не хочет. Боится, что задержит нас, будет помехой. К сожалению, она права,

ведь лесные тропы не созданы для инвалидных колясок. А ручьи, холмы, овраги, провалы... Скалы и болота... Да и зима наступит скоро. Мать Жермина еще не знает о решении Амил. Моя печальная обязанность — сообщить ей. Сестра Амил — чудесное создание. Сердце мое разрывается, когда подумаю, что придется оставить ее здесь, среди умирающих.

Торан громко всхлипнул, прервав повествование. Он вытер лапой мокрые глаза:

— Бедняжка! Остаться в заброшенном аббатстве... Нет, Марта, я бы тебя не оставил, что бы ни случилось!

— Мы бы тебя не оставили, Марта, — подтвердил Брагун.

— Я в этом не сомневаюсь, друзья, — заверила Марта, прежде чем остальные успели открыть рты. — Ой, извините, отец Фред, мы слушаем внимательно.

Привратник фыркнул и открыл другую заложенную страницу:

— Премного благодарен. Итак, продолжим чтение. Здесь Скрипто описывает устройство лагеря в конце первого дня пути.

Мы стали свидетелями чуда! Я доверяю своим глазам, вы должны верить мне, ведь никогда я не искажал действительности в своих повествованиях. Мы приблизились к потоку с крутыми берегами, который присмотрели для первого ночлега. Я со своими письменными принадлежностями и мешком съестных припасов шел в середине цепочки братьев и сестер. Мать настоятельница возглавляла колонну, ее видно не было. Я вышел из Глинобитной Обители, раздавленный стыдом, ускользнул, как вор, не попрощавшись с сестрой Амил. Вдруг от хвоста колонны донеслись возгласы изумления и ликования. Быстро побежав назад, я увидел, что вызвало восторг моих собратьев. По ветровой пустоши, прихрамывая, но передвигаясь на

собственных ногах, даже без помощи палки или посоха, к нам приближалась сестра Амил!

Снова отцу Фреду пришлось прервать чтение, так как возгласы ликования раздались и в его сторожке. Старый еж сделал вид, что собирается захлопнуть книгу:

— Кхм... Вы слушать будете или нам спать ложиться, а? Кхе-хе...

— Извини, друг, молчим и слушаем, — заверил его отец Кэррол. — Мы обрадовались за сестру Амил.

Фред снова нагнулся к книге, бормоча:

— Да, признаться, мы все тут тоже... так же радовались, когда я первый раз читал. Ну, продолжим: «Чудо произошло или же подействовала магия? Когда я сообщил аббатисе о решении Амил, она опечалилась и сказала, что еще поговорит с сестрой. Свидетелем их беседы я не был, но сразу вспомнил об этом, как только увидел сестру Амил, свободно передвигающуюся без посторонней помощи. Вечером, когда сестра Амил, завернувшись в плащ, крепко спала возле костра, я подошел к аббатисе Жермине. Наша мудрая мать настоятельница поведала мне, что вручила Амил обрывок древнего пергамента, полученный ею много сезонов назад от искусного целителя. Очевидно, сестра Амил умело воспользовалась даром матери Жермины. Был ли это рецепт целебной смеси или текст волшебного заклинания — этого мать настоятельница мне не сказала».

Марта чуть не застонала от разочарования, но застала себя сидеть тихо, не мешая чтению.

Отец Фред продолжал:

— На следующее утро я подошел к сестре Амил, которая как будто крепла на глазах и шла уверенным, твердым шагом. Естественно, мне хотелось узнать подробнее о древнем пергаменте, сыгравшем решающую роль в ее жизни. Но сестра Амил вежливо, с какой-то таинственной улыбкой на устах уклонилась

от моих настойчивых расспросов. Несколько раз в течение дневного марша я возобновлял попытки что-нибудь разузнать, но лишь вечером, после утомительного перехода по пересеченной местности под моросящим дождем, сидя у костра, она согласилась удовлетворить мое назойливое любопытство. Ее слова запечатились в моей памяти. Вот они, что бы они ни означали: «Надпись на пергаменте полезна лишь тому, кто, подобно мне, в ней нуждается, кто страдает телом или духом. Я храню в памяти строки, оставленные древним целителем. Пергамент остался в Обители, но сила его во мне. Каждый, кто нуждается и кто его найдет, может им воспользоваться».

Под цветком, что не растет,
Сильватикус в покое ждет.
Ею мой секрет храним,
Думать надобно над ним.
А тюрьма четверонога,
Но не ходит по дорогам.
Руки-ноги — ну и ну! —
Держат узника в плену.

Фред решительным жестом закрыл книгу и обратился к ее обложке:

- Постелька соскучилась, ждет меня. Устал, старичок, — сообщил он своейочной рубахе. — Спокойной ночи, хе-хе-хе.
- И это все? — разочарованно протянул Брагун.
- Если бы было что-то еще, отец Фред обязательно бы нам сказал, — заверил выдру отец Кэррол. — Так ведь, отец Фред?
- Верно, верно, малыш Кэррол, не утаил бы. Все, что вас интересует, разыскано. Все о сестре Амил. И карта у нас есть, которой пользовался Матиас в поисках Маттимео. На ней и Глинобитная Обитель обозначена.

— Завтра, завтра, — зевнула Саро и сладко потянулась. — Вся эта суета да беготня, гонки, танцы да прыжки... Я уже сплю. Эту загадку сестры Амил лучше разгадывать на свежую голову. Цветы не цветут, ростки не растут, тюрьма на ножках, лапы в сапожках. Да и Сильваникус покойная пока в покое упокоена...

— Сильваникус — первая настоятельница Обители, — сообщил Фред, примеряясь головными иголками к проему ночной рубахи. — Не помню уже, откуда я знаю ее имя, должно быть, еще из сказок детского сада. Хе-хе, вот как в памяти бывает: то утонет, то всплывет... Дверью не хлопайте, ей это не нравится, моей красавице. Спокойной ночи.

Возвращаясь к аббатству, они с удовольствием втягивали в себя ароматный ночной воздух, обсуждали только что услышанное и делились впечатлениями.

Марта повернулась к Брагуну и Саро, толкавшим ее кресло:

— Фред уверен, что вы — те самые пришельцы из прошлого. Вы ему верите?

— Конечно, — без колебаний кивнул Брагун. — И мы добудем этот пергамент из Обители. Так, Саро?

— Вне всякого сомнения, — отозвалась Саро. — Спорю на чай сnectаром, вы еще затанцуете, мисс Марта.

Марта радостно улыбнулась:

— Этот мой первый танец будет для вас. А завтра я перепишу загадку сестры Амил, чтобы не забыть слова.

— Мудрая у меня сестричка, во! — подскочил к ним Хорти. — Я тоже займусь этим. Кто лучше меня читает карту?

Брагун и Саро переглянулись.

— Посмотрим, посмотрим, — пробормотал Брагун.

Их беседу прервала сестра Сетива. Целительница подошла с фонарем в лапе и обратилась к гостям:

— Я вас провожу в спальню. Переночуете в палате рядом с моей кельей.

Брагун поклонился сестре Сетиве:

— Даже не верится, что буду спать в настоящей кровати.

— Да уж, где нам только не приходилось преклонять буйные головушки! Но как только рассветет, снова подумаем, как вам помочь, Марта.

Брагун решительно хлопнул хвостом:

— Можете спокойно спорить на свой завтрак, Марта.

Мы вас не оставим.

— Приятных сновидений, друзья.

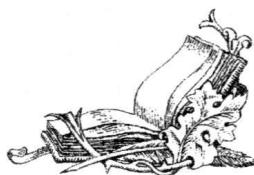
Сетиве эти разговоры надоели, и она не слишком нежно подтолкнула своих новых подопечных корявым терновым посохом:

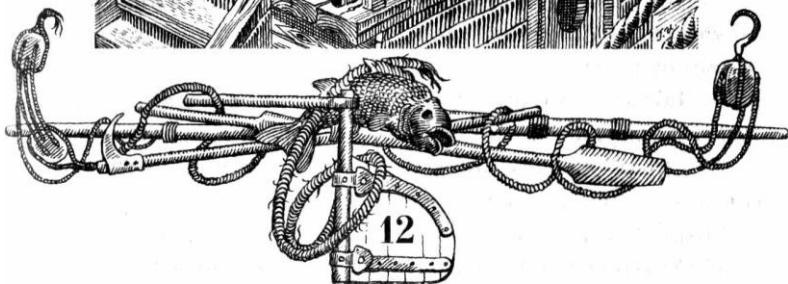
— Следуйте за мной! Идем в мою лечебницу. И горе вам, если будете храпеть и нарушать мой покой.

— О, мы будемтише воды в пруду в безветренный день, а утром увидите, какой будет порядок, — заверил ее Брагун.

При входе в палату Сетива подняла взгляд на Саро и Брагуна:

— Стереть грязь с лап и эти глупые улыбки с физиономий! Спокойной ночи! — пожелала сестра Сетива командным голосом и захлопнула за собою дверь.

Сассветный северо-восточный горизонт радовал предвестиями доброй погоды. Солнечные лучи превращали туман над речкой в легкую золотистую дымку. Лонна Острый Глаз, прихрамывая, вышел вслед за выдрами, высывавшими из пещеры, чтобы встретить Графа Трока. Гость прибыл на странного вида неуклюжей посудине, с закругленными обводами носа и кормы. Середину судна занимала шаткая с виду надстройка, смахивавшая на сарай. Парус, небрежно подобранный на единственной рее единственной мачты, во многих местах был украшен грубыми заплатами.

Графа Трок оказался толстой жизнерадостной речной выдрой. Макушку его украшал железный шлем, похожий на кухонную кастрюлю, а на физиономии сияла улыбка, с которой он, очевидно, расставался еще реже, чем со шлемом. Подвалив к берегу и положив на палубу весло-шест, речной волк вразвалочку сошел на берег.

Морские выдры обступили своего товарища, и тут же начались лапопожатия, объятия, послышались приветствия.

— Ху-ху-ху, — гудел гость, — и чем вы только здесь питаетесь? Все такие здоровенные да веселые. Сорк, пышка моя, твои ореховые пряники все еще лучшие на северо-востоке?

Он обнял старушку Сорк и приподнял ее, а она шутливо хлопнула его по затылку поварешкой:

— Отпусти, кадушка пузатая! Я всю ночь пекла ореховые караваи на твое бездонное брюхо.

Графо осторожно опустил Сорк и повернулся к Лонне:

— У-ху-ху, чтоб меня раздуло да сморщило! Это, значит, мой пассажир. Больше, чем я ожидал, больше.

Лонна пожал лапу Графо:

— Рад знакомству, друг. Но я не хочу быть просто грузом. Смогу помочь веслом и шестом.

Рослый Графо рядом с Лонной все же казался карликом.

— Веслом, говоришь? Да ты сможешь моего «Жучка» через пороги на горбу перекинуть. И меня вместе с ним. Что ж, в путь... вот только чуток перекусим перед дальней дорогой.

Лонна уже позавтракал, поэтому он лишь пощипывал корочку ржаного каравая и запивал ее сливянкой, с восхищением наблюдая, как Графо управляется с завтраком. Едоком он оказался отменным. Графо Трок намазывал краюху орехового хлеба медом и макал ее в острый раковый суп. Разломав яблочный пирог, он накрошил его в тушеные грибы, а луковый пирожок щедро сдобрил сливовым джемом.

Скоренько справившись с кучей провизии, Графо похлопал себя по обширному пузу:

— Ну, Лонна Острый Глаз, бери свои лук и стрелы — да на палубу. Хватит обжираться, время дорого.

Выдры нагрузили «Жучка» неимоверным количеством съестного. Лонна печально смотрел на гостеприимных хозяев, которых он покидал навсегда. Тепло по прощавшись с Речным Псом, Сорк, Марину и многими другими морскими выдрами, Лонна подошел к Эбрику и Стаггу. Они крепко обнялись. Слеза стекла по щеке барсука.

— Прощай, друг. Никогда не забуду тебя и твоего сына. Вы мне спасли жизнь, выходили меня. Все, что я могу вам дать взамен, — моя благодарность и дружба на всю жизнь.

Эбрик провел хвостом по земле:

— Дружба — величайший дар. Я знаю, Лонна, если бы ты нашел меня беспомощным и умирающим, ты бы сделал то же самое. Иди, друг, и знай, мы тебя никогда не забудем.

Лонна поднял и прижал к себе Стагга. Тот стер слезу, катившуюся по изуродованной шрамом щеке барсука.

— Лонна, ты для нас тоже много сделаешь, когда расправишься с крысами-пиратами. Они не смогут больше никого обижать.

Барсук поставил толкового малыша наземь, шагнул на борт. Графо оттолкнулся от берега, и Лонна, подняв лук над головой, воскликнул:

— Стагг, клянусь тетивой, которую сделал твой отец, я сотру Рагу Бола и его сброд с лица земли. Прощай!

Графо Трок провел всю жизнь на водных путях северо-востока. Не было здесь речки, протоки или ручья, с которыми он не был бы знаком. Суденышко быстро продвигалось по потоку. Графо сощурился на голубое небо, отмеченное кое-где пушистыми белыми облачками:

— Отдохнем, пожалуй. Пусть за нас ветер с парусом поработают. А мы тем временем закусим.

Они развернули парус и закрепили его концы. Закусывать решили на крыше палубной надстройки. Лонна подивился, как быстро речной шкипер проголодался. Графо с интересом наблюдал, как ест барсук.

— Ху-ху, есть не только необходимо, но и полезно. А также приятно. И хромота твоя скорей пройдет.

На реке Лонна чувствовал себя уверенно и спокойно. Ему нравилось ощущение палубы под лапами, журчание воды вдоль борта, неторопливая смена береговых декораций.

— Далеко мы уплывем по реке, Графо?

— Почти до Леса Цветущих Мхов. Там поток заворачивает обратно на восток. Тебе, конечно, хотелось бы знать, где сейчас нечисть.

— А ты знаешь?

Графо задумчиво поскреб хвост:

— Рага Бол может только ползти по сухе. Хе-хе, моряк без моря. Лодки у него нет, да и народу столько, что все равно никакая речная посудина не осилит. Они уже сейчас должны быть в Лесу Цветущих Мхов. Ты на десяток дней отстаешь. Но мы этот разрыв сократим, не беспокойся.

Глаза барсука сузились, внезапно изменившиеся черты заставили выдру забыть про еду. Лонна жутковато засмеялся:

— О, я не беспокоюсь. Они от меня не уйдут.

Равнины сменились холмами. Все чаще встречались обрывы и уступы. Графо махнул лапой в сторону резкого изгиба впереди:

— Там, за поворотом, встретим Бутео. Ты, конечно, никакого зверя не боишься, но с ним связываться не надо. Я его уже много сезонов знаю.

— Как скажешь, друг. А кто он такой?

— А вот увидишь. Очень скоро, — заверил Графо, раскрошил на крыше кусок пряника.

Судно гладко взяло поворот, держась середины реки. Внезапно Лонна ощущил затылком легкое дуновение. Бутео сел молниеносно, как будто возник из воздуха рядом с ними. Медовый канюк, птица хищная, мощная и свирепая, птица-убийца, вооруженная крепким изогнутым клювом, острыми копьями, а главное — железной волей к победе. Сложив крылья, Бутео презрительно посмотрел на крошки:

— Хикк! Здесь земля Бутео. Бутео правит здесь. Хиккха-а-а-а!

— Конечно, Бутео, кто спорит! — бодренько согласился Графо. — Да мы ведь на землю-то и не сойдем, протечем себе тихонечко с водичкой по речке, как и не было нас.

Бутео наклонил голову, сверля Графо одним глазом:

— Йа-хикк! Я загадаю загадку, ты кинешь камушек. Победишь — протечешь. Так? Такк?

Графо подмигнул Лонне и потер макушку. Казалось, он напряженно раздумывает.

— Так, Бутео, так. Согласен. Загадывай загадку.

Бутео задрал голову и уставился в небо. Медовые канюки делают так, когда хотят выглядеть таинственными и загадочными.

— Хи-икк! Хик, он ужалить может вмиг. Жужжит, летает, нектар собирает.

Графо лихорадочно заскреб лапой затылок, хвостом палубу:

— Ну и загадка! Что же это такое, Бутео, а?

Бутео тем временем клевал крошки.

— Кке-е-кк-е-е! Глупая речная собака. Не пропущу, заворачивай обратно. Бутео у-умный, у-умный.

— Да, Бутео, ты здорово умный, — согласился Графо и вдруг подскочил. — Шмель, шмель, я догадался! — завопил он, как будто этим самым шмелем ужаленный.

Графо и Лонне пришлось отшатнуться, так как Бутео раздраженно захлопал крыльями:

— Кхрдык-йи-ккхи-и-ик! Как ты догадался?

— Да сам не знаю, — скромно пожал плечами Графо.

— Но трудная загадка, трудная, ничего не скажешь.

Бутео сердито ссугуился и зашагал по крыше надстройки, царапая ее когтями. Потом остановился и уставил на Графо:

— Йи-и-и! Теперь твой камушек. Сейчас я выиграю.

Трок сразу же вытащил из шлема плоскую гальку, плонул на одну сторону и повертел перед носом птицы:

— Вот. Сухая сторона — я выиграл. Мокрая — ты проиграл. Так?

— Такк, такк!

Графо подкинул гальку, приговаривая:

— Вверх улетает, вниз прилетает, как упадет — никто не знает.

Бутео проследил полет камушки, тут же упавшего на палубу.

Графо ухмыльнулся во весь рот:

— Мокрая сторона, ты проиграл.

Птица подалась к Графо, готовая растерзать его на месте. Графо спокойно жевал ореховый пряник.

— Теперь надо нас пропустить, а то все скажут, что Бутео своему слову не хозяин.

Лонна сжался в комок, чтобы успеть прыгнуть на помощь своему капитану.

Но птица свирепо проскрипела:

— Все знают, что слову Бутео можно верить, Бутео честный. Сразу убью того, кто скажет иначе. Йи-и-кха-а-а-а-а-а-а!

Выхватив пряник из протянутой к нему лапы Графо, канюк взмыл в воздух и вскоре превратился в маленькую точку высоко в небе.

Лонна облегченно вздохнул:

— Я уж худшего опасался. Бутео бился бы насмерть. Как у тебя здорово получилось!

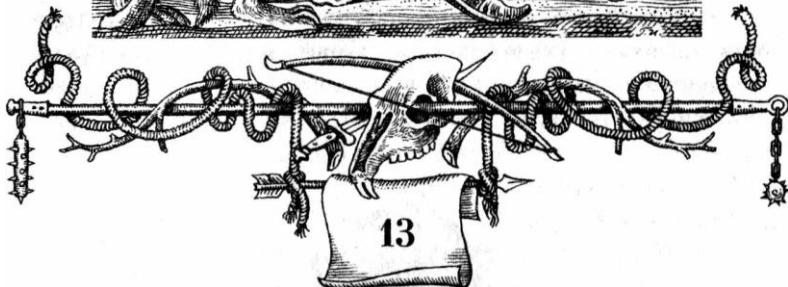
— Да... давно ведь его знаю. Память у бедного Бутео совсем отшибло. Ну и не самый умный он здесь, чего уж греха таить. Вот каждый раз и проигрывает. Ладно, на обратном пути дам ему отыграться, потому что мне все равно назад надо, на северо-восток.

— Ах ты, старый обманщик! — рассмеялся Лонна. — Не стыдно?

Графо уже грыз вытащенный откуда-то кусок сыра.

— Худой мир лучше доброй ссоры, — рассудительно заметил он. — Лучше мелкий обман, чем крупная драка с сумасшедшим канюком... чем смертный бой без смысла. Поступай так, чтобы жить стало легче, — вот мой девиз.

Муха сидел на гнилом бревне. Его ступни горели, и только влажная трава давала приятную прохладу. Вглядываясь в таинственную чашу леса, он бормотал соседу:

— Совсем неплохо здесь, в этом лесу. И погода лучше, чем на побережье. Есть где укрыться, есть чем поживиться.

Его собеседник Роджин, нежно потирая ступни, покрытые пузырями, мрачно пробурчал:

— Вот бы еще не топать столько... Не по нутру мне эта маршировка. Я все же крыса корабельная, а не лесная какая-нибудь сухопутная.

Прихромал и усился рядом Вислокоготь, еще один член экипажа. Кончиком кинжала он выковырял из лапы занозу и досадливо поморщился:

— Да уж, топаем и топаем, лап под собой не чую. Куда нас Бол гонит? Ладно, день, так ведь еще и полночи на ногах!

Одноглазый Глимбо слонялся неподалеку, прислушиваясь к крысиной болтовне. Подкравшись сзади, он с силой пихнул бревно торцом своего копья, опрокинув сидящих наземь.

— А ну кончай нытье, червяки недоеденные! Услышит капитан — вас здесь же муравьи и доедят. Марш вперед, чего расселись!

Рага Бол обычно возглавлял колонну крыс, но шел, часто оглядываясь. Сейчас он бросился назад и подцепил рукав своего одноглазого помощника острым крюком, заменившим ему утраченную лапу.

Глимбо крутанул незрячим оком и бодро доложил:

— Команда на марше, все в порядке!

— Марш, марш, догонять, не задерживаться! — прикрикнул капитан на отстающих и вернулся к дрожащему от страха Глимбо. — Они обо мне трепались. Что болтали? Только правду!

Глимбо постарался отодвинуться от Раги Бола и прижался дрожащей спиной к стволу дерева, затарабанив по нему хребтом, как дятел стучит клювом.

— Чесслово, капитан, ничего они не говорили...

Лязгнула капитанова сабля, сверкнул его золотой зуб.

— Они разговаривали, но ничего не говорили. Оч-чень занимательно рассказываешь.

Слова горохом посыпались из Глимбо:

— Клянусь, капитан, они просто лопаются от благодарности! Всей команде очень нравится здесь, в лесу! Погода, солнце, жратвы навалом. Вот только не привыкли они так много ногами шевелить на сушке... Пираты ведь, не пехотинцы. Ну, некоторые ноги натерли...

Вжик! Сабля врезалась в ствол дерева, сделав одноглазого Глимбо еще и одноусым.

— Лапки заболели! Кто будет жаловаться, направляй ко мне, я вылечу. Дальше будут на обрубках ковылять. И скажи им, пусть перестанут на меня глязеть. И еще скажи, что, если кто помяннет этого полосатого пса, сразу язык от-

режу и заставлю проглотить. Нет никакой полосатой собаки, и никто за нами не гонится. Понял?

Не дожидаясь ответа, Рага Бол отвернулся от своего одноглазого помощника и шагнул прочь. Саблю он оставил в стволе, предоставив Глимбо честь и труд вытащить ее и вернуть владельцу. Глимбо еще не успел прийти в себя, а тут новая неожиданность: капитан вдруг осел в грязь и, чуть не всхлипнув, пробормотал:

— Я ночей не сплю... Добавь часовых, когда стемнеет.

Глимбо освободил клинок и вернул его капитану. Тот сгреб саблю, искоса посмотрев на помощника:

— Чего уставился, болван? Иди расшевели их...

Глимбо отдал честь и отошел, не зная, что и думать. Нет, на капитанском мостике еще недавно стоял совсем другой Рага Бол. Что-то неладное творилось с капитаном. Он обернулся, посмотрел на Бола, но тот уже забыл о Глимбо. Повернув голову и вытянув шею, капитан искал взглядом что-то далеко позади.

Неистовый Рыж лежал на мягкой подстилке из мха и, притворяясь спящим, прислушивался к утренней беседе своих верноподданных.

— Да, утре чо надо, и местечко подходяще... — это Флинки.

Следующей открыла рот Кривохвостиха:

— Яйца лесного голубя, сэр! Как прикажете сварить?

— Всмятку, — отозвался Флинки. — Никогда не уважал крутых... м-м, да, и яиц тоже.

— Я для тебя день и ночь варить да жарить буду, если обеспечишь нам отдых здесь на недельку.

— Да уж, жалко расставаться с таким местечком, — это уже Юнна. — Задури башку этому недоростку, чтоб не прыгал попусту.

Флинки лучился уверенностью:

— Можете на меня положиться, ребята. Мой серебряный язычок-колокольчик зачарует любого...

Рыж громко зевнул, лениво сел и потянулся:

— Яйца лесного голубя всмятку, Флинки? Давай их сюда.

Флинки, не моргнув глазом, передал яйца новому атаману:

— С добрым утречком, сэр, и предстоящим добрым, надеюсь, деньком. Мы как раз восхищались выбранным вами местом. Хорошо, когда вождь столь мудр!

Рыж отложил вареные яйца в сторонку и поднялся, сжимая саблю. Надувшись, он авторитетно провозгласил:

— Не слишком влюбляйтесь в этот ручей, жалко будет расставаться. После завтрака снимаемся. Как только вернется Сливонос.

Полкотлеты не смог скрыть неудовольствия:

— Сам же сказал, что остаемся здесь!

Рыж покрепче сжал саблю:

— Ну... я передумал. Атаман имеет право изменить свое решение.

Голозад мрачно уставился на противного лисеныша.

— «Изменить решение»! — передразнил он. — И куда теперь прикажешь топать, ваше могущество?

Приподняв саблю, Неистовый Рыж шагнул к Голозаду и отчеканил:

— Мы направимся к этому самому Рыжволлу, если тебе очень надо знать. Так что собирай пожитки.

Голозад неосторожно отвернулся от Рыжа и обратился к остальным:

— Ха, Крошке Рыжу не терпится узнать волшебное слово, чтобы казаться великанином.

Рыж взмахнул саблей и одним махом отхватил дерзкой ласке полхвоста.

— Й-и-и-а-а-а-а! — раздался вопль Голозада. — Мой хвост!

Юпса схватила комок берегового ила и прижала к обрубку хвоста. Одуревший от боли и страха Голозад тихонько постывал.

Пользуясь всеобщим замешательством, Рыж снова взмахнул саблей. Все попятались. В глазах мелькнул страх.

— Следующего нахала убью! — свирепо заявил Рыж.— Думаете, я не знаю, что вы бормочете за моей спиной? Думаете, сможете меня одурачить? Так выгребите грязь из ушей и слушайте. Я здесь теперь устанавливаю правила! А вы их выполняете. Я завладею мечом и аббатством. Кто-нибудь хочет возразить? Я слушаю!

Флинки умиротворяюще воздел лапы:

— О чём речь?! Кто захочет смерти от меча такого великого воина?!

В этот момент Рыж почувствовал себя главным в стае. Его переполнило чувство мощи. Теперь он может быть таким же жестоким, как Беррад или Скрод. Ведь он только что пролил кровь!

— Отныне я принимаю решения. Мы идем в аббатство. Вставай, Голозад, ты пока еще не покойник.

Голозад медленно поднялся. Хвост его украшала неуклюжая примочка из ила, обернутая листком щавеля. Ненавидящими глазами он уставился на Рыжа:

— Нас здесь восемь, а ты один, воишь...дь. И ночью тебе спать придется. Так что не слишком заносись. Всех не переубиваешь. Я бы на твоем месте за спину опасался.

Рыж понимал, что Голозад верно оценил обстановку, но назад пути не было. Кончиком сабли он опрокинул котелок в костер. Вода, испаряясь, зашипела, от костра повалил пар.

В этот момент из лесу вывалился Сливонос. Он удивленно завертел носом, пытаясь понять, что происходит.

— Что тут у вас, ребята?

Флинки первым раскрыл рот:

— Ох, Сливонос, дружище, чего тут только не происходит...

Но Неистовый Рыж перебил горностая:

— Я теперь вождь. Мне докладывай. Что обнаружил?

Без дальнейших расспросов Сливонос махнул лапой в неопределенном направлении:

— Там с севера на юг проходит тропа. Может, это и есть дорога к аббатству, шеф. Примерно день пути отсюда. До тропы.

— Снимаемся! — заторопился Рыж. — Сливонос впереди, показывает дорогу. Я сзади. Рогг и Флогто со мной. — Он повернулся к Флинки. — И запомни, серебряный язычок, никаких сплетен и заговоров. Я за вами слежу. Никаких разговоров о моих поступках и решениях. Пощевеливайтесь! — заключил он тираду, обращаясь уже ко всем.

Приятно было шагать по лесу. По траве прыгали пятна света и тени, над цветами вились пчелы и бабочки, в ветвях щебетали птицы. Рыж не обращал внимания на красоты природы. Он следил за спинами своих верноподданных и беседовал с молчаливыми братьям и лучниками так, будто они были его закадычными друзьями уже много сезонов:

— Держитесь меня, ребята. Будете моими заместителями. Охраняйте мой тыл, а я уж вас достойно награжу, когда возьмем аббатство. Королями заживете!

Рогг и Флогто вовсе не польстились на посулы новоиспеченного начальника. Вожди приходили и уходили, и каждый из них был жесток и жаден. Братьцы молча топали вперед, а Неистовый Рыж семенил, отстав от них на полшага, положив саблю на плечо, словно копье. Он попробовал было нести ее на поясе, но клинок волочился по земле, и вождь уже разок-другой споткнулся и чуть было не растянулся на тропке. Вот бы заржали тогда все эти... Хозяин не должен допустить, чтобы слуги смеялись над ним!

Утро перешло в день, день рос, а вместе с ним росли и трудности пути. Легкая прогулка сменилась жестокой схваткой с зарослями крапивы. Шедшие впереди громко жаловались. Рыж орал на них, они на минуту замолкали, затем стали огрызаться. Вот зверье зашлепало по болоту,

не слишком глубокому, но противному, вязкому, засасывающему. В воздух поднялись тучи мошек и комаров. Ругань Рыжа теперь перекрывал дружный хор проклятий и угроз в его адрес. Наконец идущие впереди вышли на твердую почву. Задние заторопились к ним.

Усталые бродяги остановились на сухой солнечной лужайке. Все попадали на траву, мрачные и строптивые. Рыж даже не пытался распоряжаться или покрикивать. Вместо этого он усталым, но доброжелательным голосом изрек:

— Да, здорово мы все выдохлись. Надо отдохнуть. Слив, может, твой нос нас не туда завел?

Никто даже не улыбнулся его шутке. Сливонос обиженно забубнил:

— Я уже третий раз через это болото переполз.

Припасов с собой у них не было, промышлять не осталось сил. Кривохвостиха и Полкотлеты где бухнулись в траву, там и захрапели, Сливонос, Юппа, Голозад и Флинки сидели группой и тихо беседовали. Рогг и Флогго дремали полулежа.

Рыжа клонило ко сну, но он крепился и старался выглядеть бодрым и свежим. Заметив, что Голозад косо посмотрел на него и что-то запептал Юппе, лис прикрикнул:

— Кончайте трепаться, языки отрежу.

Флинки ухмыльнулся и отсалютовал «любимому вождю»:

— Да они ничего плохого не говорят и не замышляют, ваше могущество. Не будет ли нам дозволено позабавиться песенкой?

Рыж равнодушно пожал плечами:

— Пойте, пока языки не отвалятся. Все лучше, чем шептаться да сплетничать.

Все четверо ухмыльнулись. Спокойным, вкрадчивым голосом Флинки запел колыбельную:

Был каждый сегодня тяжел шаг-шаг,
И голос раздался в ушах-шах-шах.
Так мама любила мне напевать —
Пора, мой миленький, спать-спать-спать.
Глазки закрой, мой малыш, баю-бай.
Звезды на небе, и ты засыпай.

Он повторил песню еще более нежным и вкрадчивым голосом, а троица соседей мягко подывала, изображая музыкальное сопровождение.

Рыж под эти обволакивающие звуки обмяк, заклевал носом, разжал лапу, казалось сросшуюся с рукоятью сабли. Мысли его улетели к собственным сезонам детства, он уже и не слышал песенки Флинки. А слова песенки вдруг изменились.

Вроде как лис этот спит-спит-спит.
Будет он скоро убит-бит-бит.
Этого дурня убьем-бьем-бьем.
Бошку проломим острым копьем.
Глазки закрой, лис, и спи-засыпай.
Мухам на корм пойдешь, баю-бай!

Выполнить коварный план помешали лишь смешливость и глупость Сливоноса.

— Да-га-га-га! Го-го-го! Проснется покойником! Здого-го-гово!

Неистовый Рыж встрепенулся. В трех шагах от него — приближающийся Голозад с занесенным копьем. Рыж вскочил и взмахнул саблей:

— В чем дело?

Голозад, не останавливаясь, обежал лиса по дуге и влез в кусты, шуря копьем направо и налево.

— Кусты шевелились, шеф! Там эти... белка и выдра... Ну, Сардун и Брандана!

— Он хотел сказать, Брагун и Саро, шеф, — перевел Флинки. — Верно он говорит, я тоже видел, как кусты шевелятся.

Рыж решил извлечь свою выгоду:

— Тогда не надо рисковать. Снимаемся и уходим дальше!

Новый атаман нещадно гнал свою шайку вперед. Время от времени приказывал Роггу и Флогго стрелять в землю под самые пятки идущих последними. Каждый выстрел сопровождался взрывом ругани, но шаг становился шире, и прыткости прибавлялось. К тому же все понимали, что получают по заслугам. Заговор не удался, и если бы на месте Рыжа был Беррад или Скрод, то труп Голозада — а то и Флинки — уже доедали бы муравьи да мухи. Так что легко отделались.

Двигались так быстро, что к вечеру Сливонос уже восклиknул:

— Во-он там, за теми деревьями, тропа.

И вот они уже стоят на тропе, ведущей с севера на юг.

Флинки, привалившись к стволу вяза, бодренько махнул атаману, выходившему из чащи последним:

— Вот она, шеф. Теперь прогуляться вдоль — и цель достигнута.

оспевая новый день, над полями взмыли жаворонки. Мягким, густым басом бухнули колокола Рэдволла. Молодые и старые обитатели аббатства с самого утра покинули постели в ожидании праздника.

Поднялась и сестра Сетива. Приведя себя в порядок, она постучала своей терновой палкой в дверь, за которой отдыхали два пришельца:

— Подье-о-ом, лежебоки! Сейчас за хвосты вытащу из кроватей!

Брагун высунул сонную физиономию из-под одеяла:

— Ф-фу-у, надо вставать. Лучше с ордой нечисти воевать, чем с этой старой землеройкой.

Саро вытянула лапу, схватила прикроватную табуретку и загрохотала ею по полу:

— Мы уже встали, сестра, постели застилаем! Уже выходим!

— Ладно врать-то! — отчетливо донеслось из-за двери. — Быстро собирайтесь, я вас жду. — И палка сестры Сетивы сердито затукала, удаляясь, по полу коридора.

Белка и выдра уселись на кроватях. Саро зевнула и бухнулась обратно на подушку.

— Валяюсь до конца сезона, — заявила белка. — Удобная, оказывается, штука, настоящая кровать. Я уж и забыла совсем.

Брагун выпрыгнул из постели, направился к умывальному тазу, ополоснулся и принялся растирать физиономию полотенцем.

— Золотые слова! Полежи отдохни. А я совсем забыл, как выглядит приличный завтрак. Не буду тебе мешать.

Не тряся времени на умывание, Саро догнала его на лестнице:

— Я с тобой, старый обжора. После тебя нечем будет поживиться.

Марта как раз набрала провизии для себя и отца Фреда, когда пара пришельцев появилась возле длинных столов, уставленных всякой вкуснотиной, и начала запасаться едой. Они метались от одного блюда к другому, хватая то и это, фыркая от удовольствия и обмениваясь впечатлениями.

Но в какой-то момент Саро за горой еды на своей тарелке увидела Марту:

— Доброе утро, Марта! А мы стараемся наверстать упущенное по части завтраков.

— Да, после сна в приличной кровати появляется отменный аппетит, — поддакнул Брагун.

— Прекрасно понимаю. Не хотите ли позавтракать в сторожке вместе со мной и Фредом, подальше от этой толчеи?

Установив свой поднос на макушку, Браг взялся за кресло Марты:

— С радостью, и побыстрей, пока Сетива не обнаружила, что мы не застали постели.

На полпути к сторожке они догнали отца Кэррола.

— Ох, Марта, а я тоже прихватил завтрак для отца Фреда! — расстроился настоятель.

— Ничего, отец Кэррол, не пропадет лишний завтрак. — И Марта указала на свое сопровождение.

Старик Фред впустил их и потянулся к ночной рубашке. Тут он слегка озадачился:

— Хм, оказывается, я так и заснул, не переодевшись. Что ж, не натягивать же ночную рубаху днем! Хе-хе...

Фред показал на открытый том на столе:

— Отчет Тима Церковной Мыши о путешествии в Глинобитную Обитель в поисках сына Матиаса. Полезно почитать перед тем, как отправиться в путь.

Саро перелистнула несколько страниц:

— Честно говоря, читатели мы никакие. Нам бы на карту взглянуть.

При первом же взгляде на карту оба бывалых путешественника переглянулись.

— Были мы там однажды, — сообщил Брагун. — Помню эти утесы, сосновый бор... да, вот и река... Тут пустошь, ущелье... Опасная местность.

— Да, — отозвалась Саро, вертя карту в лапах. — Ничего хорошего. Только не все так... Вот эти скалы помню, одна похожа на колокол, другая — на голову барсука. А этого отдельно стоящего дерева не помню.

Брагун задумчиво постучал хвостом по полу:

— Оно, должно быть, свалилось от старости. Карта ведь составлена за много сезонов до нашего рождения. Но места те же, и нечисти там хватает, и всякой другой дряни, гадов ползучих, летучих, прыгучих... И сушь великая. Мы с облегчением вздохнули, когда выбрались оттуда.

Марта повесила нос:

— Значит, отправляться туда слишком опасно?

— Ха-ха, — засмеялся Брагун. — Ничего подобного, милая моя. Мы с Саро живем опасностями. А останемся в Рэдволле — зачахнем и преждевременно помрем от скуки.

— Вкусная еда да мягкие постели нас прикончат. Если сестра Сетива не успеет раньше.

— И когда же вы собираетесь отправиться в путь? — спросил отец Кэррол, придвигая Фреду мятный чай.

Саро впилась зубами в теплую лепешку.

— Сразу после праздничного обеда. Вечерком, по прохладе. И сразу на юго-восток.

После завтрака они вышли в сад, где уже начались приготовления к празднику. Хорти со своей командой появился из аббатства, волоча длинную скамью. Молодой заяц сразу же заметил Врагуна и Саро:

— Привет, ребята, во! Ну как, маршрут уже намечен?

— Да, — суховато ответил Брагун.

— И когда же мы отправляемся? — подпрыгнув, спросила Спринголд.

— Путешествие в Глинобитную Обитель... Я и мечтать не смела! — просияла Фенна.

— Где мой экземпляр карты? — не отставал Хорти.

— Не забыли, что я чемпион следопытов, во?

— Идем без вас, — остановившись, сурово сообщил Брагун. — Слишком опасно.

— Во-о-о... Но вы же сами сказали... — Уши Хорти опали.

— Ничего мы не сказали, мой юный друг, — перебила его Саро. — Это вы все время тараторили. Мы были в тех краях и знаем их. Места слишком неприятные, чтобы бродить по ним с тремя зелеными юнцами.

Фенна возмутилась:

— Значит, вы нас не берете?

— Не берем,— кивнул Брагун. — Слишком велика ответственность. Как мы появимся в аббатстве, если с вами что-то произойдет?

Спринголд попытала счастья у аббата:

— Отец Кэррол, ведь Марта наша подруга. Мы тоже имеем право идти в Обитель. Скажите им!

Но аббат Кэррол попытался лишь подсластить пилюлю добрым голосом да отеческим похлопыванием по плечам:

— Ну не волнуйтесь, не переживайте. Брагун и Саро — опытные путешественники. А вы дальше ворот аббатства не ходили. Все хотят вам лишь добра, поверьте.

Уши Хорти встали торчком от возмущения.

— Ерунда! Мы молодые и сильные, во. Мы можем все, что могут двое старичков. Просто они ваши ровесники, поэтому вы за них и против нас. И вообще не имеете права нас задерживать!

— Да, это несправедливо! — в один голос закричали Спринголд и Фенна. — Вы внушили нам надежду, а теперь растоптали ее! Это потому, что мы молодые, а эти две старые развалины хотят присвоить всю славу себе. Марта, Марта, скажи им!

Марта покачала головой:

— Если бы сестра Амил упомянула, что вы должны отправиться в путь, я бы так и сказала. Но от нее я слышала лишь о двоих, и именно о Саро и Брагуне. Кроме того, не я здесь принимаю решения. Раз отец Кэррол приказал вам остаться, ваш долг — повиноваться. К тому же Саро и Брагун правда опытные путешественники, и вам с ними не сравниться.

— Это заговор, во! — взорвался Хорти. — Все говорились против нас! И вам не стыдно?

Аббат Кэррол предостерегающе поднял лапу:

— Хватит споров. Дошло уже до оскорблений. Недостойное рэдволльца поведение. Еще слово, Хорти, и за праздничным столом останутся три пустых места.

Но Хорти уже несло, он полностью потерял контроль над собой:

— Тыфу на ваш тухлый обед! Подавитесь своим обедом, во!

Рука аббата вытянулась в направлении выхода.

— Отправляйтесь в свои комнаты и оставайтесь там, пока не сообразите, что следует извиниться.

Все трое метнулись к дверям с воплями негодования и протеста.

Аббат Кэррол обратился с утешением к плачущей Марте:

— Ну, ну, Марта, не стоит так переживать. Все пройдет. Можешь представить, чтобы Хорти умер от голода? Скорее я перепрыгну через нашу колокольню. Поразмыслят да сообразят, что не правы были.

Аббат повернулся к Брагуну и Саро:

— Извините, пожалуйста, нашу молодежь.

Саро слегка улыбнулась:

— Не стоит извиняться. Я могу вспомнить двоих, моложе этих, но гораздо хуже, настоящих негодяев.

Марта посмотрела на нее сквозь слезы:

— Вы не преувеличиваете?

— Хуже, хуже, — подтвердил Брагун, двинув хвостом.

— Но время вас чудесно преобразило, — заметил аббат.

— И тебя тоже, Кэррол, — хлопнул его по спине Брагун. — Ты ведь тоже далеко не паинькой был, насколько я помню.

Аббат вытащил чистый платок и с деловым видом принялся вытираять глаза Марты:

— Да, да, но это было давно, давно... Не плачь, Марта, или ты хочешь нам дождь устроить к празднику? Надо улыбнуться.

Она послушно улыбнулась:

— А праздник все равно будет?

— Конечно, — заверил отец Кэррол. — Не должен же народ страдать из-за трех невоспитанных подростков. Нельзя нарушать освященные сезонами традиции.

Пир в цветущем саду, среди зреющих фруктов и наливающихся соком ягод, удался на славу. Столы сверкали произведениями кулинарного искусства. Салаты, пироги, закуски, торты, кексы, пудинги, варенья, печенье... Свежие теплые караваи, сыры мягкие и твердые, разных форм и цветов... Тут и там возвышаются кувшины с фруктовыми и ягодными напитками...

Хранитель погреба еж Джунти открыл бочонок шипучки, и малыши с визгом наслаждались пузырьками, щекочущими рот и нос. Брагун добавил к салату клин мягкого орехового сыра и прослезился.

— Что с тобой, брат? — обеспокоился Торан.

— Ничего серьезного. Просто я прикинул, сколько я таких пирров пропустил за годы странствий.

— Ну, мне сдается, что ты сейчас наверстаешь упущенное, — захохотал Торан.

— Такой знаменитый повар должен был сопровождать нас, — обратилась к Торану Саро. — Тогда и в других местах узнали бы о его способностях.

Торан скромно опустил глаза к своему необыятному брюху:

— Спасибо, но я слишком широк в талии для дальних странствий.

— Ну да, — подхватила сестра Портала. — И Джунти возьмите — на случай, если захочется освежить глотку.

— Ха-ха! — развеселился Брагун. — Отличная идея!

— Правильно, — присоединился аббат Кэррол. — А на случай, если что-нибудь заболит, надо и сестру Сетиву пригласить с собой, — лукаво улыбнулся он.

— Нет-нет, Кэррол, спасибо, — поспешно взразил Брагун. — Мы с Саро вдвоем отправимся, больше никого не надо.

Пока еда и разговоры развлекали принаряженных рэдволльцев, солнце в небе уже пошло к горизонту. Сытые до отвала малыши побежали играть. Глянув в небо, Саро заметила:

— Пора бы и в путь, чтобы не на ночь глядя.

Брагун похлопал себя по животу и отвалился от стола:

— Наелись на пару дней. Лучшая еда и лучшая компания, сколько я себя помню. Спасибо, друзья!

— Вам спасибо, — улыбнулся аббат, — Тут мы подготовили для вас два рюкзачка. Кроме провизии там и карта, и стишок сестры Амил, и немного одежды.

Саро поспешило обратиться к Марте, пытаясь скрыть слезы расставания:

— Что ж, пора. Пойдем, мы тебя довезем до ворот, там простимся.

У главных ворот замка их поджидали Кротоначальник Двурл и повариха Гурвел с мешками. Из сторожки появился старый Фред с длинным свертком, который он вручил Брагуну.

— Спасибо, Фред. Что это?

Ответил аббат Кэррол:

— Это меч Мартина Воителя. Если вам потребуется оружие, то лучшего не найти. Теперь мы будем спокойны и за вас, и за меч. Он вернется в аббатство вместе с вами. Пусть дух Мартина Воителя вдохновляет вас, а мы мысленно всегда с вами.

Брагун перекинул запакованный меч через плечо:

— Большая честь. Меч Мартина придаст нам сил. А теперь возвращайтесь к летнему пиру, друзья, и не беспокойтесь за нас. Мы вернемся с секретом сестры Амил, и ты сможешь ходить, Марта.

— Ходить? — вырвалось у Марты. — Я буду не только ходить, я для вас станцую. Станцую на крепостной стене,

здесь, над главными воротами, для моих героев Брагуна и Саробандо. Клянусь!

— Спасибо, дорогая, — засмеялся Брагун.

Саро закинула свой мешок за плечо:

— А теперь в путь. До свидания!

Они уже отошли на десяток шагов, когда Торан догнал их и бросился на шею Брагуну.

— Береги себя, братец, и следи за Саро.

Брагун запыхтел, пытаясь освободиться из железных объятий брата:

— Мы с Саро бережем друг друга с детских сезонов. А вот от твоих тисков у меня уже кости трещат, куда я пойду со сломанными ребрами?

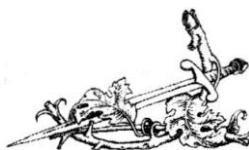
Всхлипывая, Торан отпустил Брагуна. Саро подошла к главному повару и поцеловала его.

— Возвращайся к столу, большой грубиян. С нами все будет в порядке. А ты нам пообещай, Торан Широкий Пояс, что, когда мы вернемся, устроишь такой же пир, как сегодня. Обещаешь?

Торан повернулся обратно к аббатству, крикнув:

— Сегодняшний покажется легкой закуской по сравнению с тем, который я устрою в честь вашего возвращения. Обещаю!

Проводив Торана взглядом, оба путешественника повернулись и, больше не оглядываясь, решительно зашагали вперед.

Xорти видел из окна комнаты, что Торан вернулся и помог Фреду запереть ворота. Оба направились в сад, к столу, где заканчивался пир летнего праздника. Заяц повернулся к обеим подружкам, растянувшимся на своих кроватях.

— Ну, народ, Торан вернулся, ворота закрыты, во. Значит, старичок со старушкой уже в пути. Все готово?

Спринголд вытащила из-под кровати три увесистых мешка:

— Да-а, ничего себе мешочки.

— Жратвы никогда не бывает много, во!

Фенна вынула из шкафа походные плащи и посохи.

— Но как нам незаметно выбраться из аббатства? Ночь еще не скоро наступит. А дедуля с бабулей нас ждать не станут.

Хорти уселся на свою кровать.

— Надо что-то срочно выдумать, во. Но на голодный желудок много не придумаешь. Спринг, дай-ка мне один мешочек.

Спринголд только прочнее перехватила мешки.

— Забудь о своем прожорливом брюхе. Шевели мозгами. Надо поскорее смыться отсюда, не то стемнеет, и мы не сможем найти их след.

Хорти встал и побрел к окну.

— Забудь, во... Скажет, тоже... Я заяц, а не мышь, во... во... взвою от голода... да... да... А, милые крошки! Вон, мелкота под окном!

Он распахнул окно, высунулся в него по пояс и заропал:

— Эй, чума болотная! Друзья мои! Во, во!

Белочка Шилли укоризненно посмотрела вверх и указала на зайца лапой:

— Вот шалун мистер Хорти, его заперли в спальне за плохое поведение.

Хорти смерил Шилли строгим взглядом и продолжил:

— Позвольте вам сообщить, дорогая моя метлохвостка, что меня никто не запирал и я в любое время могу отсюда выйти. А вот хочешь узнать тайну?

Подбежал Магам и тоже задержался под окном:

— Страшную тайну? Очень любим тайны страшные, секретные, хурр.

— Хорти, с кем ты там болтаешь? — хрюпло пропшептала Фенна со своей кровати.

Хорти оживленно зашевелил ушами:

— Тихо, во! У меня план. Диверсия, отвлекающий маневр.

Подкатился ежонок Прутик:

— А ты нам расскажешь страшную тайну? Выдай нам секретную тайну, а то надо быстро бежать в палочки играть.

Хорти воздел лапы к небу:

— Подождут твои палочки, игольная подушка. Так уж и быть, открою вам тайну, во. Сегодня утром в пруду... угадаешь, что там было? Здоровенные рыбины!

— Хурр, много-много здоровенных рыбин? — клюнул на приманку Магам.

— Много-много вот таких, во. — Хорти развел лапы в стороны, показывая размер. — Они нас катали по пруду. Во, веселье-то было, во, во!

Малыши запрыгали от возбуждения.

— А рыбины еще там?

— Хурр, надо и нам прокатиться.

Хорти поскреб за ухом:

— Они сказали, что весь день там будут, во. Значит, и сейчас там.

Малыши пронзительно завопили и наперегонки понеслись к пруду.

— Скажите рыбам, что вас Хорти прислал, во! — крикнул заяц, сложив лапы рупором.

Спринголд вдруг сообразила, что натворил ее приятель. Она вскочила, отпихнула зайца от окна и завопила что было мочи:

— Стоп, стоп! Назад!

Но малыши уже ничего не слышали.

Спринголд повернулась к Хорти:

— Комарные мозги! Соображаешь, что натворил?

— Отвлекающий маневр, во. Чего ты кипятишься?

Хвост Фенны взметнулся вверх. Она тоже представила возможные последствия авантюры Хорти.

— Тупица! Они же все перетонут!

Заяц хлопнул себя по лбу.

— Ой, правда, во! Назад!!! — завопил он вслед малышне что было сил. — Наза-а-ад!!!

— Что за шум? — донесся удивленный голос снизу. Хорти наклонил голову и увидел удивленного брата Гелфа, несшего на кухню пустые кастрюли.

Фенна оттолкнула Хорти и возбужденно затараторила:

— Скорее, брат Гелф, малыши побежали к пруду, одни, без взрослых. Скорее, пожалуйста!

Гелф выронил кастрюли и понесся к пруду.

Колокола Рэдволла возвестили тревогу. Все ринулись к пруду. Торан на ходу сорвал передник и плюхнулся в воду. К счастью, никто пострадать не успел. Не все успели даже замочить ноги. За прытким Магамом Торану, правда, пришлось поплавать. Малыш пушистым комком дрейфовал по пруду. Слышался рассудительный бас Кротоначальника Двурла, прибыл аббат, толкая перед собой коляску с Мартой.

— Хурр, все целы, сэрр, только слегка подмокли. Хорти еще трясся от возбуждения, но уже засмеялся и повернулся к подружкам:

— Во, во, ничего! Зато отвлекающий маневр сработал. Разозленные Фенна и Спринголд накинулись на него, награждая пинками и затрецинами.

— Гениальный ты наш турица!

— Дурилка детсадовская!

— Ладно-ладно, во. Что сделано, то сделано, — отмахивался Хорти, уже подхватывая походные принадлежности. — Рвем когти, пока народ не прочухался.

Сестра Сетива с помощниками протирала детишек передником Торана, своей теплой шалью и подоспевшими полотенцами.

— И кто же из вас придумал такую глупость? — строго допрашивала она малышей.

И вот под строгими взглядами взрослых из сумбурных и не всегда складных высказываний предсталася эта странная история. Марта не хотела верить ушам. Ее милый братец! Кипя праведным гневом, она повернулась к Торану:

— Мистер Широкий Пояс, поможете мне на лестнице? Я хотела бы побеседовать с братом.

— Конечно, мисс Бребак, — вежливо поклонился Торан. — Я думаю, многие хотели бы с ним сейчас побеседовать.

К аббатству направилась целая процессия. Малышам исход приключения пришелся по нраву. В кои-то сезоны они что-то натворили, а наказание ждет кого-то другого. Они тоже потопали было к аббатству, обмениваясь неясными предположениями об откручивании заячьего хвоста для супа. Кто-то даже опасался, что Хорти ждет вываривание целиком в большом кухонном котле.

Но настроение малышей резко испортилось, когда сестра Сетива завернула их в Пещерный зал для всеобщего купания:

— Все в корыто! Там столько всякой грязи и дряни в пруду!

Всеобщий жалобный вой малышей нисколечко не смягчил черствого сердца суровой лекарши.

Бум! Бум! Дверь спальни задрожала под мощной лапой Торана. Через мгновение прозвучал его суроый голос:

— Хорти, сестра и отец настоятель желают с тобой побеседовать. Мисс Спринголд и мисс Фенна, вас тоже прошу выйти.

Тишина. Внизу все замерли в ожидании. Хлопнула дверь спальни, и Торан затопал вниз. Аббат поверх очков посмотрел на мрачную физиономию повара:

— Испарились?

Торан присел на край стола.

— Ни следа. Я и в шкаф, и под кровати заглянул. Спрятались где-нибудь. Но я их найду.

Аббат повернулся и повез Марту к кухне.

— Не думаю, Торан, что ты их найдешь, — вздохнул отец Кэррол.

Взволнованная Гурвел встретила их на кухне горестным отчетом о пропавшей провизии:

— Ху-урр, пять больших яблочных пудингов, сливочное суфле, ватрушки с вареньем, овощная запеканка, пирожки грибные, пирожки луковые... Исчезли без следа! Все заготовленное на завтра! Ох, попадутся мне эти мелкие шалуны!

Потупившись, Марта сообщила поварихе:

— Это не мелкие шалуны, баба Гурвел. Это мой братец и его подружки. Они сбежали за Саро и Брагуном.

— Они, негодяи! — возмущенно хлопнул хвостом об пол Торан. — Но к чему было устраивать столько суматохи?

Аббат Кэррол вздохнул в очередной раз и поправил очки:

— К сожалению, молодежь часто так поступает. Запреты только подстрекают ее. А что будет потом, никто и не думает.

Кряхтя, пришаркал отец Фред:

— Главные ворота кто-то открыл. А ведь мы с молодым Тораном их закрывали и запирали.

Кэррол похлопал старого ежа по сухонькой лапе:

— Это Хорти, Фенна и Спринголд отправились догонять Брагуна и Саро. Искать приключений.

Фред усмехнулся:

— Как когда-то сами Брагун и Саро.

Джуни, хранитель погребов, вошел сразу после Фреда. Он засунул лапы за свой широкий пояс-передник и возразил:

— Нет, друг, не так, как Брагун и Саро. Те прирожденные кочевники. Нынешние совсем не такие.

Марта услышала нотки сожаления в словах Джуни.

— Почему?

— Ну, например, их провизия, — развел лапами Торан. — Пудинги да суфле... Опытный путешественник такого в дорогу не возьмет. В первый же день вся эта провизия в труху да в кашу превратится. Так, Гурвел?

— Хурр, так, так. Ведь тем двоим что мы положили? Сыр, пряники ореховые, фрукты в сахаре... Пища питательная, питье бодрящее...

Марта схватила главного повара за рукав:

— Торан, миленький, с ними ничего не случится?

— Да нет, не думаю, — успокаивающе улыбнулся Торан. — Коль догонит твой братец моего братца, будут они в безопасности. Жесткую школу пройдут, не няньки они, Брагун и Саро. Ну а не догонят — Рэдволл издали видать. Проголодается — мигом примчится. Ведь Хорти, не в обиду будь сказано, настоящий обжора.

Марта нервно трепала лапами край покрывальца.

— А нельзя их перехватить и вернуть?

Аббат посмотрел на Торана и Джунти, зверей бывалых и крепких.

— Пожалуй, Марта права. Вы не смогли бы попробовать догнать их до темноты? — обратился он к повару и хранителю погребов.

Джунти снял передник и кивнул Торану:

— Отчего ж не попробовать... Готов, друг? Ну, пошли.

Они покинули аббатство через главные ворота. Но едва успели Кэррол и Фред запереть ворота, как Торан и Джунти вернулись.

— Отпирайте поскорей! — кричали они, стучая в створки. — Нечисть! Нечисть на тропе, с севера.

«ВОТ БЫ ОНИ
БЫЛИ С НАМИ...»

КНИГА
ВТОРАЯ

В тот же день, ближе к вечеру, из лесу вышла шайка нечисти. Бродяги огляделись, потоптались на месте, потом потянулись гуськом по тропе. Вот они остановились, чтобы передохнуть. Маленький лис поднял голову и увидел вдали колокольню Рэдволла.

— Ага, вон оно, ребятишки, вот где мое аббатство прячется! Говорил я вам, что найду его, и вот нашел, как же иначе!

Лис побежал. Висевшая на поясе сабля путалась у него в ногах, заставляла спотыкаться и смешно подпрыгивать.

— Магический меч, почитай, в моих лапах!

Полкотлеты проворчал:

— Гляньте на дурня. Ох, Флинки, положит он здесь наши головы!

Горностай хмыкнул:

— Нет, зря ты так. Вид прекрасный. Великий воин! Лучше, чем Беррад или Скрод. Те бы послали нас вперед,

а сами в безопасности командовали бы. Пусть бесстрашный вождь бежит навстречу врагу. Мы, бедные растяпы, храбро последуем за ним... на безопасном удалении.

Кривохвостиха полностью разделяла воззрения своего друга:

— Кто бы там за стенами ни сидел, они нас засекли с башен. Не ровен час, камнем по башке или стрелой проткнут... Вот ежели Беррад не соврал и за воротами мирные поселяне, то, может, они нас и впустят сдуру да с пепрепугу.

Шайка неспешно продвигалась по тропе, отпустив Неистового Рыжа подальше вперед. Флинки негромко распевал песенку, которую их атаман, издали не разбирающий слов, считал боевой песней, под которую легче идти в атаку. Он сжал саблю, приосанился, приняв достойную боевую позу, и вообразил себя полководцем, ведущим своих храбрых воинов на врага. «Храбрые воины» переваливались с лапы на лапу и ухмылялись, слушая слова песни.

Свистнут стрелы над тобой,
Пригибайся, парень!
Пусть другие лезут в бой,
Пригибайся, парень!

Кто считает, что герой,
Пусть рискует головой!
Радуйся, что ты живой,
Пригибайся, парень!

За медалью не гонись —
Пригибайся, парень!
Будь умней — поберегись,
Пригибайся, парень!

Ляг и песенку запой —

Пусть другие лезут в бой,
Пусть смеются над тобой, —
Пригибайся, парень!

Голозад и Юппа отпускали шуточки и издали издавались над обликом своего бесстрашного вождя.

— Х-ха, как он задом виляет... Как будто в штаны навалил!

— А если не перестанет махать саблей, то либо нос себе отхватит, либо хвост. Не-е, этот прыщик никого там, в аббатстве, не испугает.

— Разве что со смеху все перемрут, го-го-го!

Флинки всмотрелся во внушительные сооружения из красного песчаника и процедил, обращаясь к Рогту и Флогто:

— Ежели наш вождь прикажет бежать на приступ, я побегу быстрее всех... только в другую сторону.

Братцы-ласки не слишком отличались чувством юмора, но замечание Флинки их развеселило, и они загоготали громче остальных.

Неистовый Рыж мгновенно примчался обратно:

— Над чем смеемся? Удачная шутка? Я тоже хочу посмеяться.

Флинки обезоруживающе улыбнулся:

— Да это мы от радости. Рады за атамана. Скоро у вас будет магический меч, вождь, и по полному на то праву. Правда, ребята? Неистовый Рыж — лучший атаман из всех, кто у нас был.

Падкий на лесть Рыж обвел всех взглядом. Они усердно кивали и поддакивали.

— Слушайте, ребята, — жарко зашептал атаман, — Мы бы могли хорошо сработать. Смахните с морд ухмылки и станьте по двое. Мы рванем прямо к воротам и напугаем этих деревенщин до смерти. Постарайтесь выглядеть как настоящие лихие убийцы. Размахивайте оружием, вопите...

Флинки посмотрел на стены, из-за которых в опускавшихся сумерках виднелись головы. Немало голов. Горностай быстро скользнул в канаву и поманил за собой Рыжка:

— Ночная атака может плохо кончиться, атаман. Надо выработать план, прежде чем кидаться на такую крепость.

Лис тоже скользнул глазами по стенам. Голов за ниими прибавилось. Он вздохнул и тоже слез в канаву, понимая, что горностай мыслит верно.

— Что ж, давайте подумаем. Все вниз!

Остальные члены шайки резво ссыпались в канаву.

Флинки одобрительно хлопнул Рыжка по плечу:

— Что мне в вас нравится, шеф, так это то, что вы, такой кругой воин, безжалостный убийца, не пренебрегаете стратегией. Хо-хо, эти недотепы там, за стенами, оstellбенеют, когда мы завтра вынырнем у них на пороге.

— Завтра? — засомневался лис.

Кривохвостиха поняла, что Флинки хочет протянуть время, и тут же присоединилась к приятелю:

— Завтра — самое то времечко. Утро вечера мудренее.

Кроме лобового штурма, Рыжу ничего в голову не приходило. Поэтому он решил выслушать Флинки, зная, что тот всегда отличался сообразительностью.

Флинки с жаром пустился в разъяснения:

— Темно, территория чужая, местность незнакомая... Здесь, внизу, можно отдохнуть. Вождь обдумывает план действий, и на заре мы застаем этих болванов врасплох. Хитрый план, достойный хитрого лиса!

Непривычный к комплиментам, Неистовый Рыж наслаждался тем, что все взгляды устремлены на него, все ожидают от него мудрых слов, хитрых планов, умных действий. Так ему, во всяком случае, казалось. Он невольно повел хвостом из стороны в сторону — лисы часто виляют хвостом, когда им приятно.

— Верно, всем отдыхать! Это мой приказ.

Усталость подкосила зверье, они свалились чуть ли не там, где кто стоял. Закрывая глаза, Флинки ткнул в бок Кривохвостиху и пробормотал под нос, но достаточно громко, чтобы все услышали:

— Ох и повезло же нам с атаманом!

Стемнело. В небе зажглись звезды. Аббат Кэррол взошел на северную стену и нахмурился, увидев на парапете толпу рэдволльцев.

— Друзья, послушайте-ка меня внимательно. Не надо толпиться здесь. Ни к чему подвергаться излишней опасности. Внизу враг. Все, кто здесь не нужен, отправляйтесь вниз. Сестра Сетива, малышам уже пора в кроватки, проследите, пожалуйста.

Торан и Джунти присоединились к Кротоначальнику Двурлу и брату Велду, дежурившим на северо-западном углу. Кэррол заспешил к ним:

— Как там нечисть? Где там нечисть? Что там с нечистью?

— Не сказать, что несчетная рать, — успокоил Торан.
— Вроде восемь голов всего. Хуже, если перед нами только передовой отряд, но пока больше никого не видно.

Джунти показал аббату на канаву, где колыхались красные и золотистые отблески огня:

— Они там костерок сочинили, в канаве. Что у них на уме, интересно.

— Хурр, кашу варят, должно быть, — предположил Кротоначальник.

Аббат повернулся к Торану:

— Что можешь предложить, Торан?

— Ну, такой мелкий отряд напасть на Рэдволл не посмеет, — начал Торан, задумчиво похлопывая хвостом по каменной стене. — Нам надо пока лишь внимательно следить за ними, Кэррол. На стене постоянно должен дежурить караул, все видеть, но не высовываться. Может, они просто идут мимо, еще куда-нибудь. Были бы с нами

Брагун и Саро — и следа этих прохвостов не осталось бы уже возле аббатства!

Кротоначальник царапнул зубец ограждения стены рабочим когтем.

— Да, Браг да Саро знали бы, что делать. Но их-то нету, одни мы, хурр...

Торан почувствовал, что аббат хочет разделить с ним ответственность за оборону Рэдволла. Он махнул лапой вниз, в сторону ожидающей аббата Марты, и обратился к Кэрроллу:

— Вы и Марта организуйте народ на поиски какого-нибудь оружия. И всего похожего на оружие. Кто знает, что нас ждет завтра. Но до рассвета, сдается мне, ничего они не предпримут. Мы тут покараулим с Джунти, Велдом и Двурлом.

Аббат спустился со стены и, подталкивая кресло с Мартой перед собой, направился к аббатству, рассказывая, что увидел и узнал наверху. По его голосу молодая зайчиха поняла, что Рэдволлу, возможно, скоро будет очень неспокойно.

Вирга, сморщенная, беззубая корабельная крыса, давно забывшая свои лучшие сезоны, постоянно сопровождала Рагу Бола. Бесполезная в бою, лишний рот в банде, она оказалась незаменима в качестве лекаря. Никто не знал больше об исцелении ран и болезней. Она всегда таскала с собой и постоянно пополняла запас целебных трав, порошков и мазей. Но даже не эти знахарские навыки делали Виргу в глазах капитана самым ценным членом экипажа. Вирга обладала даром ясновидения. Если лечила она всю команду, то магическими ее способностями пользовался только капитан. Да и то лишь в редких случаях.

Вирга сидела у костра, краем глаза следя за капитаном. Лагерь был устроен в лесистых холмах Цветущих Мхов, среди выступающих над поверхностью земли скал

красного песчаника. Рага Бол и Вирга устроились на макушке одного из холмов, подальше от шума и суеты стаи.

Вирге не надо было провидческого дара, чтобы понять, что Бол собирается обратиться к ней за советом. Он выделил ей жареного голубя и кружку персонального капитанского грота. Не в первый раз. Вирга залезла в свой «магический» мешок, порылась в нем и вытащила створку морской раковины. Желтая по краям, перламутрово блестящая в середине, раковина эта сверкала выросшими в ней тремя крупными жемчужинами.

Наполнив раковину водой, Вирга уставилась в нее:

— Не радует тебя еда, о капитан!

Рага Бол лизнул острие своего крюка-протеза и устался на старуху, которая продолжала:

— Сон бежит от тебя, усталость одолевает. Никто не чувствует покоя в твоем присутствии. И я боюсь затрагивать твои заботы.

Капитан резким жестом отпустил четверых часовых, охранявших его по ночам. Когда они удалились, он бегло глянул через плечо.

Приблизившись вплотную к Вирге, он хрипло зашептал:

— Не бойся, говори спокойно, не трону.

Не отрывая взгляда от наполненной водой раковины, старуха продолжала бормотать. Голос ее менялся, переходя в завывание, шипение и свист:

— Если враг еще дышит, если он тебя слышит, останови дыхание его! Тогда лиш-шь с-нова обретеш-шь покой. С-смерть с-супостата защ-щитит рас-с-судок твой.

Глаза пирата лихорадочно заблестели.

— Жив полосатый пес? Скажи!

Вирга оторвалась от раковины и подняла глаза на капитана:

— Когда ты видел барсука в последний раз?

Покрасневшие глаза Бола уставились на старуху.

— Сегодня, солнце в зените жарило, как раз на привал устроились. Я задремал. Солнце сквозь закрытые веки светит, все красным-красно... И вдруг увидел эту полосатину. Он как раз на берег высаживался из какой-то посудины; там, где у реки излучина, где она от леса отворачивает. Да ты помнишь, мы там двух землероек порешили. Полосатый лапой ткнул так в этих дохлых... ну и прямо на меня... Мол, отомщу, то-се, доберусь до твоей шкуры... так и пригрозил, собака полосатая.

Вирга снова уtkнулась носом в раковину с водой.

— Ты ж ему ответил, чтоб убирался он к вратам, где мертвые толкаются в ожиданье, к пределам Темного Леса. Ведь он убит уже тобой, преславный наш герой. Но страшный зверь, тебе не внемля, продолжал шагать вперед, стопою берег сотрясая, — завывала Вирга. — На голове его ужасный шрам, зашитый чьею-то искусной лапой... Так, что ль, капитан? Капитан! — Она подтолкнула Бола, вернув его к реальности.

Бол заморгал и помотал головой:

— Так, так... А ты что, тоже его видела? Откуда ты знаешь?

Старуха улыбнулась:

— Вирга много видит, чего не могут видеть остальные.

Не станет же она ему сообщать, что внимательно следила за ним, слышала все его восклицания, его бормотание, наблюдала за жестами, сопровождавшими его беспокойный сон. Конечно, не каждому дано из всего увиденного и услышанного скроить полную картину Капитановых кошмаров...

Капитан наклонился вплотную к ясновидящей. Его горячее дыхание обожгло ее сморщенную щеку, в голосе мольба смешивалась с угрозой:

— Я не боюсь врага. Но я не могу драться со сном, с призраками. Что делать? Как избавиться от полосатого?

— Моих сыночков знаешь?

Разумеется, капитан Бол знал всю свою команду. Знал он и эту скрытную, вороватую троицу, хотя и не слишком хорошо. Они прятались за спины товарищей при малейшей опасности и всегда лезли вперед, когда речь шла о еде или добыче.

— Ну знаю. Их всех барсуку на завтрак не хватит.

— Верна твоя речь, капитан, прав ты. Но верь мне, капитан, если ты дашь моим сыновьям опытного проводника, который выведет их на полосатого, то избавишься ты от назойливых снов.

Рага Бол вытащил саблю, зловеще блеснувшую в свете костра, и сунул ее под нос Вирге:

— Вот это оружие не смогло прикончить полосатого. Это оружие в моей руке. Так как же с ним справятся три твоих недоростка?

Вирга вытащила из сумки на поясে бамбуковую трубку, запечатанную пчелиным воском. Она выковыряла восковую затычку и наклонила трубку. Оттуда бесшумно выскользнули шесть длинных шипов алого цвета. Тупые концы шипов украшали пестрые перышки каких-то мелких невиданных птичек.

— Осторожно, капитан! — Она задержала лапу Бола, протянутую к маленьким стрелкам. — Эти крошки убивают быстрее, чем самая ядовитая змея.

— Яд? — Капитан отдернул лапу.

Вирга своими длинными когтями разложила стрелки попарно.

— Если эта стрелка проткнет кожу самого могучего воина, то он уже не воин, а покойник. Мои сыновья умеют пользоваться этим оружием. Воины они никакие, но убийцы отменные. Дай им проводника, пусть выведет их на излучину, найдет полосатого. И они сделают свое дело.

Бол резко встал и взгляделся вниз, где все еще сновал беспокойный крысиный народ. Вот его взгляд выхватил нужную фигуру.

— Эй, Кливер!

Крупный, крепкий самец крысы подбежал к капитану и лихо отсалютовал:

— Здесь, капитан!

— Разыщи сыновей Вирги. Всех троих. У меня для вас дело.

На холмы уже опустилась ночная тьма, когда трое сынков Вирги и Кливер углубились в лес. Через плечо следопыт перекинул одеяло, в которое завернул дорожный паек, на шее его болтался острый кинжал на шнурке. Задача перед Кливером была поставлена несложная: вернуться по собственному следу. А след, оставленный командой корабельных крыс, не заметил бы лишь совсем слепой. На первую же просьбу замедлить шаг Кливер обернулся, смерил попутчиков презрительным взглядом и произнес не слишком длинную речь:

— Слушайте меня, слизняки и недоумки. Я в вашу компанию не просился. Но капитан поручил мне дело, и я его сделаю. А там вы делайте ваше дело. Мне нет дела до вашего дела, вы не суйте нос в мое. На пятки не наступайте, — он хмыкнул, — но и не отставайте. Поняли?

Сыновья Вирги ничего не ответили, лишь обменявшись хитрыми взглядами, что не улучшило мнения Кливера о них. Уже отворачиваясь, чтобы продолжить путь, он бросил через плечо:

— Шевелитесь! Я не червяк, ползти не намерен. Привалов много не будет. Отстанете — возвращайтесь и объясните капитану, почему не выполнили приказ.

А за три дня до этого Лонна попрощался с Графо Троком на излучине широкой реки. Барсук еще не раз вспоминал жизнерадостного речного шкипера. Да и сложно было забыть толстяка, который, сияя начищенным кастрюльным шлемом, стоял на палубе своего «Жучка» и горланил балладу собственного сочинения о прекрасной еде и о прискорбном отсутствии таковой. Одиночество навалилось на Лонну, когда он вступил в лес, но печаль тут же сменилась гневом, когда вспомнились тела растерзанных землероек, которых он и Графо похоронили на берегу, прежде чем расстаться.

Шрам болел и стягивал голову, череп разламывался от боли и от тяжелых мыслей о пиратах Раги Бола. Лес вокруг радовал глаз зеленью, ярко светило солнце, распевали птицы, жужжали пчелы и шмели, но Лонна не замечал красот природы. Его взгляд настороженно

обыскивал заросли. При малейших признаках опасности он готов был схватить свой лук и выпустить стрелу.

В середине дня барсук задержался у ручейка, рябь которого сверкала на солнце посреди поросшей мхом полянки. Он передохнул, закусил коркой орехового хлеба с сыром и диким луком, который в изобилии рос вдоль ручья. Лонна искупался в ручье и сидел на берегу, болтая лапами в воде и потирая поясницу. Встав, он вдруг почувствовал, что за ним внимательно наблюдают. Разминая мышцы, Лонна проворчал достаточно громко:

— Нехорошо подсматривать. Выходи да покажись. Вреда от меня не будет, я на крысу не похож.

Тут же с соседнего дерева спрыгнула пожилая белка в желто-коричневом сарафанчике. Незнакомка дружелюбно улыбалась, но в лапе скимала дротик, которым, очевидно, могла и воспользоваться.

— Вижу, что не крыса. Скорее десяток крыс, если по размеру судить. Что,脊ина болит?

Лонна тоже улыбнулся:

— Болит немножко, но с каждым днем все меньше. Пройдет! Я Лонна Острый Глаз.

Белка церемонно поклонилась:

— А я Фивалок Гибкая Ветка, приятно познакомиться. Пошли, попробую помочь твоей спине.

Белка чем-то понравилась Лонне, поэтому он, не раздумывая долго, последовал за ней. Белка неслась во всю прыть, барсук едва поспевал за ней. Остановились у большого граба, и тотчас посыпались команды:

— Видишь ветку над собой? Ч-чи-и-и! Прыгай на нее и виси... Снимай лук... И где ты такой взял? Ох, здоровенный какой!

Лонна улыбнулся. Действительно, лук был втрое длиннее белки. Отложив лук и колчан со стрелами, он подпрыгнул и повис на толстой ветке. Она прогнулась, но легко выдержала его немалый вес.

— А теперь что?

— Да ничего. Виси себе да воображай, что ты яблочко. Ты ведь сильный?

— Ну, сильный довольно-таки.

Фивалок прыгнула на ступни Лонны и уселась на них.

— Тихо, не дергайся, не стряхни меня.

И белка начала раскачиваться вместе с Лонной, словно на качелях.

— Ч-чах-ах! Хорошо, хорошо... Держись...

Раскачивалась она довольно долго. Лонна даже устал держать себя да еще белку.

— Ну, хватит? — спросила белка.— Слезай.

— Да, пожалуй, пора, — согласился Лонна. — Лучше самому слезть, пока не свалился.

Белка отскочила в сторону:

— Прыгай!

Он постарался спрыгнуть помягче и удивился, не почувствовав болезненного толчка в позвоночнике.

Белка стукнула его по спине:

— Ну, как спинушка? Потопай, попрыгай. Ч-чах-ах! Как новая!

Спина и в самом деле не болела. Да и нога тоже. Он прошелся, потопал, припрыгнул и бросился к белке с открытыми объятиями:

— Не болит, не болит! Фивалок, ты волшебница, как мне тебя отблагодарить!

Белка мигом оказалась на дереве.

— Лапы прочь! Раздавить меня хочешь? Вот лучше я тебя накормлю. Пошли скорее!

И снова Фивалок перелетала с дерева на дерево, а Лонна изо всех сил старался не отстать. Наконец остановились у дуба с тремя верхушками, растущего вплотную к буку, вязу и клену. Все кроны причудливо переплелись, так что получилась настоящая крыша.

Белка махнула Лонне хвостом:

— Сейчас я тебе сброшу веревку.
И она тут же исчезла в кроне дуба.

Через мгновение она показалась наверху, окруженная кучей бельчат мал мала меньше. Малыши пищали, щебетали и размахивали лапками.

- Ч-чи-и, где ты его нашла, бабуля?
- Ч-чу-у, это самый большой зверь во всех лесах.
- Ч-чо-о, за всю свою жизнь такого не встречал!

Отмахнувшись от бельчат, Фивалок бросила Лонне конец узловатой веревки:

— Ч-чах-ах! Не обращай внимания на этих мошек, Лонна, лезь сюда.

Лонна легко одолел подъем и под одобрительным взглядом белки выпрямился на платформе.

— Ч-чах-ах! Отличная у тебя теперь спина! Забудь, нет у тебя никакой спины и болеть нечему. И вообще, мы из тебя белку сделаем.

Жилище белок находилось на кроне тех четырех деревьев. По их переплетенным веткам можно было ходить уверенно, как по земле. В центре на толстом листе шифера — очаг и угольная печь. Там хлопотали погруженные в кухонные заботы взрослые белки. А вокруг буквально роились малыши и подростки, прыгали, бегали и раскачивались на ветках, только что не стояли на хвостах.

Фивалок с гордостью представила Лонну стае:

— Вот Лонна Большой Зверь. Фивалок его нашла в лесу. Лонне пора закусить, еды, еды сюда побольше, он голодный.

Четыре белки бросились обслуживать гостя. Ему подали густой сладкой каши из дикого овса, фруктов и орехов с медом и ревенем. Запивал он кашу бузиновкой. Фивалок сидела рядом, с уважением наблюдая, как быстро исчезает еда во рту барсука.

— Ч-чи-и-ха-а! Маме-то твоей облегчение в хозяйстве, когда ты из дома ушел!

— Трудно сказать, ведь матери своей я не помню.

Услышав это, малыши, которые медленно подкрадывались поближе, мгновенно ощутили жалость к бедному сиротке. Они окружили барсука, вспрыгнули на лапы, плечи, один даже уселся на голову. Его гладили, похлопывали, над ним причитали:

— А-а-а, бедный большой зверь, никогда не было мамы!.. Ужас какой!.. Вот бы я плакал и кричал, если бы у меня не было мамы!..

Пока малыши охали и ахали на все лады, с физиономии барсука не сходила широкая улыбка. Он наслаждался кратким мирным отдыхом перед домашним очагом. Детишки уже и вовсе расшалились, когда кто-то из взрослых белок пронзительно свистнул.

Мгновенно всех как ветром сдуло. А над головой быстро пронеслась темная тучка.

Лонна огляделся. Пусто. Он крикнул, обращаясь к густой листве:

— Фивалок! Ты где? Что стряслось?

Белка из-под ветки высунула голову и пробормотала:

— Ужас, ужас! Карра Воррон, птица страшная!

Показалась и Фивалок. Она печально покачала головой:

— Карра Воррон таскает детенышей, хватает что хочет. И ничего с ним не сделаешь. Быстрый, большой, сильный.

Фивалок еще не закрыла рта, как какой-то малыши выскочил откуда-то и замер в ужасе на открытом месте. Ворон увидел легкую добычу, сложил крылья и молнией упал вниз.

Лук сам собой оказался в лапе Лонны, натянулась тетива, вжикнула в воздухе стрела, и пронзенное насеквозд тело ворона упало наземь под деревьями.

Белки мгновенно ожили и радостно зашумели. Взрослые принялись осыпать тело ворона камнями из

своих пращ, мелюзга сбрасывала на него листья и мелкий мусор. Все ругали мертвого врага.

Кто-то из старших, войдя в азарт, бросил в ворона уголек, за ним полетел другой, третий... Противный запах жженого пера защекотал ноздри.

— Прекратите немедленно, — закричал Лонна. — Лес сожжете и себя с ним вместе!

Закричала и Фивалок:

— Ч-ч-ах-х-х! Слушайте, слушайте большого зверя!
Не балуйтесь с огнем!

Белки наконец осознали опасность. Фивалок послала нескольких старших вниз заливать угли. Она потрогала тетиву лука:

— Хороший лук, Лонна. Карра Воррон не будет больше таскать детей. Спасибо тебе.

Лонна вздохнул:

— Лучше бы на его месте оказалась морская крыса.

Фивалок повернулась и показала на запад и чуточку на юг:

— Морские крысы туда ушли.

— Когда? Ты их видела?

Фивалок хитро улыбнулась:

— Вчера. Я искала дикий миндаль. А вот меня им видеть было необязательно.

Лонна поднялся и направился к веревке, чтобы спуститься вниз.

— Наконец-то! Фивалок, ты мне поможешь их найти? У меня свои счеты с этими негодяями.

Белка оказалась на земле раньше, чем Лонна.

— Конечно, покажу. Хоть это-то я могу для тебя сделать, Большой Зверь. Если сейчас выйдем, на заре дойдем.

Белки расстроились, узнав, что Лонна Большой Зверь уже покидает их стаю. Особенно переживали малыши. Одна сообразительная белочка утешала остальных:

— Пусть он идет. Ведь ему надо найти маму.

— Верно, маленькая мисс, — погладил ее пушистый хвост Лонна. — А вы берегите своих мам и берегитесь воронов.

Фивалок не слишком ласково глянула на убитого ворона:

— Ч-х-ха-а-а! Мы вздернем этого разбойника на дерево, он будет отпугивать остальных, вот как!

Решив, что долгие проводы ни к чему, Фивалок махнула лапой Лонне и припустила на юго-запад. Лонна устремился за ней. Перед ним стоял образ ненавистного врага, Раги Бола, и одна лишь мысль гнала барсука вперед: «Я, Лонна Острый Глаз, иду за тобой, Рага Бол. И ты не скроешься от меня».

Сромаршировав всю ночь в направлении, которое Хорти наивно полагал юго-восточным, заяц совершенно выдохся. На рассвете он рухнул в заросли папоротника, простонав:

— Пора бы и отдохнуть, ребята! Во-хо-хо! Но сначала надо разобраться с нутром. Завтрак взывает к желудку, во!

Спринголд вырвала у него из лап мешок:

— Ты больше ни о чем думать не в состоянии? Куда мы забрели, тебя не волнует! Всю ночь он болтал о жратве и снова за свое. Ты понимаешь, что мы заблудились, лопух лопоухий?

Хорти безуспешно попытался вновь овладеть мешком.

— Заблудились? Потерялись? Во-во-во! Да ты чего? Да ты о чем? Мы просто-напросто отдыхаем. Отдохнем чуток и дальше поскакем, во, во.

Спринголд хлопнула его мокрым мешком:

— Ты не имеешь представления, куда нас ведешь. Следы Брагуна и Саро мы потеряли и ходим кругами, хоровод водим по лесу.

Хорти шевельнул ушами и улыбнулся Фенне:

— А она ничего, когда злится. Даже хорошеет, во. Спринг, отдохни, не маши мешком. Мы снова возьмем след. Или ты хочешь вернуться в аббатство и прослушать, что они все тебе там споют? Во-во-во!

Фенна прикрыла глаза:

— Спринг, он в чем-то прав. Споры ведь нам не помогут. Дай ему мешок. Нам надо подкрепиться и отдохнуть, от этого никуда не денешься.

Спринголд швырнула зайцу мешок и свалилась без сил:

— Подавись своей жратвой! Лучше б мы сидели в аббатстве.

Юный обжора жадно схватил мешок:

— Во, если б ты осталась, у нас с Фенной было бы больше жратвы на каждого, ха-ха.

Фенна глянула в мешок и с отвращением отвернулась:

— Юк-к, я это месиво есть не буду. Суфле с луковой подливкой! От одного вида худо становится.

Хорти запустил лапу в ее мешок, вытащил какой-то скользкий кусок странной формы.

— Отчего тебе худо становится? Отличное качество, во. Все свежее, во, во. Тем более что иначе наступит медленная голодная смерть.

Хорти сунул кусок в рот и от усердия аж зашевелил ушами.

Когда Фенна открыла второй мешок, он смачно хлюпнул, и на папоротник выплеснулось какое-то пестрое полужидкое месиво.

Третий мешок развязала Спринголд.

— Ага, ватрушки и лепешки. Но, ребята, наш гений снабжения упаковал их вместе с мятым чаем и малиновой наливкой. На пробки он, конечно, внимания не обра-

тил, пробки вылетели. Еще один мешок месива. Ох, Хорти, Хорти! Где у тебя голова?

Заяц уже снимал пробу с содержимого второго мешка.

— Во, во, чем вы недовольны? Какой вкус, аромат... Тонкий букет. Аббатство вас избаловало, бедные крошки. Надо будет наградить старуху Гурвел рецептом этого кулинарного шедевра, во.

И Хорти полез в третий мешок.

Спринголд оттолкнула его:

— Иди мыться!

— Потом, потом. Попозже, во.

Она опрокинула мешок над его головой:

— Нет, сейчас.

Хорти проделал в покрывшей его голову липкой смеси две дырки и облизал лапы. Перед собою он увидел Фенну, готовую вывалить на него содержимое другого мешка.

— Ну, ну, не надо нервничать по пустякам! Иду искать головастиков и лягушек, которые знают дорогу к ближайшему ручью, во.

Фенна уселилась и подперла лапами голову.

— Сами виноваты. Не надо было доверять ему питание. Этот олух наверняка даже кремень не захватил, чтобы костер разжечь.

Спринголд вытащила из пояса прозрачный кусочек горного хрусталия:

— Не беспокойся. Вот что мне отец Фред дал... И рассказал, как пользоваться. И даже показал. Смотри.

Она поднесла кристалл к ключку сухого мха, сфокусировала солнечные лучи, и мох почти сразу задымился. Спринголд подула на дымок — и вот уже робкий огонек взвился из-под магического кристалла.

Фенна хлопнула лапами в удивлении и восторге:

— По крайней мере сможем чаю вскипятить с мяты. Вон ее сколько вокруг! Что с тобой, Спринг?

— Котелок! Этот тушица не взял котелок! В чём воду греть?

— Да-а, не стоило слушать этого пустобреха. Лучше уж вернуться в Рэдволл.

Спринголд это предложение не понравилось.

— Рэдволл? Ты только представь себе, как ты встретишься с аббатом, как тебя будет лечить сестра Сетива и что тебе скажет мамаша Гурвел по поводу украденной кулинарии. А потом до преклонных сезонов будем драить котлы и полы.

Горестные размышления Спринголд прервали возмущенные взглазы Хорти:

— Отстаньте от моих ушей, паразиты! Отпустите немедленно!

Показался мокрый Хорти, которого волокли шесть крупных пятнистых крыс. Покровы крыс состояли из листьев, веточек и лиловой татуировки, а вооружение — из ножей и тяжелых дубинок.

Спринголд вскрикнула. Фенна схватила старый кухонный нож. Из лесу выходили новые и новые крысы и окружали плотным кольцом незадачливых путешественников.

Главарь — высокая коричневато-белая пятнистая крыса — тряхнул копьем и прорычал:

— Брось нож, или всех перебьем!

Что-то в его тусклых глазах подсказало Фенне, что лучше повиноваться. Она выпустила нож из лапы.

Хорти возмущенно обратился к главарю:

— Сэр, скажите этим ребятам, чтобы оставили мои уши в покое, во! Они их так начисто оторвут!

Главарь прервал словоизлияния зайца резким тычком в живот. Для этого он использовал тупой конец копья.

Острый он направил на Фенну и Спринголд, невольно прыгнувших на помощь.

— Замрите. Или умрите. Я — Бираг, капитан племени Даррат. Вы незаконно вторглись на нашу территорию.

— Кап... кап... Э-э... Мы просто идем своей дорогой и никуда не вторгаемся, — возразила Спринголд. — Никому не угрожаем. Мирные путешественники.

— Замолкни, нечестивая, — оборвал ее Бираг. — Ведите их, ведите, не задерживайтесь, — прикрикнул он на свое сопровождение.

Странников окружила добрая сотня пятнистых крыс. Хорти едва успел прийти в себя, как всем троим заткнули рты кляпами из толстого каната. Им связали передние лапы и привязали всех троих к одной длинной веревке. На головы пленникам напялили мешки и погнали куда-то, подгоняя грубыми тычками дубинок.

Толпа двигалась неизвестно куда. Идти с мешками на голове было трудно, Хорти и его подружки спотыкались, падали; их награждали за это тычками и пинками. Сейчас уже все трое горько раскаивались в том, что сбежали из аббатства.

Саробандо и Брагун лежали в тени дерева, укрываясь от жаркого дневного солнца, подкреплялись едой и наслаждались отдыхом. Саро вытащила тростниковую дудочку и затянула простенькую мелодию, под которую Браг забубнил себе под нос незамысловатую песенку:

Простую песенку пою,
Мне горе не беда.
Я просто путешествую
Отсюда и туда.

Там путь тернист, а там трава
В далекой стороне,
Сама себе я голова,
Никто не скажет мне:

«Сидеть! Стоять! Назад! Вперед!»
И уверяю вас —

Не подъяремный мы народ,
Никто нам не указ!

Вдруг Брагун насторожился и поднял лапу. Саро сразу же опустила дудочку. Оба прислушались. Потом Саро кивнула, кинулась на ствол ближайшего бука и мигом исчезла в листве. Брагун так и не пошевелился. Лишь глаза его внимательно обшаривали окружающую растительность да слегка подергивались уши.

Саро вернулась через несколько минут. Она спрыгнула наземь, отломала от куста веточку, сломала ее и отшвырнула прочь, что-то бормоча под нос.

— Что ты так всполошилась? — поинтересовался Брагун.

Белка принялась собираться.

— Всполошилась? Я, друг, лопну сейчас от злости. Ох эти молодые идиоты! Три дурака из Рэдволла. Заяц и его подружки. Их сцепали пятнистые крысы. Сотня крыс!

Брагун перекинул меч через плечо.

— Уверена, что это они?

Саро поправила прашу и мешок с камнями.

— Они, они. Связанные, на головах мешки, но они. Какие еще молодые заяц, белка и мышь могут оказаться здесь? Они смылись из аббатства и гнались за нами... за славой... за приключениями... тыфу!

— Сотня крыс... — задумчиво протянул Брагун. Он явно не одобрял крыс за их численное преимущество. — Что ж, развлечем крысок... если наши юные остолопы еще живы. Мы ведь с этими крысами-даррат уже разок разбирались...

Белка мрачно кивнула:

— Помню... и еще помню, какое у них любимое лакомство.

Бакат окрасил небо на западе, когда стая вернулась в свой лагерь. Все население сбежалось поглазеть на добычу. Громадная старая крыса, почти белая, с несколькими пегими пятнышками на шкурке, выбралась из гамака, подвешенного под защитой скального выступа, и направилась к лежащим на земле связанным пленикам. Попавшихся на пути и не успевших посторониться крыс и крысят поторапливали тычки, толчки и затрещины.

Осмотрев лежащих, толстяк завопил тонким, резким голосом, не вязавшимся с его мощной фигурой:

— Бираг! Покажи!

Хорти почувствовал, что с него стягивают мешок, нож разрезает кляп. Он выплюнул веревку изо рта и начал жаловаться:

— Извините, но так нельзя обращаться с мирными странниками, во!

Толстун наградил зайца затрециной и проскрипел:

— Заткнись, кролик! Великий Хемпер Фиглаг не любит болтливых кроликов. — Он перевел взгляд на Спринголд и Фенну, которых тоже освобождали от мешков и кляпов. — Великий Хемпер Фиглаг не любит также болтливых мышек и белок.

К толстому и великому протолкалась старая, сморщенная и невероятно безобразная самка. Не обращая на вождя никакого внимания, она принялась щупать, мять и щипать пленников. Великий Хемпер оживленно шептал ей что-то на ухо.

Она кивнула и провозгласила:

— Буррча Глаг!

Это заявление было восторженно принято соплеменниками. Они радостно засмеялись и завопили что-то неразборчивое.

Хорти попытался использовать ситуацию.

— Им нравится! — шепнул он подружкам. — Надо попробовать, во! — Он ухмыльнулся во весь рот и завопил: — Буррча Глаг!

Племя Даррат взорвалось восторженными взглядами и хохотом. Вперед вырвался маленький крысеныш, пища:

— Буррся Клак! Буррся Клак!

Хорти нежно улыбнулся малышу:

— Да, парень, да, Буррча Глаг, Буррча Глаг, во! Уй, гаденыш, прочь, прочь!

Крысенок впился в ногу Хорти зубами и повис на ней. Капитан Бираг пинком отбросил мелкую бестию в сторону.

Хемпер, налюбовавшись на пленников, заявил:

— Клеть Глаг!

Тотчас крысы схватили пленных и запихнули их в одну из пустых клеток, сделанных из толстых ветвей, скрепленных веревками. Толпа рассеялась. Видя, что их

оставили в покое, Спринголд начала распутывать веревки. Тем же занялись и Хорти с Фенной.

Фенна проследила, как Хемпер Фиглаг вернулся в свой гамак.

— А что дальше?

— Живы пока — значит, не все потеряно. Как говорят, пока живешь, надейся, — ответила Спринголд.

Хорти, освободив лапы, как и следовало ожидать, прежде всего потер живот:

— Я долго не проживу, если нас не покормят. Плен удивительно возбуждает аппетит, во.

Он окликнул проходящую мимо крысу:

— Эй, милейший, во! Как бы что-нибудь проглотить? Съесть! Еда, пища, как у вас там... — Он показал на рот.

Крыса ухмыльнулась и показала на свой рот:

— Глаг!

— Во-во, Глаг! — обрадовался Хорти

— Прекрасно! — вырвалось у Фенны. — Глаг у них — пища. О, Великие Сезоны!

Хорти отмахнулся:

— Конечно! Я пойму это прекрасное слово на любом языке.

Спринголд попыталась объяснить ему:

— Мы для них — пища.

— Да нет, ты неправильно поняла. Они говорят «Буррча Глаг», то есть «дайте этим ребятам что-нибудь пожевать» или что-то в этом роде.

В этот момент четыре крысы-самца поднесли к клетке и поставили вплотную к ней здоровенный котел. В котле дымилась аппетитного вида каша с ягодами и фруктами. Один из принесших котел показал на него и сказал:

— Буррча Глаг, вы должны все съесть.

Хорти обрадованно ухмыльнулся:

— Я же говорил, во!

— А что такое «Буррча Глаг»? — спросила Фенна.

— Это на древнем дарратском «очень вкусное ням-ням», — мечтательно улыбнулся отвечающий.

— Они откармливают нас, чтобы съесть, — осипшим голосом пробормотала Спринголд.

Хорти сунул лапу в котел и облизал ее:

— Вкусно, во! Не болтай глупости! Что тебе в голову взбрело! Никто не будет нас есть. Идите сюда!

— Нет!

Спринголд и Фенна забились в дальний угол клетки.

— Я к этому не прикоснусь!

— Хорти, как ты можешь думать о еде?

Одна из крыс взмахнула принесенной с собой плестью и громко щелкнула ею.

— Ешь — или получишь!

Пришлось подойти к котлу и окунуть в него лапы. Но пища во рту превращалась в золу при мысли о том, что их ожидает. Только Хорти уписывал кашу за обе щеки.

— М-м-м, вкуснотища, во!... Какой смысл в том, что тебя съедят голодного, а?

Безоблачная ночь украсила небо множеством звезд. Брагун и Саро наблюдали за движением в лагере пятнистых крыс. Пламя костров затихало, кое-где погасшие костры уже лишь мерцали угольками.

— Пусть затихнут, заснут. Все-таки перевес у них раз в сто, не меньше, — пробормотал Брагун.

— А что потом? — спросила Саро.

— Наши сосунки в клетке у выступа скалы. Нам нужен план, как выудить их из клетки и улизнуть незамеченными.

— Где твой план? — снова спросила Саро.

— Пусть они заснут. Мне тоже нужно час соснуть.

— А потом? — задала очередной вопрос Саро.

Брагун воткнул в землю меч Мартина Воителя.

— Еще не знаю, но тебе скажу первой, как только придумаю. Мне нужно час поспать, чтобы план пришел в голову. Разбуди меня через час.

— Нет, лучше ты разбуди меня через час.

— Как я могу тебя будить, если мне надо выдумать план? Ты меня разбудишь!

— Опять я, — проворчала Саро. — Ладно, дрыхни, а потом планируй. Через час подниму.

Ответом ей был притворный храп выдры.

Далеко за полночь в лагере крыс тишину нарушал лишь храп крыс да звуки ночного леса.

В клетке скорчился Хорти, держась за живот.

— Что, живот схватило? — спросила Фенна.

Заяц поднял на нее полные скорби глаза:

— Во-во-во. Кошмар. Агония. Не хотел вас беспокоить. Должно быть, что-то вредное съел, во.

Спринголд фыркнула:

— Дело не в том, что ты съел, а в том, сколько ты слопал! Ты выжрал почти весь котел!

— Во где она, женская жестокость! — заныл заяц. — Я ел через силу, повинуясь чувству долга и милосердия. Старался за вас обеих. Спасал вас от крысьюго кнута. Вы ведь, почитай, почти ничего не съели. И вот она, награда! Лишь черная неблагодарность, во!

Один из охранников хрюкнул и зашевелился, когда Хорти завыл погромче. Пленники замерли. Через минуту охранники снова захрапели в лад.

— Храпят себе беззаботно, — прошептала Спринголд. — И мы бы так могли спать в своей спальне, в уютных кроватях. Надо было прислушиваться к голосу старших, вот что.

— Что уж теперь рассуждать, — бормотала Фенна. — Давайте подумаем, как удратить, пока охрана дрыхнет.

Хорти мгновенно забыл про свои страдания:

— Во, во, ты права, старушка! Удирать, пока целы! Какие-нибудь соображения, план, ценные мысли имеются?

Они сосредоточенно помолчали, обдумывая свои шансы на побег. Обследовав клетку, Фенна нарушила молчание:

— Безнадега! Из клетки — никак, да и охрана проснеться...

Слеза сползла по щеке Спринголд. Губы Фенны задрожали. Хорти часто-часто заморгал:

— Конец нам, братцы, во-во-вошеньки!

Тут сверху свалился конец веревки и повис перед самой клеткой, слегка покачиваясь и подергиваясь. На веревке болтался острый нож и кусок коры с надписью угольком: «Тихо! Возьмите нож, вылезайте. Веревку привяжите к котлу».

Хорти постарался увидеть, что происходит наверху. Над выступом скалы виднелась сосредоточенная физиономия Брагуна. Браг прижал лапу ко рту, приказывая вести себя как можно тише. Быстро завладев ножом, узники привязали веревку к котлу, который по сигналу Фенны бесшумно оторвался от земли.

Приподняв котел, Брагун начал его раскачивать, как гигантский маятник. Маятник этот в своем движении направился к спящим крысам. Бу-бум-м-м-м! Одним ударом Брагун оглушил двоих стражей. Не просыпаясь, они обмякли и перестали храпеть. Третий усился и проторил глаза.

— Че тако... — начал он вопрос, и ему сразу же ответил мощный удар по затылку. Бонг! Третий охранник клюнул носом и затих.

Спринголд, сидя на плечах Фенны, быстро разрезала веревки, скреплявшие ветки и сучья, из которых крысы смастерили потолок клетки.

Колокольные удары пустого котла о пустые головы стражей разбудили Хемпера. Он выпутался из своего

гамака, дотопал до клетки и удивленно уставился на узников, покидающих свою тюрьму через дыру в крыше.

— Буррча Глаг убегает! Догоняй, держи, хватай!

Бум-м-м! Массивный котел врезался в его жирный затылок. Великий вождь плюхнулся наземь, подняв облако пыли. Но вопль его поднял все племя. Верноподанные Хемпера, вооружившись копьями и дубинами, устремились к клетке.

Брагун зарычал беглецам:

— Отрежьте котел и лезьте сюда по веревке!

— По одному, всех сразу мы не поднимем! — добавила Саро.

Хорти схватил копье одного из стражников. Изображая бывалого сержанта, он выкрикивал команды:

— Смелей, ребята! Спринг, полезай, Фенна, готовься! Остальные — задержать неприятеля!

Племя Даррат приближалось плотной массой. Самые сильные и прыткие уже подбегали к зайцу.

Направив на них острие копья, Хорти лихо заорал:

— Вот я вас, во! Подходить по десять раз, не толпиться! Шевелитесь, сонные тетери!

Крупная крыса, бежавшая к Хорти с занесенным для удара топором, вдруг странно дернулась и свалилась, получив в лоб камнем, выплетевшим из пращи Саро. Хорти бросился на оторвавшихся от стаи крыс.

— Всех к предкам, во! Навестите пррапрадушек в Темных Лесах! Привет вашим предкам от меня, боевого зайца Хорти Бребака! Еулалиа-а-а-а!

Фенна и Спринголд уже взобрались на уступ скалы. Брагун покачал головой:

— С ума сошел длинноухий!

Хорти лупил длинными ногами, размахивал и тыкал в крыс копьем. Нападавшие сыпались от него, как кегли.

— Хорош! — одобрительно кивнула Саро и вздохнула: — Но долго не протянет.

— Хорти, сюда! — завопила Спринголд.

Хорти и сам видел, что на него несется вся стая.

— Иду, мышка! Прикройте отход, ребята!

Саро взмахнула працой, остальные швыряли в крыс камни.

— Поехали! — крикнул Хорти, схватившись за веревку и захлестнув ее петлей на поясе.

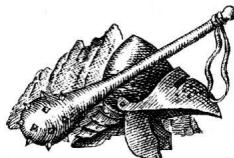
Бираг издалека запустил в него дубиной. Дубина коснулась обоих ушей и бухнула зайца по голове.

— Промазал! — успел крикнуть Хорти и потерял сознание.

Уклоняясь от камней и первых стрел, Брагун и Саро с помощью Спринг и Фенны втащили обмякшего Хорти на уступ.

— Уходим! — приказал Брагун, заметив внизу еще несколько крыс, вооруженных луками.

И они бросились в чащу, унося с собой оглушенного зайца.

20

Стояла непроглядная тьма. Сквозь густые кроны не проглядывали даже звезды. Но три фигуры сломя голову и не разбирая дороги неслись по лесу. Сиринголд в очередной раз врезалась в сосновый ствол.

— Ой! Я вся уже в шишках, как эта сосна. А почему не сделать факел?

— Никаких факелов. Одна искорка — и лес полыхнет, сгорим в мгновение ока. Да и вся эта нечисть нас в два счета выследит.

Спринголд почувствовала себя дурочкой:

— А-а... Извините, я не сообразила.

Брагун, уставший от увесистого Хорти и от незапланированного приключения с тремя молокососами, раздраженно бросил:

— Что проку от извинений? Сидели бы вы в аббатстве, не попали бы мы в эту переделку, мисс мышь.

Фенна заступилась за подругу:

— Но мы хотели помочь вам. А теперь мы снова свободны и поможем вам, вот увидите!

Брагун ничуть не повеселел от этого заявления:

— Свободны? Не смешите меня. Вы думаете, крысы нас не догонят? Я-то их знаю лучше. Единственный способ от них отделаться — это всех перебить. А их там для этого слишком много. И они не успокоятся, пока мы не окажемся в их кухонном котле. Не верите — Саро спросите.

— Да, их слишком много, — согласился чей-то дрожащий голосок. — Они почти всех нас съели, знаете ли...

Брагун замер, прислушиваясь и принююхиваясь.

— Кто это?

Голос доносился из кучки сухих сосновых иголок, кольцом окружавшей толстый древесный ствол.

— Если вы снимете свой тяжелый толстый хвост с моей шеи, я все вам расскажу.

Брагун отпрыгнул в сторону, и сквозь сосновые иглы просунулась голова старого кролика.

— Извините, если испугал... Если даррат гонятся за вами, я вас спрячу. Ненадолго. Они ведь едят тех, кто прячет беглецов. Впрочем, — кролик вздохнул, — они всех едят. Спрятать вас?

— Да, друг. — Саро показала на Хорти. — Пока этот вот не оклемается.

Кролик, которого звали Косбро, укрыл их в бревне, которое служило ему жилищем. Один конец выгнившего изнутри толстого ствола вяза упирался в вертикальную скалу, другой скрывали заросли чертополоха, крапивы и люпинов. Косбро осторожно раздвинул растения и по одному пропустил гостей внутрь. Кролик скользнул за ними, и заросли перед входом в его убежище сомкнулись.

Спринголд огляделась в уютном домике. Четыре фонаря из светлячков, толстый ковер сухого мха под ногами.

Фенна устроила Хорти поудобнее.

— Никогда не слышала о кролике, живущем в дереве.

Косбро приосанился и провел лапой по своим жи-
деньким усам:

— Вот и крысы не слышали, юная мисс. Тем лучше,
тем безопаснее. Я иной раз сижу здесь и слышу, как они
рыскают по лесу, бросаются на любой бугорок, напоми-
нающий выход из норы. С воображением у них слабова-
то, к счастью.

Брагун улыбнулся старику:

— А где живут остальные кролики?

Косбро печально вздохнул:

— Эх, нигде они не живут. Нет здесь больше кроли-
ков. Только я, старый дурак, пустая голова, сижу в этом
пустом бревне.

Саро ободряюще похлопала кролика по плечу:

— Нет, друг, не обижай себя. Только с твоим умом
можно было выжить в этих краях. А откуда кролики
пришли сюда, не помнишь?

— Много нас было, много, — покачал головой старик
Косбро. — Записей никто не вел, но древние оды и балла-
ды переходили из уст в уста, из поколения в поколение. А
теперь вот я, похоже, последний...

Саро протянула старику фляжку одуванчиковой ло-
пуховки:

— Промочи горло, друг. Может быть, вспомнишь ка-
кое-нибудь древнее сказание?

Косбро приложился к фляжке. Глаза его заблестели.

— О-о-о, нектар! Лопух и одуванчик... Много сезонов
уже в рот не брал... Есть такая баллада про убийц.

Он еще раз глотнул из фляжки.

— Когда я был моложе, много помнил песен да сти-
хов. Увы, сезоны берут свое, память уж не та. Вот послу-
шайте, что в голове засело...

Давно утих счастливый смех,

Повымерли места.
Обитель Глинобитная
Теперь совсем пуста.
Уйти мы были все должны
На все четыре стороны.

Со злыми хищниками в дом
Убийцы к нам пришли.
Чумы такой ужасной
Мы не перенесли.
Она вошла во все дома,
Жестокая чума.

«Бросайте все пожитки,
Скорей бегите прочь.
В несчастье этом страшном
Нам некому помочь», —
Жермина отдала приказ,
Спасая от могилы нас.

И мыши первыми ушли,
На север шли одни,
Другие к западу пошли,
Влача в дороге дни.
Могилы рыть остались мы
Для жертв убийственной чумы.

Так толковали старики
О том из рода в род,
Пока без крова и жилья
Скитался наш народ.
О том, что было в те года,
Жива в нас память навсегда.

Косбро снова промочил горло и вздохнул:

— Конец я сочинил сам. Вместо остального, которое начисто забыл. Там имена были, истории семей... Все забыл! — горестно вздохнул старик.

Фенна тоже пригорюнилась. Печальная песнь, печальное зрелище...

Спринголд попыталась утешить старика:

— Если мне суждено дожить до ваших сезонов, я и половины этого не упомню.

— Упомнишь что? — раздался голос Хорти, выбравшего именно этот момент, чтобы очнуться. — Во, ребята, мы удрали? Во-у-у, голова моя лихая! Адски трещит, раскалывается...

Он попытался выпрямиться и стукнулся макушкой о низкий потолок.

— Й-ой-ой-ой! Кто это мне подставил, во?

Саро легла на его голову, заглушив заячий вопль.

— Заткнись, дурак ушаственный! — зашептала она. — Все замерли! Кто-то сюда движется.

К бревну приблизились Бираг и толпа крыс даррат. Было слышно, как они шуршат в кустах, тыча в заросли копьями. Бираг уселся на бревно прямо над головами беглецов, в лучах занимающегося рассвета он зорко следил за действиями своей банды. Некоторые из крыс последовали примеру вождя и тоже уселись отдохнуть на травке.

— Вы что, тоже все капитаны Бираги?

Крысы тупо переглянулись и согласно затрясли головами.

— Чего расселись здесь, как жабы? — взбеленился руководитель. — Ищите, ищите! Пошевеливайтесь, лежебоки!

Крысы вскочили и бросились кто куда, деловито вороча кусты и траву и всячески выказывая свое усердие. Бираг положил свое копье рядом и заворчал себе под нос:

— Хе-хе, Хемпер-то, хе, хе... здорово получил по кумполу. Большой башке большая шишка... Эти медленной

смертью умрут, когда их поймают... Мало от них для Бурчча Глаг останется, жаль, жаль.

Он вскочил и прыгнул к крысе, которая вернулась, чтобы обследовать бревно, на котором отдыхал капитан. Стукнув подчиненного по заду древком копья, он завопил:

— Ты зачем в лес пошел, бабочек ловить? Ты жуков-светляков ищешь или зайцев-белок? Они не червяки, чтобы в бревнах прятаться! Нет, никогда ты не будешь капитаном.

Бираг погнал крысу вперед, а Косбрю подполз к выходу и, мастерски подражая голосу крысы, завопил:

— Вон там вижу их! Туда, туда!

— Да! Да! — отозвалось эхо, добавляя неразберихи в и без того путаные и бесполковые действия крысиного стада.

Снаружи послышался топот множества лап и возглас Бирага:

— Не убивать, живьем брать! Таков приказ!

Когда в лесу все стихло, Спринголд почувствовала, что дрожит от страха и нервного возбуждения. Саро слезла с головы Хорти. Заяц пытал негодованием:

— Пфу, тьфу... Ваш хвост, похоже, так и остался у меня во рту, мэм. И как я не задохнулся? Не могу выразить свою благодарность... Никакой благодарности выразить не могу, во. Ох, и голова раскалывается... живот болит... спасал неблагодарных друзей... И сверх всего, во, здоровенная белка во рту... Никогда не кормите детей беличьей шерстью. Невкусно, непитательно, нездороово, во, во.

Брагун защемил нос зайца своей здоровенной лапой, как клещами:

— Вы закончили изъявления благодарности, юный сэр? Мы все чуть не влипли из-за вашего многословия.

Хорти попытался согласно кивнуть:

— Да, да, отпуффтите нофф, повалуффта!

Брагун убрал лапу и пообещал:

— Еще пикнешь, и я его совсем откручу.

Он повернулся к Косбро:

— Ты упомянул Глинобитную Обитель и настоятельницу Жермину, Косбро. А можно узнать, где находится Обитель, поточнее?

Старый кролик указал куда-то на юго-восток:

— Почему-то я всегда был уверен, что Обитель где-то там. И края эти вроде неприветливые: пустыни, пропасти, широкие реки, вредное зверье разное, нечисть...

Саро кивнула:

— Все так, были мы там, хотя и давно.

Косбро осторожно зашевелил маскировочный куст у входа.

— Когда увидите гряду высоких утесов, знайте, что вы на верном пути. Э-э... Кстати, нет ли у вас еще этой одуванчиковой?

Брагун вручил ему полную фляжку:

— Возьми, друг, и спасибо огромное.

Они вылезли из бревна на солнышко, на свежий воздух.

Саро обняла Косбро:

— Удачи тебе, приятель. Нам пора. Не скучай!

Косбро нырнул в свое жилище и вынес большой моток веревки — тонкого, но прочного шнуря с завязанными на нем узлами.

— О-го-го, первая вещь для скалолаза! — сразу понял Брагун. — Отличный шнур. Откуда он у тебя?

— Сам сделал когда-то, — пояснил Косбро. — В молодости мечтал о горах. Так мне и не пригодился. А вам, может, понадобится.

Брагун отсалютовал старому кролику мечом Мартини:

— Ценный подарок настоящего друга, сэр. Да хранят вас многие сезоны!

И они пустились в путь. Шли по дуге, чтобы обогнуть крыс даррат. Косбро постоял, глядя им вслед. Смахнув старческую слезу с воспаленных глаз, пробормотал:

— Да будут сезоны к вам милосердны, друзья. Был бы молод, пошел бы с вами...

Одинокий кролик прошаркал к своему бревну, думая о высоких скалистых утесах и упущеных возможностях молодых сезонов.

— Хоть им шнур мой сослужит добрую службу, — вздохнул он. — Если доберутся до скал...

В эту ночь Марта не сомкнула глаз. Ею овладело какое-то беспокойство, почти паника. Враг у ворот любимого аббатства! Марта беспокойно колесила по каменным плитам Большого зала, отталкиваясь от пола костылем.

Лунный свет выхватывал из темноты колонны и отдельные участки стен. Марта в очередной раз подкатила к гобелену с портретом Мартина и задержалась перед ним. Верх гобелена терялся во тьме, колеблющийся свет двух фонарей выхватывал из темноты изображение Мартина Воителя.

— О, Мартин, что нам делать? — вырвалось у Марты. — Саробандо и Брагун покинули аббатство, и все из-за меня. И твой меч Брагун унес с собой. Я согласна на всю жизнь остаться прикованной к креслу, только бы вернуть в аббатство Саро и Брагуна. Безопасность аббатства и его обитателей куда важнее моих глупых снов и желания научиться ходить. И брат сбежал... Кто защитит аб-

батство? Ужасно даже подумать о том, что будет, если эти негодяи ворвутся в аббатство.

— Марта, что ты тут делаешь?

Марта вздрогнула. Из тьмы показался аббат Кэррол.

— Отец настоятель! Я полагала, что вы давно в постели.

Кэррол подошел ближе:

— А я то же самое думал о вас, мисс.

Их внимание привлек звук открывшейся двери.

— Кто там? — громким шепотом спросил аббат.

— Это мы с Кротоначальником, — ответил Торан. —

Джунти и Велд сменили нас на стене.

— Хурр, что вас здесь держит? — поинтересовался Кротоначальник Двурл. — Храпеть давно пора, да.

Аббат сделал умное лицо:

— А мы как раз обсуждали... кое-какие мелкие хозяйствственные дела. Так ведь, Марта?

— Кхм, — слегка кашлянула Марта. — Да, всякие дела... делишки. Что там, снаружи, Торан? Нечисть что-нибудь предпринимает?

Главный повар оперся на свой мощный хвост.

— Нет, мисс, ничего. Костер их едва горит. Спят, наверное. Мы следим за ними.

Марта задала вопрос, мучивший ее уже долгое время:

— А вы не боитесь?

Торан потер свое обширное брюхо:

— Боимся, конечно. Только дураки ничего не боятся.

Мы боимся, но не паникуем. Боимся, как бы с малышами чего не случилось. С молодежью неопытной. Нечисти мы не боимся.

— Я очень боюсь, — вставил Кротоначальник.

— Чего ты боишься? — удивленно повернулся к нему Торан.

— Хурр, панически боюсь завтрак проспать, — ухмыльнулся Двурл. — Думаю, не двинуть ли сразу на кухню...

— Отличная идея, — рассмеялась Марта. — Мы с вами.

На кухне жизнь била ключом. Всеобщее возбуждение не давало рэдволльцам спать. Повариха Гурвел и три крота-помощника наполняли печенные яблоки медом и дробили лесные орехи.

— Добро пожаловать, присаживайтесь, — приветствовала их повариха. — Хурр, не спится мне, так хоть делом займусь, коль и всем остальным не спится.

Они пристроились к обширному кухонному столу и тоже потянулись кеченым яблокам. Присутствующие выжидающе глядели на аббата, и Кэр рол, прежде чем заняться яблоками, высказался:

— В этой чрезвычайной ситуации нам нужны свежие идеи. Поскольку здесь присутствует почти все население аббатства, я приглашаю вас выступить с предложениями и пожеланиями.

Первое предложение поступило с кухонной полки со специями, где восседали малыши. Магам взмахнул ложкой и воскликнул:

— Отрубить нечисти хвосты ржавым ножиком и искупать в корыте с мылом. Тогда они быстро-быстро убегут, чтобы мыло в глаза не попало.

— Спасибо, хорошее предложение, — с серьезным видом одобрил аббат. — Сестра Портела, запишите, пожалуйста. И о мыле не забудьте.

Сестра Сетива утерла несколько носов, перепачканных в перце, утихомирила особенно расшалившихся и подняла лапу:

— Я предлагаю обшарить чердаки и кладовые в поисках оружия и всего, похожего на оружие.

Марте предложение понравилось, но Торан сразу возразил:

— Вам ни к чему лазить по чердакам, мисс Марта. Лучше займитесь малышами. Их безопасность для всех нас важнее любого оружия.

Зайчиха сразу согласилась:

— Кстати, им уже давно пора спать. А ну марш с полки — и немедленно на кроваткам! — обратилась она к малышам, — Последний моет все кастрюли. Так, Гурвел?

Малышей с полки как ветром сдуло, они с визгом понеслись наверх, в спальню.

Аббат подождал, пока затихнет шум.

— Следующее предложение, прошу!

Неистовый Рыж сидел в канаве, стараясь не обращать внимания на громкий храп спящего зверя. Он хотел бы ускорить наступление утра, чтобы поскорее завладеть магическим мечом. Что это за штука? Он представил себе тяжелый золотой меч с перекрестьем и рукоятью, усыпанными разноцветными драгоценными камнями. Ладно, пусть будет серебряный...

Потом лис мысленно прорепетировал речь к осажденным деревенским увальням. Он чеканил каждую фразу и для пущей убедительности размахивал лапами: «Открывайте ворота! Трепещите при звуке моего имени, ибо я Неистовый Рыж, глава несметных орд неукротимых воинов».

Он поджал губы, засомневавшись, сможет ли его жалкая шайка изобразить несметные орды. Не важно, эти олухи все равно никогда никаких орд не видели, сколько в них голов, не знают, да и считать-то толком вряд ли умеют. Он продолжил речь: «Вы смотрите в зубы смерти! Но я пощажу вас, если вы вернете магический меч, который должен принадлежать мне по праву».

Тут ему пришло в голову, что нужно бы обосновать это право... соврать что-нибудь... Так, например: «...ибо

отец мой, Кровавый Меч Северных Гор, завещал мне этот меч, лежащий за стенами Веллрода... Воллреда... тьфу, Рэдволла. Могучему воину — магический меч». В восторге от своего красноречия, он рубанул воздух лапой и врезал кулаком по чьему-то носу.

— М-м-м-м! — замычал Полкотлеты, протирая глаза. — Рыж, чего дерешься?

Воспламененный собственной речью, Неистовый Рыж горячо зашептал, не желая тратить время на бесполезные препирательства:

— Дуй быстро по канаве и проверь, можно ли по ней добраться до ворот.

— Зачем? — непонимающе промычал Полкотлеты.

— Потом поймешь, — подтолкнул его Рыж. — И дай сигнал, когда доберешься. Мы тоже туда переберемся, а утром напугаем их до смерти.

Полусонный Полкотлеты шагнул в указанном направлении, тут же наступил на какой-то острый сучок и завыл, привалившись к откосу канавы:

— У-у-у, лапу уколол! Темнотища-то какая! Чего рассвета не дождаться?

Неистовый Рыж вытащил саблю:

— Много болтаешь! Выполняй, коли жизнь дорога!

Полкотлеты выхватил из костра тлеющую ветку. Дуя на уголь, он зашагал, бормоча:

— Ладно, но без огня я не пойду.

На северо-западном углу стены брат Велд подтолкнул ежа Джунти:

— Кто-то движется по канаве со светом.

Они проследили за приближающимся огоньком.

— Кто ж, кроме нечисти?.. И уж наверное, не с добром. Надо бы его остановить, пока он нам ворота не поджег.

Во вместительном кармане хранителя погребов всегда лежало много всякой всячины. Джунти сунул туда

лапу, пошарил и вытащил вещь, показавшуюся ему подходящей. Это оказалась толстая затычка для бочки, сделанная из дубового сучка.

— Как раз.

Еж не отличался прыткостью и ловкостью движений, но славился силой и точностью.

Полкотлеты так и не пришел к заключению, что же превратило в кашу его нос. Зато никогда больше не смог забыть звук, сопровождавший это событие.

Хрумк!

Лис увидел, что огонек, сопровождавший Полкотлеты, описал дугу, опускаясь, и услышал шипение. Очевидно, ветка упала в лужу. Он подскочил к братьям Флогто и Рогту и тряхнул их обоих:

— Поднимайтесь кости! Там что-то с Полкотлетою стряслось. Он пошел по канаве и вдруг свалился. Давайте побыстрее! Скоро рассветет.

Когда братья-ласки приволокли с собой подбитую крысу, Неистовый Рыж уже раздул и расшуровал костерок. Он присвистнул, увидев, во что превратилась морда его храброго воина. Проснувшись от шума Флинки вытащил из своей сумки какие-то сушеные травки, подпалил их и поднес к носу Полкотлеты. Пряный дымок быстро привел крысу в чувство.

Лис присел рядом:

— Что случилось?

Полкотлеты загадочно уставился на Рыжа. Тот повторил вопрос:

— Что случилось, кто тебя так?

Полкотлеты произнес только одно слово:

— Хрумк!

Флинки отложил свои травки:

— Что, друг? Что ты сказал?

Полкотлеты посмотрел на Флинки так, как будто увидел его впервые, и повторил:

— Хрумк!

Рыжий лис потерял терпение. Подняв саблю над головой, он угрожающе проворчал:

— Я тебя спросил, что случилось. Отвечай, не то я тебе сейчас так хрумкну...

Полкотлеты наклонился к уху Рыжка и прошептал:

— Хрумк!

Флинки задержал лапу лихого атамана:

— Брось, вождь, он ведь не в себе, сразу видно. Ничего не соображает. Друг, тебе получше? — снова обратился он к крысе.

Полкотлеты огляделся с жуткой кривой полуухмылкой и пробормотал, роняя из пасти капли крови:

— Х-хрумк!

Рассвет медленно плыл с востока, бледно-розовый в молочной дымке. На полях искрилась утренняя роса. Колокола Рэдволла торжественно возвестили новый день. Марта обратилась к аббату и Торану, направляющимся к сторожке:

— Позвольте мне подняться на стену. Я хочу посмотреть, что там происходит.

Торан покачал головой:

— Нет-нет, там слишком опасно. Лучше оставайтесь внизу, следите за малышами, мисс Марта.

Маленькая бельчиха Шилли бросилась к ступенькам стены:

— Пошли все на стену, ребята! Тогда мисс Марта будет там за нами смотреть.

Сестра Сетива подхватила Шилли и преградила путь малышам:

— Нет-нет. Мы сейчас пойдем в сад, надо проверить, не созрела ли смородина. И мисс Марта с нами.

Восторженно вопя, детвора подхватила кресло Марты и поволокла его с такой скоростью, что Марте пришлось крепко схватиться за подлокотники.

— Спокойно, спокойно, разбойники! — прикрикнула сестра Сетива. — Не уроните мисс Марту!

Джунти и брат Велд, следя за канавой, продвигались по стене к главным воротам. Поприветствовав поднявшихся, Джунти доложил аббату:

— Никаких происшествий, отец настоятель.

Стенной дозор вооружался на скорую руку шестами, кухонными ножами и топориками. Настоящего оружия, кроме двух-трех пращей да камней, в мирном аббатстве не нашлось. Торан вручил Джунти прашу, а Велду сунул кочергу.

— Лучше, чем ничего, — утешил он.

Шайка Рыжа тем временем добралась по канаве до главных ворот. Головы их торчали над краем канавы. Стоя в грязи, скопившейся на дне, они чего-то выжидали.

Торан прошептал аббату:

— Пусть они высказутся; узнаем, чего им надо.

Молчание вдруг нарушил странный возглас:

— Хрумк!

— Заткните пасть этому дураку! — послышалось оттуда же злое шипение.

Старика Фреда распирало любопытство.

— Что вам надо? — не выдержал он.

Лис представил себе, как поразит всех вид храброго вождя, лихо выскочившего из канавы, и... понял, что ростом для этого маловат. Пришлось его подсаживать, подпихивать... Наконец он вывалился из канавы и неуклюже шлепнулся в пыль. Вскочив, Рыж споткнулся о саблю и снова растянулся на тропе. Сверху послышался сдавленный хохот, последовал обмен какими-то мало-почтительными замечаниями.

Неистовый Рыж ледяным взглядом обвел зубцы стен и свирепо заверещал:

— Ваши улыбки вывернутся наизнанку, прежде чем закончится этот день. — Выпятив грудь, лихой вояка продолжил: — Я Неистовый Рыж, вождь несметных орд нечисти. Никто не устоит против меня. Я пришел из Северных Земель, где мы пьем кровь своих врагов и грызем их кости.

Аббат вежливо поклонился:

— Приветствую вас, сэр Неистовый Рыж. Я Кэррол, настоятель аббатства Рэдволл. Чем могу быть вам полезен? Может быть, требуется продовольствие для вашего путешествия?

При упоминании съестного команда Неистового Рыжа мгновенно полезла из канавы, но атаман презрительно фыркнул:

— Не нужно нам ваше продовольствие, мышь. А путешествие наше окончено, цель его — аббатство Волред. У вас здесь хранится магический меч. Давайте его сюда!

Аббат не раздумывал над ответом:

— В аббатстве Рэдволл нет такой вещи, как магический меч.

Неистовый Рыж взмахнул саблей и направил ее на аббата:

— Врешь! Отдай меч, старый дурак, или худо будет!

— Не смей обзывать аббата и обвинять его во лжи! — раздался гулкий голос Торана. — Если он сказал, что здесь нет магического меча, значит, его здесь нет. Так что проваливай отсюда, нечисть, пока цел.

Взбешенный Рыж повернулся к своей команде и крикнул:

— Стреляй!

Две стрелы разом взвились в воздух. Торан отпихнулся от аббата за стенной зубец. Одна стрела не задела никого, но другая царапнула плечо Торана.

— Все ложись! — крикнул Торан.

Джуунти взмахнул пращой и запустил камень в атамана нечисти. Прицелившись как следует он не успел, но

камень все же попал в ногу лиса. Тот заверещал от боли и свалился в канаву вслед за своими воинами.

В воздухе повисла угрожающая тишина. Потом раздался голос Флинки:

— Ребята, зачем вам этот меч? Отдайте его нам, и мы уйдем, честное слово!

— Меч или не меч, а я клянусь, что перебью вас всех и заберу ваше аббатство! — свирепо зарычал Рыж. — Война до последней живой души, слышали меня?

Две половинки сломанной стрелы полетели обратно в канаву. Сестра Сетива перевязала рану Торана. Он презрительно рассмеялся в ответ на угрозу рыжего лиса:

— Война, говоришь? Нос не дорос у тебя до нашего аббатства.

В канаве Флинки пожал плечами:

— Куда денешься, прав речной пес. Не взять нам такую крепость.

Рыж, нянча свою ногу, свирепо уставился на Флинки:

— Ты за кого, за нас или за них?

Флинки взмахнул лапами.

— Вождь, какой разговор, я в доску свой! — с жаром заверил он. — Но ведь дело-то приняло такой оборот...

— Ну и что ты можешь предложить? — уставился Рыж на горностая, снова доверяясь его хитрости.

Флинки вздохнул.

— Пусть они думают, что нас тут больше нет. И через денек-другой мы их сможем застать врасплох.

В аббатстве тем временем повариха Гурвел, пыхтя, взбиралась на стену, волоча ведро с кухонными отбросами. Из ведра торчала оперенная боевая стрела, та самая, которая не попала в аббата.

— Ху-урр, гляньте-ка, какое безобразие! — возмущенно пожаловалась повариха. — Я несу помой в кучу компоста, а тут эта штука плюхается прямо в мое ведро!

Джунти вынул стрелу из ведра.

— Не волнуйтесь, мэм, ведро цело. И вас, к счастью, не задело.

В канаве Неистовый Рыж обдумывал предложение Флинки.

— И сколько дней ты предлагаешь выжидать?

Беседу прервал жалобный голос ежа Джунти:

— Добрый сэр, извините, здесь у нас кое-что для вас...

Лис вскочил, забыв про раненую ногу.

— Ну-ка, подсадите меня... Кажется, до них дошло, что дело пахнет жареным. И ждать не пришлось! Вот он, мой магический меч!

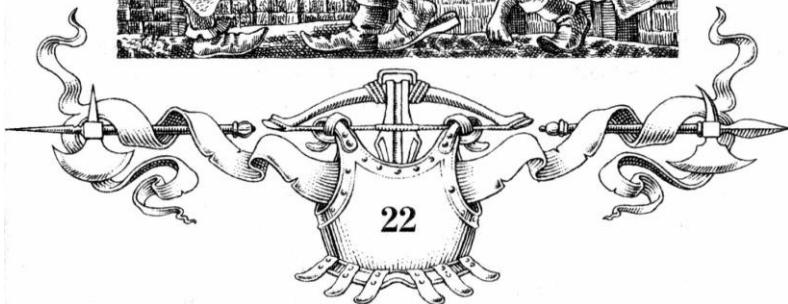
Его вытолкнули из канавы. Но он тут же свалился обратно — вонючий, обляпанный кухонными ошметками и остатками двухдневной давности. На стене раздался громовой хохот. Команда Рыжа, воротя носы, отскочила от атамана подальше. Сам Рыж соскребал с себя помои и скрежетал зубами:

— Сколько бы ни пришлось ждать — они покойники, все до единого. Я им покажу, как надо обращаться с Неистовым Рыжем.

Полкотлеты нежно улыбнулся лису:

— Хрумк!

Систовой Рыж и его шайка отошли в лес. Пищей их в изобилии снабжала щедрая природа — фрукты, ягоды и дикие овощи росли повсюду, только лапу протяни. Кривохвостиха и Юппа готовили еду на всю шайку и сплетничали у костра.

Юппа оципывала куропатку, подбитую стрелой Рогга, и ворчала:

— Да, надолго мы здесь застрянем. Рыж настроен серьезно, ничем его не собьешь.

Кривохвостиха яростно рубила кинжалом корни одуванчика идишую петрушку.

— Точно так. А где наш бесстрашный вождь? Что-то я его давно не видела.

— Принимает ванну в ручье, — сообщил Голозад, подошедший с изрядным пучком водяного кressса. — Уж очень его Рэдволл запугал. Две ванны за сезон — это уж слишком. А он только весной купался.

Флинки вышел из кустов, волоча мешок груш.

— Да, купание ослабляет и изнеживает. Как там насчет еды?

Кривохвостиха отмахнулась от приятеля:

— Да будет, уже скоро. Сядь вот здесь да помешивай поленоньку. И спой нам что-нибудь.

Флинки знал больше песен, чем все члены шайки, вместе взятые. Он не заставил себя упрашивать и запел во весь голос залихватскую бандитскую песню.

Не успел он дойти до припева, подошел мокрый атаман. С него текла ручейками вода.

— Замолкни. Едим и выступаем. Шевелитесь.

Флинки широко улыбнулся вождю:

— Куда идем, позволительно узнать?

— Пора осмотреть стены аббатства. Может, найдем какую лазейку.

Флинки переглянулся с Кривохвостихой. Та тоже обратилась к шефу:

— Дак... Стемнеет уж скоро.

Неистовый Рыж протянул ей пустой котелок, чтобы получить свою атаманскую долю.

— Вот и хорошо. Самое время для работы.

Стоя на стене, аббат Кэрролл озабоченно взглядывался в тропу и канаву.

— Неужели мы их больше не увидим? Как думаешь, Торан?

Торан стоял рядом с аббатом, держа в лапе шест с прикрепленным к верхушке острым кухонным ножом. Такое же оружие держал и еж Джунти.

— Хотелось бы верить, — ответил Торан после недолгого молчания. — Да только лучше не рисковать. Вот подежурим ночь, стену обойдем... А там видно будет.

Аббат похлопал обоих по плечам:

— Я на вас надеюсь. Закусить вам пришлем.

В этот теплый вечер Пещерный зал был заполнен развеселыми обитателями Рэдволла. Детвора и взрослые радовались счастливому избавлению от врагов. И уж ради такого случая мамаша Гурвел постаралась с ужином. Подали грибной суп, свежий хлеб, яблочно-смородиновый торт нового урожая, для которого малыши в первый раз собирали ягоды в саду.

Кротоначальник Двурл улыбнулся сестре Портуле:

— Приятного аппетита, сестра.

Сестра Портула подняла кружку Октябрьского эля:
Ваше здоровье, Двурл. А вот Марта выглядит озабоченной. Что с ней?

— Полагаю, она беспокоится о своем безрассудном брате.

Сестра Портула обратилась к Марте:

— Не беспокойтесь, Марта. Хорти скоро вернется и объест аббатство с крыши до подвалов.

— Я тоже так думаю, — улыбнулась Марта. — Но все равно беспокоюсь.

Аббат Кэррол поднялся:

— А вот я вас постараюсь развеселить. Однажды подцепил я песенку у старой морской выдры.

— Вы... будете петь, отец настоятель? — удивилась Марта.

— А что тут удивительного? Гурвел сказала как-то, что я пою, как птица.

— Как издыхающая утка, должно быть, — ухмыльнулся брат Гелф. — Просим, просим, Кэррол!

Аббат набрал в грудь воздуха:

— Ну, начнем. А вы подхватывайте последнюю строку каждого куплета: «Эй, молодцы! Отдать концы! Иахо!»

Все восторженно захлопали. Поющий настоятель! Это что-то новенькое в стенах Рэдволла. Кэррол, немного смущаясь, запел. И удивил присутствующих сильным, звучным баритоном, неожиданным для старой мыши.

Ходил корвет «Корыто»,
Гроза заморских стран.
Все было шито-крыто,
Лягушка — капитан.
Эй, молодцы! Отдать концы! Йа-хо!

Команда вся отпета,
Ее не проведешь!
А коком у корвета
Был старый толстый еж.
Эй, молодцы! Отдать концы! Йа-хо!

Пошел я на «Корыте»
Подальше от греха,
Но, что ни говорите,
Со мной была блоха.
Эй, молодцы! Отдать концы! Йа-хо!

Я побывал повсюду
И знаю каждый порт,
А грязную посуду
Бросали мы за борт.
Эй, молодцы! Отдать концы! Йа-хо!

Дырявое «Корыто»
Лежит на дне морском,
По мачту в ил зарыто,
Занесено песком.
Эй, молодцы! Отдать концы! Йа-хо!

Я выбрался на сушу
Поведать вам рассказ
О том, как тешил душу
И как блоху я спас.
Эй, молодцы! Отдать концы! Йа-хо!

Марта захлопала лапами и засмеялась вместе со всеми слушателями.

Аббат скромно поклонился и подмигнул брату Гелфу:

— Неплохо для издыхающей утки?

— Беру свои слова обратно! — воскликнул брат Гелф, — Умирающий лебедь!

Помня свою ответственность за малышей, Марта обратилась к ним:

— Время в постельки!

К ее удивлению, те, кто обычно протестовал громче всех — Магам, Шилли и Юч, — сегодня сразу же встали из-за стола. Другие, как обычно, шумели и капризничали.

Сестра Сетива угрожающе подняла лапу:

— Сейчас микстуру пить!

Последний из выбегающих малышей, Бафл, обернулся на пороге и оглядел взрослых:

— Каггадрападбаддардиллад...

Сетива схватила ложку и устремилась к нему:

— Вот ты у меня получишь! Я уже все понимаю, только повторить такое язык не поворачивается.

Бафл задержался ровно настолько, чтобы поднять лапу и показать сестре Сетиве нос. И тут же исчез.

Марта, стараясь не рассмеяться, обратилась к сестре Сетиве:

— Пойдем укроем их и проверим.

— Позже. Сначала надо ужин на стену отнести Торану и Джунти.

Зайчиха оттолкнулась и отъехала от стола в своем кресле.

— Бедный Торан, я совсем о нем забыла. Я помогу, сестра. Голодными мы их не оставим.

Бродяги остановились у малой восточной дверцы, встроенной в заднюю стену аббатства. Неистовый Рыж поднял лапу, призывая всех к молчанию. Навалившись на брусья двери, он потянул вделанное в нее кольцо. Дверь накрепко заперта.

Сливонос поднес к дверце маленький фонарь:

— Заперто, шеф!

Шеф едва сдерживал раздражение:

— Ну, спасибо за сообщение, благодетель. Всех обрадуй.

Сливонос ухмыльнулся и повернулся к Полкотлете.

— Заперта малая дверь, вишь ты.

Роняя слону, Полкотлеты радостно ответил:

— Хрумк!

— Заткнитесь, идиоты! — зашипел на них атаман. — Отойдите подальше, к деревьям. Флинки, как у тебя с замками? Откроешь?

— Замок замку рознь, шеф, — рассудительно ответил горностай, почесав когтем грязную щеку.

— Не нужно мне о замках лекцию читать, я тебя об этом замке спрашиваю. Откроешь или нет? — кипятился рыжий лис. Он протянул Флинки свою саблю.

Флинки вздохнул и взял саблю:

— Пока не попробую, не узнаю. Что, попробовать?

— Давай, давай, не тяни время, — торопил атаман.

Флинки засунул саблю между стеной и косяком. Сабля еле слышно звякнула.

— Вот она, проблема, шеф. Задвижка. Попробовать разрубить?

— Что угодно, лишь бы внутрь попасть.

Флинки подозвал Рогга и Флогго:

— Навались, ребята. Нажали здесь и держим, жмем. Да отложите вы свои луки, мешают же!

Дверь подалась, щель стала чуть шире. Теперь Флинки мог размахнуться, не вынимая сабли из щели. Он

крепко обхватил рукоять обеими лапами, поднял саблю и изо всех сил рубанул по задвижке.

Дзынь! Полсабли осталось в руках у Флинки.

Неистовый Рыж с ужасом уставился на горностая, который прыгал с онемевшими от сильного удара лапами, все еще держась за рукоять сломанной сабли.

— Моя сабля! Дубина, сломал мою саблю!

Флинки уронил обломок наземь.

— Сама сломалась. Надо было самому рубить.

— Идиот! «Самому рубить»! — кипел лис. — Уши тебе отрублю! А вы все! Хорошенькая команда! Развалились под деревьями, отдыхают!

Сливонос прервал излияния разгневанного вождя:

— Шеф, а мы с Полкотлетою дверку-то отворили.

Лис вмиг оказался у двери. Увидев ее закрытой, он забушевал с новой силой:

— Шутник! Я тебя сейчас обломком сабли обработаю, дошутишься!

Сливонос слегка толкнул дверь — и она приоткрылась.

— Дак открыто, шеф, добро пожаловать, га-ха-ха!

Полкотлеты прошел в дверь и улыбнулся:

— Хрумк!

Флинки обследовал стену.

— А ведь я молодец! От моего хитрого удара задвижка проломила песчаник. Кусок вывалился. А вот и сабля вся, целиком. — Флинки подобрал вторую половину клинка и протянул ее Рыжу. Тот досадливо отмахнулся от подарка и, обращаясь к команде, просипел: — Теперь тихо! Следуем дальше; не шуметь, не топать, внимательно осматриваться. Цель — большое здание...

Накормив часовых на западной стене, Марта и сестра Сетива вернулись в аббатство. Марта осталась внизу, а сестра поднялась в детскую спальню, но сразу же выбе-

жала обратно, держа в руках кроху Бафла, засунутого в подушку так, что наружу торчала только его голова.

— Ну, попадутся они мне в лапы, — гневалась сестра Сетива. — Запомнят на всю оставшуюся жизнь, негодяи!

Бафл трепыхался в наволочке, пытаясь освободиться.

— Гогл... дяи! Гугл... дяи! — гневно булькал он.

— Что случилось, сестра? — испуганно спросила Марта.

— Эта троица: Магам, Шилли и Юч... Их нет в спальне. Остальные спят. А Бафла они засунули в подушку, чтоб не увязался за ними. И куда они только делись?

Бафл высвободил лапу из подушки и вытянул ее в направлении входной двери.

Еж Джунти начисто вылизал котелок и восторженно провозгласил:

— Ах, этот ленивый торт с яблоками и смородиной! Ничто с ним не сравнится!

Торан искоса посмотрел в сторону аббатства:

— Если аббат пришлет нам смену, глядишь, еще что-нибудь там, на кухне, разыщем.

Тут его острые глаза заметили три маленькие фигурки в белом, две из них размахивали палками, третья — ложкой.

— Глянь-ка, приятель! Только это совсем не смена.

С этого момента события понеслись с быстротою лесного пожара.

В освещенном дверном проеме аббатства показались сестра Сетива и Марта, взывающие к убегающим малышам.

Беглецы разделились. Магам побежал на юг, двое других понеслись на север.

Торан усмехнулся:

— Мелкота разбежалась. Ну, далеко не уйдут...

— Нечисть! — перебил его Джунти.

Бандиты вынырнули из кустов и кинулись наперерез Магаму, стараясь захватить малыша, который бежал к пруду, где надеялся спрятаться в камышовых зарослях. Врага Магам не видел. Сестра Сетива заметила опасность и понеслась за маленьkim кротом.

Джунти тоже устремился к Магаму, крикнув Торану:

— Бери двух остальных! — и тут же закричал сестре:
— Стойте, сестра! Я его поймаю!

Торан сгреб двух беглецов и понесся с ними к аббатству. Шилли и Юч, принимая погоню за веселую игру, заливались смехом в железной хватке поварских лапиц.

Голозад почти добежал до Магама, но Джунти выхватил малыша буквально из-под носа бандита. Уложив Голозада наземь мощным ударом, еж припустил к аббатству, прихватив по дороге и застывшую в ужасе сестру Сетиву.

Две стрелы дрогнули ежа Джунти и воткнулись в спину. Джунти покачнулся, но продолжил бег. Магам, которого кололи иглы ежа, верещал от страха и боли, пытался освободиться.

Торан добежал до аббатства, выронил обоих малышей на лапы Марты и выскочил на помошь ежу, крикнув:

— Захлопнуть все двери!

Стрела чиркнула Торана по щеке, другая угодила в плечо Джунти. Пробежав мимо Джунти, Торан свалил Кривохвостику мощным ударом хвоста, повернулся и подхватил Джунти с его ношей. Ворвавшись с ежом в аббатство, Торан крикнул:

— Дверь закрыть!

Подоспевшие рэдволльцы успели захлопнуть дверь перед мордой одного из бандитов. Начали баррикадировать столами и скамьями нижние окна, из которых уже посыпались стекла.

Неистовый Рыж размахивал обломком своей сабли:

— С ходу берем, братцы! Вперед!

Флинки увидел, что нижние окна изнутри заваливают мебелью. Он шепнул Юппе:

— Камни швыряй, но не лезь. Пусть запираются. Если мы туда влезем, нас сожрут с потрохами. Слишком нас мало.

— А потом что? — спросила Юппа.

— Мы не войдем, а они не выйдут. Огород видела? Хороший огород...

Многих атаманов повидал Флинки за сезоны своих бандитских странствий, но такого глупого, как теперешний, не приходилось ему встретить.

Неистовый Рыж подскочил к Флинки и сразу заорал:

— Чего стоишь? Швыряй камни! Пращи нет — лапами швыряй!

Флинки зарядил пращу и лихо ответил:

— Есть, ваша честь! Я только объяснял Юппе, какой вы ловкий ход придумали.

Лису и самому хотелось узнать, какой ловкий ход он придумал.

— Ладно, объясни ей. Она не слишком толковая, все ей объяснять да растолковывать надо.

И атаман задержался рядом, выслушивая разъяснения Флинки:

— Хо-хо, этих олухов мы запрем внутри, они будут в плену в собственном доме. А есть-пить-то им надо! А пруд и сад с огородом у нас, во как! Сдавайся или помирай, вот и весь у них выбор. Правильно я все понял, шеф?

Только что Рыж думал, что все потеряно. Но то, что предлагал Флинки, обещало успех. Осада!

Лис солидно кивнул:

— Точно. Регулярная осада. Бейте окна, бейте, продолжайте.

И он гордо прошествовал дальше.

Юппа посмотрела ему вслед:

— Осада? Здорово! Хорошая идея.

Флинки запустил камень и промазал. Камень отскочил, и горностаю тоже пришлось отпрыгнуть, чтобы не пострадать от собственного выстрела.

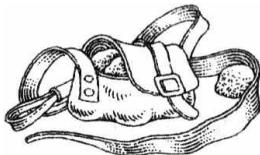
— Да, у нашего командира всегда найдется хорошая идея, если ему эту умную идею вовремя засунуть в глупую голову. Он и задницу свою двумя лапами не нашарит! — Ласка и горностай, захочотав, снова зарядили прапщи.

Марта сползла с кресла и, закрыв глаза, сидела на полу. Прижав к щеке лапу ежа Джунти, зайчиха слегка покачивалась взад-вперед. Джунти лежал, как упал, лицом вверх. Сестра Порттула вытаскивала из плачущего Магама иголки ежа. Сестра Сетива вытаскивала его же иголки из себя.

— Ох, острые же у тебя иголки, Джунти. Сейчас все вытащу и займусь тобой. Пусть лежит тихо, Марта. Как он там?

Не открывая глаз, Марта поцеловала лапу Джунти:

— Он умер, сестра. Джунти умер.

Кливер проснулся от щебета молодых скворцов, оживленно обсуждавших, как приступить к разорению муравьиного гнезда. Зевнув во всю пасть, Кливер выпрямился, презрительно глянул на сыновей Вирги, которые спали, сбившись в кучку. Он пнул первого попавшегося, буркнув:

— Подъем, щенки, пора в дорогу.

«Щенки» поднялись, зло глядя на своего мучителя. Один из них прошипел:

— Мы только что легли, за час до рассвета!

Кливер фыркнул:

— Ай-яй-яй! А я, значит, раньше лег? Без споров, сопляки!

Дрожа от злости, мелкая крыса схватила свое малое копье. Таким владел каждый из сыновей Вирги. И были это вовсе не копья. Острые наконечники с них легко снимались. Полые трубки для выдувания отравленных

шипов — вот что это было за оружие. Кливер погладил свой кинжал и шагнул к разгневанному мышонку, глядя на него ледяными глазами:

— Давай, маменькин сынок, попробуй. Думаешь, у тебя хватит храбрости?

Резким ударом он выбил духовую трубку из лап меньшей крысы и бросил, отворачиваясь:

— Уж яд там или нет, а только попробуйте — и я из вас лапшу сделаю. Кто первый?

Сыновья Вирги стояли, опустив глаза.

— Ну, я так и думал, — продолжал издеваться Кливер. — У зародыша в яйце хребет прочнее, чем у вас всех вместе. — Он отвернулся.

Оскорблённая крыса медленно и бесшумно сняла наконечник со своего оружия и поднесла его ко рту. Надулись щеки...

Вжик!

Длинная стрела проткнула крысу насмерть, отбросив ее на четыре шага. Лонна появился из-за деревьев, готовый к новому выстрелу. Даже Кливер, опытный боец, почувствовал страх, заглянув в налитые кровью и мщением глаза барсука. Несмотря на страх, Кливер бросился навстречу Лонне, рассчитывая опередить стрелу, готовую вырваться ему навстречу.

Лонне пришлось выбирать: одна морская крыса сейчас выпустит в него отравленную стрелку из духовой трубки, а другая несется навстречу с острым кинжалом. С быстрой молнии лучник нырнул, уклонившись от смертоносной, пропитанной ядом стрелы, и выпустил стрелу. Кливер взвыл от боли. Стрела пронзила его ступню и пригвоздила лапу к земле. Лонна выпрямился, вырвав из колчана еще одну стрелу, но крыса с духовой трубкой уже шныряла между деревьями. Третий сын Вирги подкрался как тень. Цель перед ним — не промахнешься. Он поднес трубку ко рту... но тут перед глазами возникла завеса — с ветки свисался беличий хвост.

Хвост мгновенно сменился злой беличей мордой, сверкающие глаза буравили парализованную страхом крысу. Белка обхватила губами другой конец трубки и с силой дунула в нее. Задыхаясь, подавившись собственным отравленным снарядом, сын Вирги схватился лапами за горло и в предсмертной судороге скорчился в траве.

Фивалок махнула лапой Лонне:

— Ч-чах-ах! С этими крысами надо держать ухо востро.

Барсук тяжело дышал, стараясь подавить овладевшую им Жажду Крови.

— Ты спасла мне жизнь. Но благодарить тебя мне придется позже. Надо догнать и уничтожить еще одну крысу, пока след свежий.

Белка скосилась в сторону Кливера:

— Этого тоже убьешь?

Кливер скрючился над своей лапой. Стрела пронзила ступню, на половину длины пригвоздив ее к земле. Он поднял глаза на Лонну, не ожидая пощады:

— Кончай меня быстрее, не тяни, полосатый!

Барсук подошел к раненому, наступил на его лапу и рывком выдернул стрелу:

— Я не морская крыса, чтобы убивать беззащитных.

Оторвав рукав от рубахи Кливера, Лонна загреб в горсть мха и листьев. Кливер озадаченно следил, как враг-победитель перевязывает его рану.

— Ты меня не убьешь?

Барсук вздернул крысу на задние лапы и прислонил к стволу дерева.

— Меня зовут Лонна Острый Глаз. Возвращайся к Раге Болу и передай ему, что он и его команда — ходячие покойники. Я их найду и убью. Всех. И тебя тоже. А теперь сгинь с глаз моих и хромай к своему капитану.

Барсук и белка проследили, как Кливер поковылял в лес. Потом на скорую руку приготовили легкую закуску.

Белка осмотрела духовые трубы с отравленными шипами.

— Чах-ха. Ну, держись теперь всякая Карра! Подальше держись. А сейчас пойдем за крыской, Лонна Большой Зверь, да? Завтра догоним! — пообещала Фивалок.

Но у барсука были иные планы.

— Нет, друг, возвращайся домой, тебе есть о ком заботиться. Я и сам справлюсь. У меня своя клятва, и она ведет меня. А тебе спасибо за все, за то, что ты спасла мне жизнь, друг!

Балка сжала его лапу:

— Чах-хо! Да будет так, Лонна, воин истинный. Ты избавил нас от Карры Ворона, я рада, что смогла тебя спасти. Я тебя никогда не забуду.

Опустив глаза, Лонна уставился на кинжал, отобранный у крысы. Отменное оружие, острый клинок... Когда он снова поднял глаза, белка уже исчезла в кронах деревьев.

След сбежавшей крысы вел на юго-восток. Туда и зашагал Лонна, на ходу приспосабливая кинжал, чтобы носить его на левой лапе возле плеча. После полудня густой лес поредел, тут и там виднелись мелкие песчаные холмики, которые чем дальше, тем становились выше. Слева на горизонте темнело что-то массивное и таинственное. Перед самым закатом барсук одолел подъем и вышел на гребень, откуда можно было осмотреться. С одной стороны холмы переходили в громадную пыльную равнину, почти пустыню. С другой стороны с холмами граничили неприступные утесы. Смеркалось. В стене утесов Лонна обнаружил пещеру, где и устроился на ночлег.

Ночь выдалась тихая и теплая, костер не было нужды разводить. С нагретой за день долины плыли волны тепла. О крысе Лонна не беспокоился, не уйдет. Сидя у

входа в пещеру, барсук жевал яблоко, глядя в небо, на месяц, похожий на дальку орехового сыра, на окружавшие его яркие звезды. В памяти всплыли слова старинной песни. Родителей Лонна не помнил, поэтому решил, что колыбельную эту ему напевал Грон, его воспитатель и наставник.

Ночь Лонна провел в пещере, а на рассвете от его зоркого глаза не укрылось крохотное облачко пыли вдали. По странному совпадению недалеко от его пещеры ночевала вчерашняя крыса. Схватив лук и стрелы, барсук отправился в погоню.

Едва дойдя до холмов, он наткнулся на патруль пятнистых крыс. Десяток тварей уставились на него, не сводя глаз, а командир пренебрежительно процедил:

— Здесь земля Даррат. Сдавайся, полосатый. Лук и стрелы отдай. Пойдешь к Хемперу Фиглагу, — Он ухмыльнулся своим подчиненным, — Много-много Буррча Глаг.

Манеры и настроение начальника Лонне не понравились, потому он без всяких предисловий набросился на группу крыс. В качестве оружия использовал старшего — самого тяжелого. Он схватил крысу за ноги и смахнул ее полпатруля разом. Пустившихся наутек напутствовал несколькими пинками и ударами их собственных копий. И вдогонку им испустил громовой боевой вопль барсуков и зайцев:

— Еула-а-лиа-а-а-а!

Но догонять надо было другую дичь, поэтому Лонна не стал преследовать пятнистых крыс, а пустился по следам корабельной.

Сын Вирги заметил преследование и совсем потерял голову. Он оставил холмы и понесся к пыльной равнине. Ошибка, еще больше сократившая остаток его жизни... Последняя ошибка. Лонна приблизился на расстояние

выстрела, поднял лук... И Вирга потеряла последнего сына.

* * *

Пятеро путешественников пересекали пыльное поле. Шагали они рядком, плечо к плечу, чтобы не глотать пыль из-под пяток идущих впереди. Избежав заточения в клетке, Фенна и Спринголд согласились, что им следует слушаться Саро и Брагуна и внимать их советам. А научиться у этих бывальных путешественников можно было очень многому.

Серый в черных пятнах даррат бегом ворвался в лагерь у подножия утесов. Он свалился к ногам Бирага. Указывая через плечо в сторону кустов, разведчик завопил:

— Бур-бур-бurrча Глаглаглаг!

Капитан метнулся мимо лежащего к верхушке холма. Вглядевшись, он заметил прямо перед собой пыльную дымку, всего в полумиле. Бираг повернул довольную, улыбающуюся физиономию к остальным крысам:

— Хемпер Фиглаг мне верит. Не зря верит. Я знаю, Буррча Глаг идет к большим камням. Мы ждем, они идут к нам.

Крысы даррат трясли головами, восхищаясь проницательностью своего предводителя. Некоторые подпрыгивали от восторга, трясли копьями и дубинами, а один даже пискнул:

— Хемпер Фиглаг очень обрадуется, когда Буррча Глаг вернется!

Бираг прорычал:

— Тихо, тихо, идиоты!

Хорти задрал голову и пошевелил ушами:

— Во, кажется, дождик подбирается!

Брагун пошевелил ноздрями:

— Да, дождичек... Точнее, летний ливень, от которого не худо бы куда-нибудь убраться. Надо ускорить шаг, может, до скал доберемся, там спрячемся.

— Ой, нога! — вдруг вскрикнула Фенна и шлепнулась на землю.

Все столпились вокруг нее, нагнулись, чтобы посмотреть на ногу.

— Не разгибайтесь, не поворачивайтесь, — забормотала Фенна, почти не разжимая губ. — У холмов крысы.

— Пятнистые? — спросил Брагун, глядя на Фенну.

— Да, похоже, те самые, буррчееды.

Голова Спринголд непроизвольно дернулась в сторону холмов, но Саро ее вовремя одернула:

— Смотри на Фенну, не вертись. Сколько их, Фенна?

— Много, — ответил вместо нее Брагун. — Слишком много, чтобы драться. Да, от них так просто не отделешься. Они там нас поджидают. Что делать будем, братцы?

— Удирать! — предложила Фенна.

— Не выйдет, — разочаровал Брагун. — Они обойдут нас.

Хорти стащил свой заплечный багаж.

— А если бы я что-то предложил, во?

— Предлагай, если идея толковая, — подбодрила его Саро.

— Я маскируюсь и увожу их. Уж за кем им никогда не угнаться, так это за зайцем. Я им не кролик, во, во! Я их уведу, а потом... Вон там, в скале, дырка. Пещера. Когда стемнеет, там встретимся. Как идея?

— Опасно, — возразила Спринголд. — Тебя поймают.

Саро считала иначе.

— Попробуй, — сказала она, уважительно глядя на зайца. — Может сработать. А иначе все мы отправимся в котел.

— Хорошо придумал, — похвалил Брагун. — Удачи тебе!

Два наблюдателя лежали на вершине холма, не отрывая глаз от облачка пыли, которое медленно приближалось.

— Ага, остановились, — пробормотал один, когда облачко пыли вдруг осело. — Спать-отдыхать улеглись, что ли?

Второй подскочил, когда пыльное облако снова взметнулось и начало вытягиваться в северном направлении.

— Увидели, унюхали, удирают, убегают! — заорал он во весь голос и замахал копьем. — Капалапатан, Буррча быстро-быстро улепетан!

Хорти несся, задрав хвост с привязанным к нему пучком длинной травы и вздымая как можно больше пыли. Глядя вбок и через плечо, он заметил, как засуетились крысы: желанная добыча от них убегала, и причем очень быстро.

— Ага, милашки, зашевелились, во! Я вам устрою разминичку, тухлая нечисть. Гонитесь за Хортвилом Бребаком, скорее луну в небе догоните, во, во!

Фенна взгляделась в удаляющееся пыльное облако:

— Дает старик Хорти! Как вихрь метет.

Сидя скрытно и тихо, все наблюдали, как продвигается лихой заяц и как вслед за ним едва поспеваю крысы. Спринголд почувствовала гордость за друга. Она сжала лапы:

— Молниеносный Хорти! Буррча Глаг... Пыль изпод пяток вам Буррча Глаг, пакость пятнистая!

Опасность миновала. Крысы уже покинули холмы и петляли между кустов редколесья. Добыча ускользала из-под носа.

— Да, в Хорти есть задатки настоящего воина, — с удовольствием признал Брагун.— А вот и дождь!

И пали первые тяжелые капли, подняв крошечные фонтанчики пыли. Зарокотал отдаленный гром, отражаясь от скал. Слабый отблеск молнии озарил юго-восточный горизонт. И вот с неба хлынул водопад.

Саро выпрямилась, отдуваясь и отфыркиваясь:

— Сейчас нас никто не увидит. Поднимайтесь.

Сцепившись лапами, все потрусили к холмам. В небе бесновались молнии, гром гремел уже над головами. Пыль превратилась в грязную слизь, в которой было трудно даже стоять, не говоря уже о продвижении. Спринголд крепко сжимала лапы Фенны и Саро. Ей никогда не приходилось встречать грозу в открытом поле. В Рэдволле всегда находилось укромное местечко, из которого даже интересно понаблюдать за разгулом природных стихий. Здесь все совершенно иначе.

— Уже скоро! — подбодрил Брагун, прикрывая лапой глаза и всматриваясь вперед. — Вон та пещера, которую приметил Хорти. Там спрячемся.

* * *

Ливень оказался серьезной помехой для Хорти Бре-бака. Заяц скользил по грязи и иной раз едва удерживался на ногах. От основных преследователей он ушел далеко, но троих, самых резвых бегунов никак не мог скинуть с хвоста. Каждый из резвой крысей троицы был вооружен копьем, что делало их еще опаснее. Где не достанут крысы — достанут копья. Самое время изменить план. Тем более что сил еще хватало. Хорти рванулся вправо, обратно в холмы.

Бираг, тяжело дыша и смаргивая воду с глаз, заметил, что добыча уходит в дюны.

— Хватайте его, не то Хемпер Фиглаг из вас Буррча Глаг сделает!

Взобравшись на холм, Хорти всмотрелся в еле видимые за пеленой дождя скалы. Он тут же скатился с холма кувырком, вскочил, выплевывая песок, и побежал к следующей дюне, бормоча под нос:

— Выше уши, парень, вверх — вниз, вверх — вниз, вымотай их... Видела бы меня сейчас Марта... О, дева дорогая! Песочный зайчик...

Действительно, песок так облепил Хорти, что даже ливень не сразу смог его смыть.

Чуть позади зайца в песок воткнулось копье.

Бираг появился на вершине холма сзади, за ним вскарабкались еще две крысы. Выхватив у одной из них копье, Бираг запустил его вдогонку зайцу. Изможденный Бираг плюхнулся на все четыре лапы, тяжело дыша.

Хорти обернулся с верхушки следующего холма:

— Эй, турица мясоед! Съешь башку свою в обед! Во, во!

Взбешенный насмешкой, Бираг с новой энергией рванулся за обидчиком. Хорти припустил от него, мыс-

ленно ругая себя за несдержанность: «Держи язык за зубами, во! Дурак длинноухий!»

Наступил вечер, а ливень не ослабевал. Бесчисленные ручейки собирались в потоки, потоки раздувались в настоящие реки, с утесов срывались вниз мощные водопады рыжей воды.

Брагун первым добрался до отверстия в скале. Действительно, дыра эта оказалась входом в большую, глубокую, темную пещеру. Брагун подсадил Спринголд и Фенну, за ними последовала Саробандо. Внутри все четверо надеялись перевести дух. Брагун стряхнул поклажу и отряхнулся, как собака:

— Ф-фу, погодушка!

Он сел, привалился к стене, глядя наружу.

— Давай, Хорти, друг! Надеюсь, у тебя все получилось.

— Я тоже очень надеюсь, — присоединилась к нему Фенна.

Спринголд поднялась и направилась внутрь пещеры, но Брагун вернул ее:

— Оставайтесь здесь, мисс. Мало ли что там может притаиться. И огня не разведешь. Давайте закусим, ежели в мешках что сухое осталось. И пить охота. Интересно, весь день под дождем, а пить все равно хочется.

Спринголд отыскала сухое овсяное печенье и засахаренные фрукты. Запили домашним сидром. Фенна напряженно всматривалась в полутьму, слегка вздрагивая при раскатах грома.

Саро потрепала ее по плечу:

— Ничего не поделаешь, надо сидеть и ждать. Не волнуйся, ваш заяц молодец, у него все получится.

Молодая белка вымученно улыбнулась:

— Если его долго не будет, я разведу огонь и сварю суп. Уж на запах еды-то он обязательно прибежит.

Она понурилась, ругая себя за дурацкую шутку. Может быть, Хорти уже и в живых-то нет...

Хорти храбро ковылял вперед, три крысы из последних сил брели за ним. Время от времени они пытались достать наглого зайца копьями, но сил уже не хватало, лапы тряслись, а заяц ловко увертывался. После очередного неудачного броска преследователи оставили копья в песке и гнались за зайцем, надеясь только на свои лапы. Расстояние между ними сокращалось.

Капитан вытянул вперед лапу и, еле шевеля языком, прохрипел:

— Хват-тай... его!

Хорти споткнулся, ускользнул от крысью лапы и огрызнулся:

— Бабушку свою... не поймаешь... дубина. — Он покачнулся, сделал шаг... второй... и рухнул.

Бираг кивнул соратникам:

— Г... г-готов... бе... берем.

И они из последних сил поползли к зайцу. Вот уже к Хорти протянулись когтистые лапы, но тут склон холма вдруг пополз вниз, и все три крысы скрылись под массой песка.

Хорти едва не последовал за ними, но чья-то громадная лапа, больше, чем заячья голова, не слишком нежно схватила его за оба уха сразу и мощным рывком выдернула из песчаной могилы. Боль в ушах на мгновение оживила Хорти, и он еще миг-другой оставался в сознании, успев при вспышке молнии разглядеть голову гигантского барсука, пересеченную страшным шрамом.

— Миленькая погодка, во... Ух-х... — ляпнул он совершенно не к месту и отключился.

В эту ночь в спальнях оставались только малыши, остальные охраняли баррикады. Самая долгая и пе-

чальная ночь на памяти Марты Бребак. Тело Джунти аккуратно завернули в одеяла и отнесли в его любимые погреба. Сдвинув бочки и подняв плиты пола, Кротона-чальник и его кроты вырыли могилу для храброго ежа. Когда Джунти засыпали землей и прикрыли плитами, аббат вооружился куском угля и принял писать эпитафию. Позже кроты высекут эти слова в камне на долгие времена. Слезы застилали глаза аббата и капали на камень, размывая буквы. Надпись гласила:

«Здесь лежит павший воин. Погиб от лап бандитов, спасая товарищей. Добрый, искренний, трудолюбивый. Им гордились, его любили. Еж Джунти, хранитель погребов аббатства Рэдволл. Его Октябрьский эль был лучшим. Спи спокойно, дорогой друг».

Вверху, в Большом зале, Марта подменяла уставших и помогала поварихе Гурвел разносить пищу. Она ни секунды не сидела сложа руки, ведь кругом было столько дел!

Торан задержал кресло-каталку мощным хвостом:

— Вот что, мисс, вам надо отдохнуть, не то вы просто свалитесь от усталости.

— Но я совсем не устала, правда! — заверила его Марта.

— Не будем спорить. — Главный повар натянул на нее одеяло под самую шею. Отдохните здесь, в уголке, подальше от битых стекол и камней из пращи. А я пока проверю наши баррикады.

И Торан заспешил на помощь брату Велду, снимавшему дверь с петель.

— Беремся с двух сторон, разом!

Велд с облегчением вздохнул:

— Да, староваты мы с тобой для таких упражнений. Как, Торан, удержим аббатство?

Торан оскалил зубы и проворчал:

— Если они войдут в аббатство, то только через мой труп. Но мы эту нечисть прогоним, не беспокойся, брат.

Отец Фред помог им приладить дверь к окнам.

— Получается, что мы в осаде. Нас держат взаперти.

— Да, нас заперли в собственном доме, — согласился Торан. — Странное ощущение.

— А что мы будем делать, когда закончится провизия?

— Еды хватит на всех, — строго сказал Торан. — Прекрати сеять панику.

Сутренней зарей у Неистового Рыжа появилась новая идея.

— Флинки, Кривохвостиха, ко мне! У меня великолепный план!

Горностай, не переставая жевать садовые фрукты, подошли к атаману, и тот изложил им свою идею:

— Набейте два мешка фруктами и прогуляйтесь по лесу.

Флинки отшвырнул недоеденную грушу:

— Хорошая идея, шеф. И больше ничего?

Лис ухмыльнулся:

— Навербуете мне пополнение. Чтобы взять аббатство, нам нужен народ. Распишете им здешние богатства. Добыча грудами там, жратва от пузя и все такое прочее. Ясно?

Флинки отсалютовал вождю:

— Будет выполнено, шеф. Приведем настоящих бойцов. Никаких стариков и немощных. А мешки зачем?

— Шевели мозгами! — рассердился шеф. — Приманка, вот зачем. Угощайте встречных, рассказывайте, как здесь хорошо. И вообще, как хорошо служить у такого доблестного вождя, как Неистовый Рыж.

Кривохвостиха с умным видом кивнула:

— Мы поняли, шеф, поняли. Все сделаем в лучшем виде.

И оба побежали в сад.

Неистовый Рыж продолжал распоряжаться:

— Флогго, Рогг, следите за дверью и окнами. Кто высунется — сразу стреляйте.

С братьями-ласками маленькому лису общаться нравилось. Они никогда не спорили и молча выполняли его приказания.

— Юппа, Голозад, Сливонос, Полкотлеты! Обстрел окна не прекращать!

Юппа протянула ему натруженные лапы:

— Но окна уже все разбиты. Что еще бить прикажете?

Рыж рассердился на тупую ласку:

— Окна били для того, чтобы сквозь них можно было бить этих, там, внутри. Ты совсем дура, не доходит до тебя?

— Я не дура. Я просто жрать хочу и падаю с лап от усталости. Мы всю ночь запускаем камни в эти дырки. Да и дура заметит, как кто-то надрывается на работе, а кто-то еще разгуливает да покрикивает.

Неистовый Рыж угрожающе схватился за обломок сабли:

— Ты не забывайся! Я лучше знаю, что мне делать и где мне быть.

— Ага, закричать «ура!» и сигануть через окно в аббатство, — презрительно фыркнул Голозад. — С этим огрызком железа.

Неистовый Рыж вошел в раж. Он отшвырнул свой металлом:

— Я покажу вам, как надо пращей работать! Ну-ка дай сюда! — Он выхватил пращу у Юппы. — Сливонос, Полкотлеты, стреляйте со мной! Остальные, камней побольше! Заряжа-ай!

Полкотлеты вытащил из пасти недожеванное яблоко и вложил его в пращу. Он ухмыльнулся Рыжу:

— Хрумк!

Пращик из Рыжа получился никудышный. Камни из его пращи иногда влетали в окно, но чаще щелкали по каменным стенам, а иные, выпущенные слишком рано, исчезали неведомо где.

Голозад увернулся от гальки, отскочившей от стены, и захихикал:

— Надолго ли великого вождя хватит при таком темпе?

Юппа потихоньку сдавала назад, опасаясь частых рикошетов.

— Он скорее нас укокошит при такой меткости, — проворчала она тихо и добавила громче: — Командир, нам надо что-то пожевать. И отдохнуть.

Лис работал пращей как бешеный.

— Сгинь с глаз моих, зануда. Когда вернешься, принеси побольше камней.

Сливонос опустил пращу, потряс онемевшей лапой и счастливо улыбнулся:

— О, конечно, гору камней притащим!

Лис оскалился:

— А ты заткнись и кидай. Работай!!!

Полкотлеты полюбовался полосатой черно-красной галькой, выбранной из кучки камней. Он подышал на нее, потер о мех на плече и нежно шепнул ей:

— Хрумк!

Аббат Кэррол на пару с мамашей Гурвел разливал по кружкам горячий ячменно-луковый суп. Они медленно толкали по Большому залу тележку, на которой стоял пузатый котел. Аббат подозвал Торана и протянул ему кружку побольше.

— Спасибо, Кэррол, — поблагодарил Торан и доложил: — Ну, за окна я теперь спокоен. Лишь случайные камни поверху залетят. Кроме разбитых окон, ущерб невелик. Не вздумали бы эти разбойники поджечь баррикады.

Голос Кэррола звучал спокойно, хотя у него самого внутри все сжималось от тревоги.

— Торан, есть у тебя какой-нибудь план?.. Замысел?
Торан поскреб когтями хвост:
— Ох, Кэррол, хотелось бы, но... да и устал я здорово...
Джуунти тоже расстроил, бедняга; такого парня потеряли...

Марта подтолкнула свое кресло поближе:

— А если нам перейти наверх, в спальни, и дать ответный бой?

— Верно мыслишь, Марта, — кивнул аббат. — Продолжай.

— Нужно использовать пращи, — развила свою мысль Марта, — Кроты накопают камней.

Гурвел заметила Кротоначальника, выходящего из погреба.

— Хурр, сэрр Двуррл!

Двуррл подошел и приветственно поднял землеройный коготь:

— Хурр-хурр, вот он я.

Марта объяснила ему свою идею:

— Нам нужно как можно больше камней разного размера — гальки для пращей, булыжников... Наверх, к окнам спален.

Крот сразу все понял:

— Хуррр, ясно, мисс. Сейчас и начнем.

Марта погладила его бархатную лапу:

— И земли. Если нечисть попробует поджечь баррикады, будем забрасывать огонь землей и камнями. Воду надо беречь.

Торан с восхищением и уважением смотрел на Марту:

— Слышишь, Кэррол, наша Марта не зря на плечах голову носит!

Марта повернулась к Торану:

— И не собираюсь ее потерять из-за банды нечисти. Нечисть разорила мое родное гнездо, убила родителей. Но в этот раз все будет иначе. Мы разобьем их.

Глядя в горящие глаза Марты, Кэррол и Торан сжали подлокотники ее кресла.

— Все наверх! — раздался голос аббата. — К окнам фасадных спален! Разобьем нечисть! Рэдволл и победа!

Последовал взрыв всеобщего энтузиазма, звери воодушевленной толпой повалили к лестницам.

— Мы им покажем!

— Проучим так, что долго не забудут!

— Они еще пожалеют!

— Запомнят они Рэдволл, кровь и уксус!

Сестра Сетива занималась с малышами, когда дверь спальни распахнулась и шумною толпой ввалились рэдволльцы. Всегда готовые поддержать любой беспорядок, малыши дружно присоединились к неразберихе голосов.

— Отрежем хвосты ржавыми ножами!

— Сварим в жареной мыльной воде!

Марту вместе с креслом понесли в спальню на руках.

По пути она продолжала разрабатывать свой план.

— Сестра Сетива, сестра Португа, нужно изготовить пращи, как можно больше. Хорошие, прочные. Кротона-чальник Двурл уже занимается камнями. Брат Гелф, брат Велд, внизу нужно постоянно контролировать баррикады, их состояние, прочность. Торан, друг, надо еще раз хорошенько везде поискать оружие, и подумайте, из чего его еще можно сделать.

Обитатели аббатства слушались Марту беспрекословно. Кроты ныряли в погреб с носилками для камней. Сестра Сетива пожертвовала запасом больничного постельного белья для изготовления пращей. Работала кухня, готовилась еда для защитников аббатства. Марта раскатывала в кресле и распоряжалась:

— Здесь проход освободите, пожалуйста.... носилки, к окну несите, ссыпайте в эту кучу... Не ставьте сюда суп, здесь пыльно. Спрячьте его пока в шкаф... О, отличная праша, кладите сюда...

Неистовый Рыж очень скоро выдохся и растерял весь запал. Лапы болели не только от усталости: из-за неопытности пращника камень иной раз не вылетал из его пращи, праща наматывалась на лапу и растирая получал

резкий удар. Да и меткости ему следовало бы под занять у подчиненных, которым он стремился дать урок. Он раздраженно отшвырнул прашу:

— Кровь и кости, у меня есть дела поважнее! Остальные тем временем, должно быть, дрыхнут. Вот я их сейчас оживлю. — И он важно зашагал прочь.

Сливонос и Полкотлеты затрусили за ним.

— А вы куда? — возмущенно обернулся к ним лис. — Работайте, работайте!

Звери понуро вернулись к окнам и зарядили пращи.

— Гневается наш великий вождь, — усмехнулся Сливонос.

— Хрумк! — согласно кивнул Полкотлеты.

Глядя в окно, Марта внимательно следила за Неистовым Рыжем.

— Хотела бы я знать, что у него на уме.

— Ничего доброго, мисс. Да и сам он какой-то странный... По виду — чокнутый совсем. — Кротоначальник указал на кучу камней и земли у окон. — Здесь хватит, чтобы их всех чокнуть, можно начинать.

Вошла мамаша Гурвел, таща на себе объемистый мешок.

— Хурр, вот, выdry остали, а сами ушли. Перец. Отборный, чихучий. Куда мне столько? Нечего ему на кухне делать.

Гурвел плюхнула мешок перед креслом Марты, и та сразу вытащила платок:

— Апчхи!.. Аа... а... апчхи! Прошу прощения. Чхи!.. Чхи!..

Сидящий на куче камней Бафл оценил мешок взглядом.

— Меччинеччииххбурраворра... — забормотал он, размахивая лапками.

— Что это он забеспокоился, сестра? — спросила Марта у сестры Сетивы, зажимая нос платком.

— Да ну его, баловника, — отмахнулась сестра Сети-ва, но перевела: — Он предлагает швырять перец в нечисть. Мы сами зачихаемся насмерть, пока до нечиисти доберемся.

Марта придерживалась иного мнения:

— Нет, нет, обязательно надо попробовать. Спасибо. Бафл и Гурвел!

Для поварихи и малышей наконец-то тоже нашлось достойное занятие. Обвязавшись мокрыми платками, они принялись заворачивать порции перца в тонкие обрывки бересты и перевязать их ниточками. Торан взвесил в лапе один из таких комочеков-свертков:

— Нормальный вес, как раз для пращи. Пусть починают, прочистят носы и мозги.

Юч вспрыгнул на подоконник:

— Смотрите, смотрите, идут, идут!

Положив лапу на рукоять сабли и пряча ее огрызок под плащом, атаман остановился перед зданием. Чуть сзади выстроилась его команда: Полкотлеты, Флогго, Рогг, Голозад, Сливонос и Юппа.

— Где ваш главный? — крикнул лис. — Есть разговор!

В окне спальни показался аббат:

— Говори, лис! Я слушаю.

Лис выпятил хилую грудь:

— Слышишь, мы вас здорово прищемили. Какие из вас вояки? Бросьте вы хорохориться. Вот что я вам скажу: откройте двери, не бойтесь. Впустите только одного из моей команды. Он возьмет магический меч... ну, еще какие-нибудь пустяки на память. И мы сразу уходим, будете жить-поживать в мире и покое.

— Никогда! — отчеканил аббат. — Никто из вас не ступит в аббатство.

Рыж незаметно сделал знак Роггу, стоявшему за его спиной, и тот приготовился.

Еле сдерживая гнев, лис продолжил:

— Никогда? Посмотрим! Вы в осаде. Мы вас уморим голодом или перебьем по одному. Не оберетесь бед!

— А вот мое предложение, — ответил Кэррол. — Уносите все, что награбили в саду и огороде, и исчезаете отсюда. Иначе — вы не оберетесь бед.

Рыж махнул лапой:

— Что с тобой говорить, мышь!

Он шагнул в сторону, и в аббата полетела стрела. Но Кэррол, уже некоторое время чувствовавший перечное щекотание в носу, в этот момент чихнул и сложился вдвое. И стрела лишь чуть задела шерсть на его голове.

Раздосадованный Рыж сделал вид, что развеселился:

— Ха-ха! Везучая мышка! Чихом спасся.

Вместо аббата в окне вырос Торан:

— А вот повезет ли тебе, рыжий? — И повар запустил в морду лису две перечные бомбы. Из других окон в бандитов тоже полетели заряды жгучего перца.

— Получай, урод!

— Нюхни, нечисть!

— Поперчу, потом посолю!

Чихая, отплевываясь и растирая горящие глаза, бандиты бросились наутек. Они сталкивались, переругивались, спотыкались и падали.

— Стоп! — крикнула Марта. — Хватит, берегите перец! Он еще пригодится.

Перечный град прекратился, вдогонку нечисти раздался победный клич осажденных:

— Рэдволл и победа!

Марта хлопнула стоящего рядом Торана по его широкому поясу:

— Мы победили, друг!

Торан задумчиво наблюдал, как нечисть ныряет в пруд аббатства. Он погладил зайчиху по голове:

— М-да, победили, конечно, но... Они вернутся и постараются нас уничтожить.

— Ты прав, Торан, — согласилась сестра Портула. — Но что нам делать?

— Защищаться! — воскликнула Марта. — Нас ведь намного больше, не забывайте.

Все были настроены воинственно и оптимистично, но аббат Кэррол не терял трезвости мысли:

— Верно, друзья, но мы долго не продержимся. Бандитам нужно оказать настояще сопротивление.

Флинки и Кривохвостиха не особенно торопились охотиться за новобранцами. Вместо этого они прогуливались по лесу, решив больше не возвращаться в банду Рыжа и как-то иначе устроить дальнейшую жизнь.

Но им не повезло. Они наткнулись на лагерь Раги Бола. Громадная одноглазая крыса схватила обоих за загривки и приволокла пред светлые очи настоящего пиратского капитана, при виде которого у Флинки — впервые в жизни — отнялся язык. Он только молча глазел на латунные серьги, серебряный крюк, саблю и острый кинжал, которым Бол ковырял жареную щуку. Кинув на горностаев презрительный взгляд, Бол обратился к жирной крысе:

— Кто такие?

Флинки решил, что стоит открыть пасть, и забормотал:

— Мы, ваша честь...

Шлеп! Рага Бол наклонился и вмазал Флинки щукой по морде:

— Не тебя спросили, килька.

Крюк вытянулся вперед, подцепил Флинки за кожанку и рванул вперед. Капитан обдал дрожащего бродягу жаркой вонью из пасти и кольнул взглядом глаз, злее которых Флинки в жизни не встречал.

— Следи за языком, не то придется тебе им закусить. Что в мешках?

— Ф-ф-фрукты, сэр, — еле выговорил горностай.

Капитан воткнул в заплечный мешок кинжал и сильно пихнул Флинки. Тот рухнул, а из разрезанного мешка посыпались яблоки, груши, сливы...

— Фрук... фрукты... — Капитан, казалось, не верил глазам. — Иди ты! Идиоты! Ни оружия, ни даже птички там, рыбки... Фрукты! Ну ты и фрукт!

Одноглазый Глимбо вырвал мешок у Кривохвостихи и вывалил его содержимое на извивающегося по земле Флинки.

— Зуб даю, фрукты, точно! У них явно на мостике не в порядке, — уверенно заявил он, покрутив лапой у виска.
— У обоих штурвал снесло.

Глимбо сгреб Кривохвостиху и тряхнул ее так, что клацнули зубы:

— Вы мозгами дураки? Оба-два, да?
Кривохвостиха, дрожа, выдавила из себя что-то вроде:

— Обадубабаба...
Вокруг ржали крысы-пираты. Они быстро освободили пленников от одежды, оружия и всего, что на них было. Дрожа, Флинки и Кривохвостиха наблюдали, как крысы облизывают ножи и кровожадно ухмыляются, оглядывая их.

Рага Бол поскреб свое горло острием серебряного крюка. Он все еще, казалось, не пришел в себя от удивления.

— Вокруг все зреет, везде в лесу полно фруктов, а эти два недоумка принесли мне фр... фр... тьфу! Яблоко или груша, выбирай! — заорал он вдруг, обращаясь к Флинки.

— Я... я... я...
«Я не знаю», — хотел пробормотать хитрый Флинки, подозревая подвох, но капитан оказался хитрее.

— Яблоко! — заорал он и, блеснув клыками, повернулся к крысам.

— Феррон! Выбери два яблока и забей им в глотки, чтобы не орали, пока их поджаривают.

Длинномордый поджарый Феррон нагнулся к куче фруктов и вытащил два больших розовобоких яблока. Он шагнул к пленным, но тут Флинки завопил:

— Сокровища, капитан! Добыча! Магический меч!

Капитан мгновенно извлек из ножен клинок. Поднеся его к носу Флинки, он отчеканил лишь одно слово:

— Где?

Флинки лихорадочно шевелил мозгами и тараторил:

— Есть тут такое аббатство — Рэдволл, сэр. Всего в одном добром переходе отсюда. Богатое аббатство! Несметные запасы! Подвалы, кладовые!

Клинок отодвинулся от Флинки, капитан повернулся к навострившим уши крысам:

— Отдайте им барабан. — Широким жестом Рага Бол пригласил горностаев подойти поближе. — Присаживайтесь, друзья. Поближе, поближе, чтобы мне не тянуться, разом вспороть вас снизу доверху, ежели врать начнете. Не терплю врунов. А вы?

— На дух не переношу! — истово затряс головой Флинки. — Самая гнусная звериная порода, эти вруны.

— Все вруны — негодяи! — присоединилась Кривохвостиха.

Капитан откинулся назад и захохотал:

— Вот и отлично! Муха, дай нам гроту!

Распространяя вокруг себя зловоние, Муха приблизился с тремя здоровенными глиняными кружками в лапах, толкая перед собой булькающий бочонок. Он поднял бочонок и наполнил кружки до краев какой-то жидкостью, тоже не радующей обоняния. Бол жадно приложился к одной из кружек и крякнул от удовольствия:

— Прошу, ребята! Лучший грот из рыбных голов и водорослей. Кому он не по нутру, тот мне не друг. Пейте!

Давясь и отдуваясь, Флинки с Кривохвостихой уткнулись в кружки. Стоявшие вокруг крысы подбадривали их нестройным гулом и выкриками. Осушив свою кружку,

Рага Бол ревниво наблюдал, как сосут мерзкое варево его новые подданные.

— Смелей, смелей, до дна, ни капли мимо рта.

Флинки вылакал все пойло и осмотрелся. Голова его кружилась, подскакивала на плечах и парила над телом. Что-то странное случилось с глазами. Откуда-то взялись еще два Раги Бола. Все три капитана сидели напротив горностая рядком и одинаково жестикутировали. Флинки икнул.

— Хи-хи-хи... Хик! Ик! Добрая капля, ик! Кривка, как? Ик?

Кривохвостиха изумленно уставилась на свою кружку и сразу же ей ответила:

— Ш-шудесно! Ш-шусствую ш-шебя как боевой барш-шук, хе-хе-ой!

Рага Бол свалил ее на землю и угрожающе пригнулся к ней:

— Барсук? Какой барсук? Где ты видела барсука? Отвечай!

Хе-хе... — Кривохвостиха попыталась встать, но плюхнулась обратно. — Не-е, это я к шлову, так... Не было баршука. Да не бешпокойся, капитан Брага Рол, мы для тебя вищех изничтожим! Баршуков, барбаришов... — Она замычала и разинула пасть, из которой тут же раздался громкий храп.

Рага Бол облегченно вздохнул и повернулся к Флинки. Тот сидел, покачиваясь из стороны в сторону и пьяно моргая. Рага Бол присел рядом:

— Ну, друг, пусть она дрыхнет, давай с тобой потолкуем. Я тебя спрашиваю, а ты мне отвечаешь. Только правильно отвечаешь. За неправильный ответ я с тебя шкуру сниму. Договорились?

— Конечно, о чём речь! — радостно развел лапами Флинки и убежденно добавил: — Ик!

— Вот и отлично! Расскажи-ка мне об этом аббатстве. И о своей шайке. Сколько вас, кто главный и все такое прочее.

Рага Бол и его команда с интересом слушали Флинки. Рассказчик, конечно, был весьма пьян, но не настолько, чтобы потерять свое знаменитое чутье. Он знал, чего ждут от повествователя любые слушатели. А здесь от его искусства зависела жизнь. И разумеется, добрая доля его правдивого рассказа была враньем, замешенным на лести. Он поведал о безмозглых обитателях аббатства и о его несметных сокровищах. В центре внимания был, конечно, магический меч. Рассказ свой Флинки оживлял красноречивыми жестами, а слушатели выражали восторг возгласами, репликами, потиранием лап, подталкиванием друг друга и перемигиванием. Даже Рага Бола слушал, затаив дыхание. Мечта пирата становилась реальностью!

Крысы быстро свернули лагерь. Рага Бол, однако, медлил, потому что еще одна забота занимала капитана — судьба большого барсука. Потому, отдав последние распоряжения относительно предстоящего марша, он в одиночку отправился обратно.

На ходу Рага Бол взглядался, главным образом, вперед, надеясь увидеть возвращающихся убийц. Тем не менее он заметил, как облака на небе перерастали в тучи. Вот уже и гром загремел в отдалении.

Острый глаз пирата засек какое-то движение в кустах. Нет, не от ветра зашевелился куст прямо перед ним. И не ствол древесный скрипнул, а простонал кто-то за кустом.

Стонал Кливер, вылезший из куста, опираясь на импровизированный посох-костыль. Рага Бол, изображая тревогу о боевом друге, подскочил к Кливеру и подхватил его под локоть:

— Ранен, друг? Что с тобой? Где эти трое сыновей Вирги, сбежали, что ли? Бросили тебя? Как полосатый?

Кливер слизнул с губы первые капли дождя и тяжело навалился на посох:

— Капитан, никаких шансов у нас не было. Полосатый и какая-то белка напали на нас из засады. Двое из Виргинских выродков убиты у меня на глазах. Третий куда-то успел удрать. Вряд ли далеко. Полосатый прострелил мне ногу и отобрал кинжал. Думал я, он меня прикончит... Так бы оно и было, но я теперь почтовый голубь, — криво ухмыльнулся пират. — Хромое ходячее письмо Раге Болу. Меня послал барсук, вот оно как. А сказал он, что зовут его Лонна Острый Глаз. И идет он по наши души. Обещает прикончить всех, но в первую очередь капитана Бола. Мы, стало быть, трупы ходячие, так он и выразился. И я ему верю, капитан. Я видел его глаза. Бешеный! А главное — воин могучий.

Рваная молния полыхнула в небе, озарив леса и равнины. Хлынул дождь. Рага Бол подтянул Кливера поближе к себе и зашептал ему в самое ухо:

— Успокойся, друг. Ничего с нами не случится. Дождь смоет наши следы. А скоро мы засядем в неприступной крепости с кучей жратвы и бочками согревающего в погребах. Ха-ха, нравится тебе такое будущее?

— Это бы неплохо, — пробормотал Кливер, сморгнув воду с глаз.

— Никому ни полсловечка, Кливер. Никаких барсуков не было. Так, друг?

— О чём речь, капитан! Ясное дело! Вы ж меня знаете... Никто из моей пасти ничего не услышит.

— Верю, друг, — улыбнулся Рага Бол, резким движением вонзая кинжал между ребер верного воина. — Тут с тобой не поспоришь. — И он отшвырнул тело заколотого Кливера в куст. — Никто из твоей пасти ничего больше не услышит, Кливер, — шептал Рага Бол, шлепая по лужам обратно в лагерь, — Все рано или поздно проговариваются, что поделаешь, я тебя не виню... жизнь такая. Но ты не проговоришься, мой верный товарищ...

Иивень постепенно перешел в сильный дождь. Фенна высунула из пещеры голову, приставила лапу ко лбу, защищая глаза, внимательно всмотрелась в ночь:

— Ничего не видно. Хоть бы Хорти поскорее вернулся. Надеюсь, с ним ничего не случи...

Из тьмы показалась массивная фигура. Белка отшатнулась от шагнувшего к ней громадного барсука с Хорти на плече. Будто тряпочка висел, вяло и безжизненно. Барсук вошел в пещеру, его голос вызвал к жизни гулкое эхо:

— Не беспокойтесь, ваш друг жив, он придет в себя. Посидите тихо, пока я не разожгу огонь.

Брагун удержал Спринголд, готовую сорваться с места.

— Слышала, Спринг? Сиди спокойно.

Сталь ударила о кремень, искра упала в трут. Скоро уже трепыхался в пещере огонек, перерастая в походный костер. Блики от костра осветили морду барсука. Всяких

зверей повидал Брагун за свои сезоны, встречал и барсуков, но такого гиганта видел впервые. Из воинов воин. А оружие!.. Громадный лук и острый кинжал возле плеча... Но завершал его облик ужасный шрам и красноватый отблеск глаз. Брагун понял, что барсук этот отмечен страшным проклятием, одержим «Жаждой Крови». О таких барсухах говорили, что они неудержимы в бою. Брагун протянул вперед открытую лапу в знак мира. Барсук сделал то же самое. И здоровенная лапа выдры показалась крошечной рядом с лапицей барсука.

— Я Лонна Острый Глаз, — зарокотал барсук, — Я видел, как крысы гнались за вами, и понял, что вы спрячетесь здесь. Видел я и как ваш друг заяц отвлекал крыс. Они чуть было его не сцепали, пришлося вмешаться. Кто вы и чего ищете здесь, в этих неласковых краях?

— Меня зовут Брагун, со мною Саро, Фенна и Спринголд. Зайца звать Хорти. А ищем мы место, которое называется Глинобитная Обитель. Оно где-то там, наверху.

— Опасное дело, друг. В округе рыщут крысы-дар-рат. Я убил их капитана и еще двоих, спасая вашего зайца. Но и без крыс здесь хватает опасностей, а пятнистых сейчас попробую отпугнуть. Дай мне стрелу, Фенна.

Белка вытащила стрелу из колчана. Стрела оказалась длиннее, чем она сама. Лонна насадил на стрелу сухую сосновую шишику и зажег ее в костре.

— Дождь поутих, погаснет не сразу. Зажмите уши, — сказал Лонна и выстрелил горящей стрелой. — Я Лонна Острый Глаз! Пожиратель крыс! — загрохотал он вслед стреле во весь голос. — Я выпью кровь всех, кого застану здесь на рассвете!!! Еулалиа-а-а-а-а!

Вернувшись к костру, Лонна заметил, что от его вопля даже заяц зашевелился.

— Живуч, длинноухий. Слышал я, что зайцы — лихие воины. Ваш Хорти храбрец, из него выйдет толк.

Спринголд робко спросила барсука:

— Сэр, вы на самом деле едите крыс?

Лонна улыбнулся:

— Нет, мисс, я просто припугнул их. Нечисть лучше всего понимает язык угроз, язык смерти. Убеждатель бесполезно, на них действует лишь насилие и принуждение. А ем я такую же пищу, как и вы. Да я скорее гнилушками питаться буду, чем этими крысами.

— Я бы, пожалуй, проглотил сейчас парочку гнилушек, во. — Это Хорти, еще не открыв глаз, уже разинул рот, и первые его слова были посвящены, конечно же, еде.

Брагун помог зайцу сесть:

- Очнулся, обжора? Как себя чувствуешь? Болит что-нибудь? Прежде чем жевать, поблагодари своего спасителя.

Хорти поклонился барсуку:

— О, сэр, при ваших габаритах сколько вы можете съесть, во!

Утолив голод, путешественники рассказали Лонне о Рэдволле и его обитателях, о Марте и о причине их путешествия. А он рассказал им о своих злоключениях, вызвав у слушателей живейшее сочувствие. В заключение Лонна провел лапой по шраму:

— Они заплатят за это своими жизнями, Рага Бол и его команда. Конец их так же неотвратим, как и смена сезонов.

И ни у кого из сидящих у костра не возникло и мысли сомневаться в словах гигантского барсука.

Лонна встал и подкинул в огонь веток.

— Вам надо выспаться. Завтра вас ждет трудный подъем на скалы. Да и наверху предстоит не увеселительная прогулка. Отдохните, а я посторегу вход.

Брагун вытащил меч:

— Я составлю тебе компанию, Лонна. Вдвоем веселее, да и четыре глаза видят лучше, чем два.

Они присели у входа в пещеру. Лонна одобрительно поглядел на меч в лапах выдры:

— Чудесное у тебя оружие, Брагун.

Брагун повернул меч, ловя лезвием отблески костра:

— Да, хотя и не мое. Аббат Кэррол дал мне его на время путешествия. И не только как оружие, а скорее как талисман-хранитель. Меч принадлежит аббатству. В древние сезоны им владел Мартин Воитель, мышь-воин, один из основателей аббатства Рэдволл. Говорят, что выковал меч великий барсук-lord, могучий воин и искусный кузнец. А сделан меч из упавшего с неба обломка звезды. Так нам рассказывали. Тот барсук был лордом Саламандастрана, горы-крепости барсуков. Слышал о Саламандастране, Лонна?

Темные глаза барсука вспыхнули.

— Каждый барсук знает о Саламандастране. Какнибудь и я там окажусь. Может быть, и дни мои закончатся там... Но прежде всего займусь Рагой Болом.

Брагун резко выпрямился, сообразив, что заснул на посту. Такого с ним раньше не случалось. Уже светало, а Лонны и след простили. Саро оживляла костер, молодежь еще посыпала носами.

— Привет, приятель! — Саро протянула Брагуну кружку мятного чаю. — Наш большой гость ушел еще затемно. Я заметила его уход.

— Лонна-лучник ушел? — с сожалением спросила проснувшаяся Фенна.

Саро кивнула:

— Вы еще спали. Меня разбудил Хорти. Он хрюпал и булькал, как болото лягушек.

Хорти возмущенно фыркнул, но Саро невозмутимо продолжала:

— Лонна взял меч Мартина и внимательно осмотрел его. Потом он вдруг замер и уставился на меч, как будто с ним разговаривал. Тут Хорти снова захрапел, и я врезала ему как следует. Потом заснула.

— Ужасно, во! Спиши спокойно, никого не трогаешь, а тебя лупят. Ну и манеры!

— Когда Хорти еще раз меня разбудил, Лонны уже не было.

Брагун хлопнул хвостом об пол пещеры:

— Могу биться об заклад, так Мартин Воитель говорил с Лонной. Он сказал, где сейчас Рага Бол, и Лонна пошел туда, не теряя времени.

Брагун почтительно завернул свой меч, а Хорти продолжал пустословить:

— Этот дурной Рагабаллон, как его там, вряд ли сказал бы Мартина спасибо, если бы узнал, кто его выдал, во. Не завидую я тому, кто окажется на пути у большого Лонны, если он чуть-чуть не в духе. Во, во, воображаю, что он сотворит с бедной нечистью, когда до нее доберется...

Брагун уже собирали пожитки.

— Я даже воображать не хочу. Но это дело Лонны. У нас свои заботы. Нас ждет Глинобитная Обитель. Хватит болтать, собирайся.

Утром погода радовала, но подъем многим оказался бы не под силу, если бы не белки. Саро и Фенна взобрались первыми, а затем спустили шнур и подняли багаж. Потом закрепили шнур на выступе скалы и помогли взобраться остальным.

Сверху все было видно как на ладони. Зоркие глаза Хорти разглядели темную точку.

— Ребята, а вон ведь он, ну, большой Лонна!

Спринголд прищурилась в указанном направлении:

— Наверное, это он. А ведь он идет туда, откуда мы пришли, на северо-запад. Саро, он идет в Рэдволл?

Саро не собиралась тратить время на обсуждение посторонних вопросов:

— Не знаю, мисс, куда идет Лонна, но мы не в Рэдволл идем, а из Рэдволла. В Глинобитную Обитель. Так что хватит оглядываться. Пошли!

Впереди простиравшаяся безрадостная равнина без растительности, без тени. Ветерок вздыпал туки песка и пы-

ли и бездумно перегонял их с места на место. Саробандо взгляделась в даль:

— Мисс Фенна, вы за питье отвечаете. Чувствую, с водой будет туговато. Придется экономить.

Хорти тут же захотелось пить.

— Фенна, ответственная, глоточек водички, во. В горле пересохло.

Фенна шла сразу за ним.

— Забудь! — одернула она зайца. — потерпишь, не маленький.

— Во! Все слышали эту скрягу?

Брагун широко улыбнулся:

— Отлично слышали, приятель. Каждое слово слышали. А тебя уже жажда замучила?

Заяц воздел очи к небу и лапой зажал горло:

— Глотка пылает, язык распух, как пуховик. Ради всех Сезонов милосердных, глоток живительной влаги, во!

— Выбери гальку по вкусу из камней для пращи и соси ее. Старая уловка, хорошо помогает.

Хорти порылся в сумке, вытащил камешек, уставился на него с отвращением. Бросил камешек обратно.

— А можно мне спеть, мэм?

Саро промолчала, вместо нее отозвался Брагун:

— Да пой сколько хочешь, только о питье не думай.

Хорти призадумался и скоро затянул подходящую, на его взгляд, песенку:

На свете жил один паук,
Я не знал чудней.
Он в бочку пива прыгал вдруг
И долго плавал в ней.
Разинув рот что было сил,
Он пиво пил-пил-пил!

Блоху я встретил невзначай,
Такой вам не встречать,

Она пила холодный чай
По чашек двадцать пять.
Такая вот блоха была
И чай пила-пила!

Паук с блохой мои друзья,
Хотел бы с ними выпить я —
Пива от пузза, и сока арбуза,
И молока, чтоб вздулись бока,
Можно и сливки, можно наливки.
В бочку с водой я нырну с головой.
Если ты хочешь меня утопить,
Брось меня в реку, но дай мне попить.
Не стану вонить я, только бы пить,
Попить бы, попить бы, попи-и-и-и-ть!

Саро зажала уши обоими лапами:

— Хватит! Разнылся, разнесчастненький! Фенна, дай этому зануде воды... И всем дай попить.

После глотка воды стало легче, но не надолго. Жара и пыль донимали путешественников, но они упрямо продолжали вперед. Даже ветерок не освежал, а обжигал, как волна горячего воздуха из кухонного очага. И некуда было спрятаться от палящих лучей солнца.

Брагун облизнул пересохшие губы, сбросил мешок и присел:

— Ну, ребята, такой жары за все свои сезоны не припомню. Отдохнем.

Старшая белка сделала навес. Она сложила плащи, с одной стороны придавила их мешками, свободные углы нацепила на походные посохи.

— Все-таки тень. Влезайте быстро, глотнем водички да подремлем, подождем прохлады. Вечером пойдем дальше.

Брагун вытащил из мешка кружку:

— Отличная идея. Фенна, давай флягу. Воду отмерим. Чтобы никому не досталось меньше. — Он глянул на Хорти. — Или больше.

Все получили по полкружки желанной влаги. И каждый выщедил ее медленно, наслаждаясь вкусом воды и долгожданной тенью.

Фенна уголком глаза следила, как заяц заглатывает засахаренные фрукты.

— Но ты же еще больше захочешь пить, сластена! Зря ты ешь сладкое.

Хорти в ответ шевельнул ушами и, проглотив фрукт, пояснил:

— Сласти — от любой напасти, во. Сладкое лучше всего спасает от голодной смерти. Люблю поесть, что поделаешь.

Брагун приоткрыл один глаз:

— Спасибо за информацию. Не забудь поставить мешок обратно, не то плащи сдует.

Спринголд снился дивный сон. Она вернулась в Рэдволл, плещется в пруду аббатства. Дно пруда песчаное, песок ласкает уставшие ступни. По росистому берегу прогуливаются сестра Портала и аббат Кэррол. Спринголд слышит, что они говорят... но голоса у них какие-то чужие.

— Все пропало! Ни крошки-кусочка, во!

Спринголд открыла глаза. Красноватый закат просвечивает сквозь пелену пыли. Хорти тяжело топает за навесом.

— Ни крошки-кусочка, ни капли-глоточка, во-во-во!

— причитает заяц. — Нас обворовали, обчистили, ограбили!

Брагун гаркнул на зайца:

— Очнись, косой! Что ты несешь? Что случилось?

— Да не спалось мне, жарко, знаете... Ну, я заглянул за плащи, проверить, как там вода... не закипела бы... А кто-то все упер! Во-во-во-во-во!

Заяц не врал. Вместо пяти мешков плащи придерживали на месте пять увесистых булыжников.

Саро подняла лапу.

— Не толпитесь тут, следы затопчете.

Она опустила голову к пыльной поверхности пустыни, присматриваясь и принюхиваясь:

— Ничего! Видно, вор опытный, хитрый.

Иначе здесь не выживешь, — мрачно проворчал Брагун.— Ладно, что пропало, то пропало. Пошли.

Саро согласно кивнула:

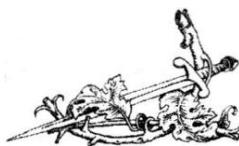
— Да, пошли. Идем быстро и тихо, не болтаем. Держимся друг к другу, кто знает, что здесь встретить придется... — Она повернулась к зайцу. — Хорти, держи язык за зубами. Твои причитания могут всех погубить. Понятно?

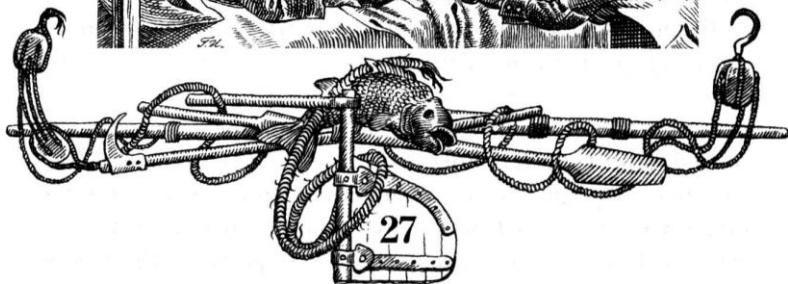
Хорти одной лапой зажал пасть, другой резанул по горлу.

Саро кивнула:

— Все понял, молодец. Пошли!

И путешественники зашагали в сгущающихся сумерках, без воды и пищи, не зная, что их ждет. За ними внимательно следили чьи-то глаза, какие-то непонятные фигуры зашевелились в полумраке, устремились им вслед, сливаясь с мелкой пылью пустыни.

роза грянула над Рэдволлом примерно в то же время, когда заколотый Кливер рухнул в кусты. Кротоначальник Двурл мрачно молчал у окна спальни, озаряемой вспышками молний.

— Хурр, перец теперь не поможет, нет, — пробормотал он себе под нос.

Марта подкатила к окну в своем кресле:

— Как гроза повлияет на поведение нечисти? Хотела бы я знать, что теперь будут делать эти негодяи.

Аббат вздохнул:

— Ну что ж, подумаем, что делать нам.

Ливень колотил по кровле аббатства, ухоженные газоны и клумбы скрылись под водой. Банда Рыжка укрылась в сторожке привратника. Они без сил лежали на полу сторожки, завернувшись в простыни, в одеяла, в шторы. Но от перца спасения не было — гла-

за и носы зверей распухли и покраснели от постоянного чихания.

Хуже всех пришлось Сливоносу. Его громадный нос, казалось, готов был оторваться при каждом чихе. Он откинул покрывало и направился к двери:

— Бойду броболощу. Божет, болегчает.

Полкотлеты надрывно чихнул и направился за ним:

— Хр-р... р-р... р-румк!

Совет аббатства решился на отчаянный шаг. Многочисленный отряд из наиболее сильных рэдволльцев, впятеро превосходящий по численности банду осаждавших, должен был сделать вылазку и покончить с нечистью. Вооружение блистало разнообразием: копья — кухонные ножи, прикрученные к длинным палкам; садовые лопаты, вилы и мотыги, топоры и топорики, молотки и кочережки. Командиром группы был единодушно избран Торан. Стоя у окна, повар повторял план операции:

— Стало быть, друзья, никаких полумер. Мы должны покончить с ними, перебить всех до единого. Я первым врываюсь в сторожку, остальные за мной. И никакой пощады врагу, когда окажетесь внутри. Сестра Портутла, Двурл с Берни и Юлером стоят у окна и встречают каждого, кто попробует выскоочить. Вопросы есть?

Магам отсалютовал медной поварешкой, которую прихватил на кухне:

— Хурр, нет вопросов! Мы выполним свой долг, не бойтесь.

Марта подняла его с пола и отняла поварешку:

— Твой долг — оставаться здесь, с нами, и охранять вход в аббатство. Наступает ночь, Торан и его отряд нападут на нечисть, пользуясь прикрытием темноты и дождя. Враг не ожидает нашего нападения но-

чью. А мы охраняем дверь аббатства и следим, чтобы в нее входили только свои. Это очень важная задача. Справишься?

— Хурр, мисс Марта, не бойтесь, справлюсь.

Торан пожал мышью лапку:

— Вот и молодец.

К надоевшему грохоту грома прибавились еще какие-то звуки, послабее. Кто-то колотил в главные ворота аббатства. Сливонос и Полкотлеты подошли к створкам.

— Кдо дам? — прогундосил Сливонос.

Чуя горлом щекотание сабли Раги Бола, Флинки про-кри чал:

— Слив, друг, это мы с Кривохвостихой вернулись! Открой, впусти нас, Сливушка, милый!

Ворота заскрипели и приоткрылись. В них сразу рванулись крысы, и сбитые с лап Флинки с Кривохвостихой плюхнулись мордами в грязь. Рага Бол схватил хорька за нос и вздернул на цыпочки.

— Й-й-и-и-и! — завопил Сливонос. — Бусти-и-и! Больно-о-о-о!

Капитан уложил Сливоноса рядом с Флинки:

— Так это ты тот рыжий страпила, который осаждает аббатство?

— Дет, де я, — ответил Сливонос, осторожно проверяя лапой, цело ли еще его обонятельное приспособление. Он махнул другой лапой в сторону сторожки. — Гыжий там, в стогожке.

Лис задремал в кровати привратника. Дверь грохнула, чуть не слетев с петель, и начался какой-то кошмар. Широкими шагами в сторожку вошел Рага Бол:

— Который тут у вас рыжий?

Шайка онемела при виде крыс, проталкивающихся в дверь и быстро заполняющих небольшое помещение. Лапы бродяг одновременно вытянулись в

направлении кровати. Блестящий крюк Раги Бола подцепил лиса за пояс и сдернул с одеял. Глаза матерого убийцы беспощадно буравили мелкого бандита.

— Ты, что ли, парнишка, могучий Рыжий?

— Й-й-й... Д-д-д...

Рага Бол встряхнул лиса и заорал, обрызгав его физиономию слюной:

— Язык проглотил, рожа ржавая? Отвечай, ты главный в этой шайке?

Лис затряс головой.

— Й-я! — жалко пискнул он, подивившись звуку собственного голоса.

Капитан сразу успокоился и подобрел:

— Ну и славно, ну и молодец. — Он повернулся к своим крысам. — Поприветствуйте главного, ребята!

Крысы гулко заржали. Дряхлые стены затряслись от их диких выкриков.

— Салют, капитан!

— Приятно познакомиться, мадам!

— Свирепый какой!

— Ох, зубешки у меня стучат, все четыре...

— Га-га-га! Меч-то, меч,— заметил кто-то сломанную саблю. — А-а-ай, не могу!

Капитан выдрал из-за пояса Рыжа обломок сабли:

— А мама знает, что ты этим играешь? Не боишься порезаться? Шалун! Ох ты и шалунишка!

По щекам крыс-пиратов катились слезы от смеха. Они задыхались и держались за стены. Начала подхихивать и команда Рыжа.

Капитан свирепо повернулся и шагнул к ним:

— А вы чего развеселились, негодяи? Служить под командой какого-то мелкого чучела с огрызком сабли за пазухой! Тыфу! Вон с глаз моих, киль вам в клотик!

Стараясь казаться меньшее и незаметнее, протискиваясь мимо Раги Бола, который стоял у них на пути, зверье Рыжего устремилось к двери. Рага Бол шагнул

за ними под проливной дождь, волоча за пояс ополоумевшего от страха лиса и отдавая приказания своим крысам:

— Глимбо, Феррон, Чакка остаются со мной в этой хибаре. Кольцеух, запереть ворота, никого не впускать и не выпускать. Муха, возьми веревку и паси этих олухов. — Он кивнул в сторону команды Рыжа и повернулся к самому атаману. — А ты, парнишка, будешь поваром. Не выйдет у тебя — сам пищей станешь. Понял?

Рыж послушно кивнул.

Бол продолжал распоряжаться:

— Бери своих обормотов и дуй на пруд. Приготовишь мне на завтрак рыбу. Крупную, жирную, сочную, мягкую... Как ловить и готовить — твоя забота. Чтоб была на столе к завтраку. А не понравится мне — взрежу глотку этим самым обломком. Пошел!

Он толкнул Рыжа мордой в грязь, отвернулся и зашагал к сторожке. Лис поднял голову, выплюнул грязь и обрадовался. Ведь он еще жив! Но надолго ли... Поймать рыбу и приготовить ее в грозу, под ливнем...

— Ай!

Удар ожег спину лиса. Над ним зловеще навис Муха:

— Еще? Чего отдыхать разлегся? Плохой матрос. Получил приказ — выполняй. Эй, ты, хвост, постой, отдай одеяло, я им от дождя прикроюсь. Займитесь завтраком для капитана. Живо все к пруду!

В спальне аббатства все онемели от ужаса. Крысы! Несчастья сыплются на аббатство как из рога изобилия.

Шилли никогда не видела крыс.

— Кто такие крысы?

Торан пригнулся к ее кроватке и поправил одеяло. Остальные малыши уже заснули.

— Это крысы не простые, крошка. Это корабельные крысы, морские пираты. Они очень непослушные и нехорошие. Но ты их не бойся, они там, снаружи, а мы здесь, в спаленке, в постельке. Нам тепло и уютно. Спи.

Аббат опустился на кучу камней и устало спросил:

— Сколько их там?

— Трудно сказать. Темно и дождь... Но около полусотни будет. И вооружены до зубов. Нам с ними не совладать.

Старуха мышь Милда всхлипнула и заныла:

— У-у-у, они всех нас перебьют, вот увидите! Если не хуже! О-о-о-о, бедные наши головушки!

— Прекратить! — прикрикнула на нее Марта. — Не надо сеять панику.

Испуганная Милда замолчала.

Аббат Кэррол благодарно кивнул Марте:

— Спасибо, Марта. Что ж, все стало еще хуже. Атаковать их бессмысленно. Есть предложения?

Кротоначальник Двурл степенно откашлялся:

— Хурр, прорыть проход наружу можно. Выберемся незаметно, тихо. Такое у меня предложение.

Обитатели аббатства оживились, послышались голоса, на все лады обсуждавшие перспективы предложенного способа спасения.

Торан перекрыл гул голосов:

— Нужно обсудить. Что скажете, отец Кэррол?

— Спасибо, Торан. Прежде всего, план Кротоначальника очень разумный. Возможно, мы спасем малышей и всех, кто захочет к ним присоединиться. Но я останусь здесь, это мой долг.

— Я тоже останусь, — присоединился к нему Торан, — Я не отдам Рэдволл пиратам.

Марта решительно хлопнула лапой по подлокотнику кресла:

— Рэдволл — мой дом, другого у меня нет. Я никуда отсюда не уйду.

Послышался хор голосов:

— Остаемся! Мы остаемся!

— Хурр, что ж, извините... — пробормотал смущенный Двурл.

Аббат Кэррол положил лапу на плечо крота:

— Не надо извиняться, друг, план хороший. Но никто не хочет уходить. Какие еще предложения?

Магам взмахнул медной ложкой:

— Хурр, сэрр, сражаться!

Сестра Сетива отняла у него ложку, чтобы уберечь окружающих от этого смертельного оружия.

— Помолчи, маленький кошмар, не мешай взрослым.

Торан поднял малыша на лапы:

— Магам внес ценнейшее предложение. Мы должны принять бой. Но помните, наша цель — не умереть, а спасти аббатство и жить дальше в счастье и мире. Постараемся держаться до возвращения выдр. А там уж мы с ними справимся.

Сестра Порттула тряхнула своим оружием, кочергой. Обычно сдержанная и спокойная, она удивила всех своим воодушевлением:

— Отлично сказал, Торан. Мы не можем превратиться в воинов, но должны стать защитниками родного дома. Упорно держать осаду, пока не вернется Командор с выдрами. Нелегко нам придется. Запасы пищи истощаются, воду придется расходовать экономично...

Крошка Бафл перебил сестру Порттулу.

— Никкапуттаватаванна! — возбужденно заливал он, пуская пузыри.

Марта повернулась к Шилли:

— О чём это он?

Маленькая белочка улыбнулась во весь рот и сделала сальто:

— Если воды нет, то не надо мыться! Уй-я-а-а-а!

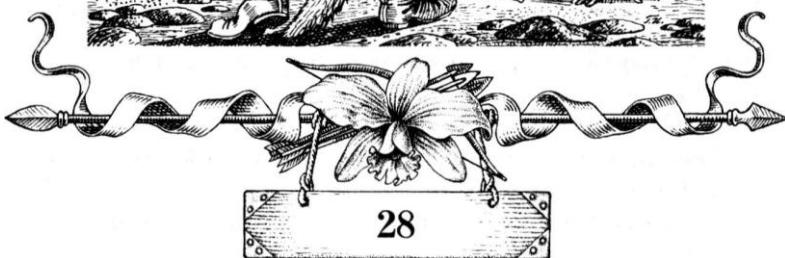
Все присутствующие дружно захохотали.

Ливень наконец иссяк, перешел в моросящий дождь. Почесывая затылок крюком, Рага Бол вывалился из кровати старого Фреда и вышел на порог сторожки. Отхлебнув грота из походной фляжки, он прислушался к стонам и причитаниям, доносившимся от пруда. Муха добросовестно подгонял свою команду. Капитан перевел взгляд на здание аббатства. Неплохое приобретение! Зачем рисковать жизнью в штормовом море, если у тебя такое отличное местечко.

Оскалив зубы, Рага Бол заорал во всю глотку:

— Завтра узнаете, кто такой капитан Рага Бол, мышки!

28

Сочной переход утомил молодую троицу сверх всякой меры. Саро и Брагун, опытные, закаленные бродяги, и те чувствовали себя уставшими и вымощанными. Фенна спотыкалась, засыпая на ходу, не понимая, чего ей больше недостает — сна, пищи или воды. То же чувствовала и Спринголд. Они с трудом представляли лапы, пытались вдыхать поменьше пыли и проклинали себя за то, что покинули Рэдволл.

Восточный горизонт мрачной пустыни наконец засветился сначала грязно-серым, затем и оранжевым светом. Высунулся абрикосовый краешек утреннего солнца.

— Смотрите, как красиво, ребята, — попытался развлечь молодежь Брагун.

— Красиво? — простонал Хорти. — Кошмар, во! Капля воды — вот где красота! Но у нас сейчас привал, да? Ночь шагаем, день отдыхаем, во?

Саро подтолкнула его вперед:

— Нет-нет, пока прохладно, топаем дальше. Вот начнет припекать, тогда и отдохнем. Чем больше пройдем, тем меньше останется.

Все понимали, что Саро права. Как ни тяжко, но надо шагать.

Солнце тем временем поднималось все выше над мертвкой пустыней и скоро раскалило пыль и обильно насыщенный ею воздух.

— Отдых! — провозгласил Брагун.

Саро принялась мастерить тент. Хорти плюхнулся наземь, подняв облако пыли.

— Хотел бы я изловить негодяя, который стырил наши припасы, во...

Брагун, спокойно лежа на животе, проворчал:

— Лучше не думай об этом. Спокойнее, береги силы.

Спринголд взгляделась туда, откуда они пришли:

— Как-то странно рябит земля. Колышется, переливается...

Фенна даже не открыла глаз. Сворачиваясь калачиком, она успокоила подругу:

— Это от жара. Парит. Мираж, одним словом.

Саро всмотрелась в указанном направлении и ткнула в бок Брагуна:

— Сдается мне, что это не мираж, Браг.

Всмогрелся и Брагун:

— Может, и мираж. Только с чего этот мираж за нами увязался? Может, земля пляшет? Ты ведь помнишь, как она плясала и прыгала, Саро?

Пожилая белка, не отрывая глаз от странного явления, добавила:

— Да, и не только плясала. Танцы были с музыкой. С грохотом, во всяком случае.

Хорти дико заржал:

— Во-хо-хо-хой! Перегрелись, старички, во! Жратъ нечего, пить ни капли, а у них тут еще земля танцует и поет! Вы-гы-гы-ты!

Брагун и Саро не удостоили его вниманием. Они продолжали наблюдение.

Брагун едва слышно проурчал на ухо Саро:

— Не-е, не земля. Коли бы земля тряслась, мы бы рокот слышали.

— Рокот, во! — Заяц даже полуприсел. — А как рокочет брюхо бедного зайчика, вы не слышите? Сыграть смогли бы на барабане моего несчастного животика? Во-о-у-у, голод, медлительный палач, вскрывает мне ореховое пузечко...

Хвост выdryи уложил зайца наземь.

— Заткнись и дрыхни. Не мешай.

Хорти не делал попыток встать или пошевелиться, но от последнего слова удержаться не смог:

— Пал сраженный грубой выdryой... погиб под хвостом, образно выражаясь... Спокойной ночи, друзья! То есть спокойного дня.

Молодежь почти сразу захрапела. Саро тоже прикорнула, но Брагун лежал на животе и внимательно обшаривал глазами пустыню. А пустыня подползала к нему все ближе. Тихо, осторожно, неспешно. Теперь он мог различить, из чего эта ползучая пустыня состояла. Еле заметно придвигались к нему мелкие бугорки. Вот они задержались. Поползли. Снова задержались, на этот раз совсем близко. Один бугорок отделился от массы и снова пополз.

Брагун чуть тронул ухо Саро, и она мгновенно проснулась. Проследила направление взгляда друга. Приготовилась... Брагун тронул хвостом ее ступню. Второй раз... третий... Старый, много раз проверенный сигнал. Одновременно они бросились вперед, схватили бугорок... Тот завизжал, заверещал, стал извиваться в цепких лапах... Земля мгновенно ожила. С визгом и свистом сотни мелких существ бросились наутек. Пойманный разбойник все еще вертелся и извивался, но тщетно. Его плотно спеленали тряпкой, и он уже не мог пошевелиться.

Саро вытащила острый нож:

— Ха-ха, ворюга, попался! Прощайся с жизнью.

Брагун с мечом в лапах следил за обстановкой, готовый отразить возможное нападение.

Саро бросила сверток с пленником молодежи:

— Вот вам куколка, детишки, поиграйтесь. Будет рыпаться, попытается удрать — дайте ему по лбу как следует.

Спринголд и Фенна крепко держали пойманного зверька. Хорти распутал мелкую мышь с длинным хвостом и белым пушистым животом. Большие темные глаза печально уставились на зайца.

Подошел Браг и воткнул меч в землю у самого носа пленника:

— Где наша пища и вода, бандит? Говори, не то прикончу!

— Ф-фи-и-и-и-и! — пронзительно завизжал зверек.

Пустыня сразу же отозвалась на этот вопль негромким гулом. Как будто рокот множества очень маленьких барабанов. Саро обернулась на звук:

— Ох, глянь-ка, Браг!

Перед ними выстроилось войско из множества крохотных существ, одетых в серые накидки из сухой травы.

— Что-нибудь сделать? — тихо спросила Саро Фенна.

— Подожди.

Браг выступил из-под навеса, держа пойманного зверька за хвост. Он поднял пленника повыше и поднес к нему острие меча Мартина:

— Отдайте наши припасы! Верните пищу и воду, или я убью его. Понятно? Не отдавите — он покойник!

В ответ толпа дружно забарабанила лапками по земле, вздымая вокруг себя облако пыли. Топот оборвался так же резко, как и начался, пыль осела и развеялась. Мелкие твари замерли, пожирая глазами Брагуна.

Пленник внезапно завопил:

— Чи-и-и-и-ирк! Убивай! Никто никогда не получал воды от крыс-джебрилрат! Выпей мою кровь, но воды тебе не будет!

— Крысы? — удивилась Спринголд. — Такие милые с виду создания. Большие печальные глаза...

Саро резко оборвала ее:

— Помолчите, мисс. Плевать, какие они с виду. Крыса есть крыса, как бы она ни выглядела.

— Все меня поняли? — выкрикнул Браг под возобновившийся топот стаи джебрилрат. Он отхватил у пленника половину усов. — На очереди его голова! — прорычал Браг.

Фенна прошептала Хорти:

— Неужели он убьет беззащитное существо?

Хорти пожал плечами:

— Вопрос выживания, во. Не получим пищи и воды — протянем лапы.

Крыса улыбнулась Брагу:

— Если я умру, один рот убавится. Останется вода и пища. Убивай меня, большой зверь.

Брагун замялся.

— Ну-у... никогда не убивал беззащитных тварей, — смущенно проворчал он.

— Ладно, друг, не оправдывайся, — махнула лапой Саро. — Давай я попробую.

Она схватила крысу за шиворот и от души ее шлепнула:

— Ладно, не отдавайте наши припасы. Но я буду лупить тебя, дрянь, до тех пор, пока ты не скажешь, где мы можем найти воду. Большую воду. — Саро изобразила лапой волны и влепила зверьку еще одну затрещину.

Крыса слегка обмякла:

— Два дня пути куда-то к юго-востоку, вроде так.

— Вот ты нас и отведешь.

— Я Джибо, джебрилвождь. Я вас убью, потому что я не трус, как этот большой с лопатой вместо хвоста.

Саро нежно улыбнулась и туго обмотала вождя веревкой:

— Брагун у нас добренъкий, водится за ним такой грешок. Но я безгрешная, имей в виду. Я тебя вмиг размажу по земле, как мелкую муху. Веди к воде, не то пожалеешь, что мой друг тебя не прикончил. — И она наградила вождя еще одним пинком.

Пропал дневной отдых! Путешественники двинулись дальше, сопровождаемые толпой джебрилрат, которая время от времени переговаривалась со своим плененным главою, точнее, «перетаптывалась» с ним, колотя лапами землю.

— Джебрилрат могут долго обходиться без воды, — сообщил Джибо. — Вы скоро станете слабыми-слабыми. Мы вас тогда убьем, вот. Мои крысы всех вас убьют.

Саро резко дернула за веревку, и Джибо кувыркнулся в пыль. Она отвесила ему оплеуху и проворчала:

— Странно, почему ты не можешь одновременно шевелить лапами и языком. Каждый раз, когда разеваешь пасть, падаешь.

— Чушь несешь! — разозлился джебрилвождь. — Я лучше тебя и бегаю, и говорю.

Саро снова дернула за веревку:

— Вот видишь, опять брякнулся. Каждый раз, когда ты говоришь гадости — а мы от тебя только гадости и слышим, — летишь в пыль. Сдается мне, что когда ты увидишь воду и сообщишь нам об этом, то не упадешь.

Перевалило за полдень. Солнце выползло на самую макушку неба и нещадно жарило путников. Каждый шаг был как последний. Саро натянула поводок и заторопила крысу:

— Отдыхаем. Солнце совсем обнаглело.

Они устроились под плащами. Заснули. Когда Саро встрепенулась, Джибо как раз догрыз веревку и рванулся к своему племени. Саро устремилась вдогонку, крикнув:
— Хорти, хватай!

Хорти мгновенно бросился за беглецом и почти настиг его, когда сверху донеся резкий крик:

— Кий-и-и-и-и!

Джибо припал к земле, а Хорти получил по ушам. Его задел большой коршун, падавший с неба на Джибо. Легко подхватив зверька острыми когтями, он с победным воплем взмыл в голубую высь. От стада поднимались вверх еще три таких хищника, каждый сжимал в лапах добычу. Джебрилрат, вереща от ужаса, понеслись в западном направлении.

Наступившую тишину нарушил Хорти:

— Ну и птички, во! Врагу не пожелаю такого... Да они и есть враги, во. Надо же, свалился с неба такой матрац с перьями, и готово дело, ты уже пища... Да, у него-то есть пища, а у нас-то нету, во!

— Ужасное место! — вырвалось у Спринголд. — Вот почему эти джебрилрат так враждебно относятся ко всему окружающему.

— Как мы теперь воду найдем, без проводника? — печально проговорила Фенна.

Брагун пожал плечами:

— Да просто пойдем дальше, как шли.

Они заковыляли дальше, но ближе к вечеру Фенна рухнула наземь, потеряв сознание. Саро нагнулась надней, обмахивая ее голову платком и растирая лапы:

— Жар и жажда! И нечем даже губы смочить...

Брагун быстро принял решение:

— Хорти, мы идем искать воду. Спринг, остаешься здесь с Саро и Фенной. Или мы вернемся с водой, или умрем. Скорее вернемся, чем умрем.

Саро и Спринголд помахали вслед друзьям лапами:

— Удачи, друзья!

— О нас не беспокойтесь, возвращайтесь скорее!

И двое зашагали в густые сумерки и неизвестный лес.

Хорти бодрился, хотя лапы его тряслись и разъезжались, а тело отказывалось слушаться. Брагун, конечно, не в пример выносливее, но и ему каждый шаг давался с трудом.

— Принесло сюда этот куст, во! Специально, чтобы я о него споткнулся, — бормотал Хорти.

К его удивлению, Брагун задержался возле противного куста, сорвал с него несколько листьев и понюхал их:

— Это не простой куст, приятель. Это окопник. Вода рядом. Вода!

Они почувствовали прилив энергии и двинулись дальше. Брагун вдруг замер и поднял лапу, остановив зайца. Он указал вперед, где из-за толстого дерева исходило какое-то свечение. Явственно слышалось журчание бегущей воды.

Брагун вытащил меч и проворчал:

— Держись за мной и не делай глупостей. За деревом кто-то жжет костер. Хорошо, если друзья...

Хорти фыркнул:

— Как же, найдешь тут друзей. До сих пор сплошняком друзья попадались... Подальше от таких друзей, во...

— Помолчи, — перебил его Брагун. — Сейчас увидим.

У костра собралась премилая компания: две большие ящерицы, три жирные жабы и один уж. Над костром на прутьях пеклась и жарилась всякая мелкая рыбешка. Чужаков уже услышали и готовились их встретить. Одна ящерица преграждала подход к воде, другие подготовились ее поддержать в случае необходимости. Ручеек журчал и исчезал за росшими неподалеку хвойными деревьями.

Брагун вежливо поклонился, заметив, что все глаза устремлены на его меч:

— Добрый вечер всем, мы за водой пришли.

Одна из ящериц заскрипела и попыталась имитировать голос выдры:

— Добрррр вечеррр всеммм, м'поводу прррршили-и-ки-ки...

Хорти заметил несколько кувшинов-тыкв с водой.

— Вода, знаете, такая жидкость приятного вкуса-запаха, во, ее можно и глотать, глотать... А это что за рыбка такая? На ощупь, интересно, как она... Можно на правое дело пожертвовать, на поддержание заячьего рода, во...

Самая большая ящерица подхватила копье с кремневым наконечником, и вся компания потихоньку двинулась к пришельцам, окружая их.

— Вода-а-а-а. Да-а-а-а. На-а-аша вода-а-а. Ры-ы-ыба и вода-а-а — не да-а-аром, не да-а-аром. Да-ай, да-ай сюда-а! — Ящерица указала копьем на меч.

Брагун не слишком испугался воинственных жестов «гостеприимных» хозяев.

— Почему нас здесь все в дураков обрядить стараются? — обиженно спросил он у Хорти. — «Наша вода», «наша рыба», «наш ручей», и лес, и все вокруг. А бедная Фенна умирает от жажды. Подержи-ка, приятель. — Он протянул зайцу меч. — Просто стой здесь и держи оружие. Это приказ!

— Есть сэр, во! А что вы намерены предпринять?

— Да ничего особенного, — проворчал Брагун. — Воды добыть.

Издав оглушительный боевой клич, он бросился на строптивое зверье:

— Дорогу!

Хорти выпучил глаза и разинул пасть, увидев, как его старший товарищ мгновенно распахнул местных жителей. Он сломал копье ящерицы о ее голову, потом схватил рептилию за лапы и запустил в ручей. Сжав загривок второй ящерицы, он стукнул ее головой о дерево. Головой ужа и своим хвостом отступил жаб, которых тоже столкнул в ручей. Оглушенная вторая ящерица все еще сидела под деревом, тупо глядя на его ствол. Брагун обвязал

ящерицу ужом и нацепил обоих на нижний сук этого же дерева.

С видом добросовестного работника, выполнившего всю порученную ему работу, он отряхнулся и забрал у зайца меч.

Открыв одну из тыкв, Брагун попробовал воду, сморщился и сплюнул.

— Эй, милейший, вылезай из ручья да смени воду в тыквах, — крикнул он зайцу. — Давай быстрее, Фенна ждет.

Хорти полоскал и наполнял тыквенные бутыли, беседуя с самим собой:

— Каким же он в молодости был? Да, лучше с ним быть, чем против, во. Этот парень один целой армии стоит.

— Хватит бормотать, ты скоро там?

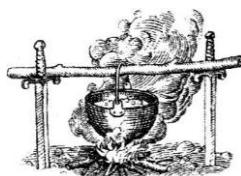
— Готово, сэр! Готово, во, последнюю наполнил.

Из веток смастерили два коромысла, навесили на них тыквы, по две на каждое. Напились, подкрепились рыбой и отправились в обратный путь.

Завидев издали навес, они понеслись к нему во весь опор.

— Эй, сонные тетери! — орал Хорти. — Вот вам водоносы водичку волокут, во! И рыбка есть! Во-во-во!

Никто на его вопли не отозвался.

«ЗАЖИЛИСЬ МЫ
НА ЭТОМ СВЕТЕ...»

КНИГА
ТРЕТЬЯ

Утреннее солнце играло в сторожке золотистыми блестками пылинок. Рага Бол ковырнул своим серебристым крюком-налапником в зубах, выплюнул огрызок рыбьей кости.

Настроение у капитана — лучше некуда. Давненько такого не бывало. Он отлично выспался, и никакие псы полосатые сон не потревожили. Барсук отодвинулся на задний план, как-то поблек с момента прибытия в Рэдволл. Рага Бол ощущил прилив силы, очутившись в этих мощных стенах из красного песчаника. Он уже считал Рэдволл своим домом. Не надо больше бороздить опасные морские просторы, сиди себе в этой неприступной крепости да управляй властною лапой всем Лесом Цветущих Мхов. Лорд Рага Бол! Звучит!

Возле двери трясяся Рыж, ожидая решения своей судьбы. Над ним нависал брюхом Муха, поигрывая веревкой-линьком. У лисы отлегло от сердца, когда он

услышал наконец грубый, но довольный голос капитана:

— Хха, едал я и похуже, да все равно жив, сто килек мне в глотку! Что это за рыбка, приятель? Травки тоже... ничего, ничего приправил.

Рыжий больше не заикался:

— Голавль, сэр. С грибами-пуговками, укропом и петрушкой.

Капитан похлопал свое набитое пузо:

— Голавль... Нормальное имечко, м-да... — Он цыкнул зубом. — Муха, как ты думаешь, что мы с этим голавлевым поваром сейчас сделаем? Обезголавлим, ха-ха-ха! Или ты с него своим линьком мясо снимешь? Может, мне его крюком выпотрошить?

— Крюком лучше, — мерзко ухмыльнулся Муха. — Чего у него там внутрях, глянуть бы.

Крюк вытянулся вперед, и перед дрожащим лисом снова вплотную свирепая морда Раги Бола.

— Займешься здесь уборкой. Все выскоблишь, постель заправишь, мелкий безголавль... Муха, ты тут над ним повиси, пощекочи шкуру, если ему отлынивать вздумается.

Капитан, прихватив саблю и кинжал, вышел на крыльцо:

— Глимбо, собирай команду. Пора проведать наших местных друзей.

Всю ночь кроты таскали в спальни камни. Возле одного из окон устроилась Марта в своем кресле. Рядом с ней стояли Торан и аббат Кэррол. Повариха Гурвель принесла им завтрак:

— Хурр, пора подкрепиться. Кушайте на здоровье!

Торан принял за овсянку с медом, но тут же про нее забыл.

— Внимание! Идут!

К аббатству тянулась толпа крыс. Впереди гордым шагом шествовал капитан Рага Бол. Он приветственно помахал лапой.

Торан хмыкнул:

— На атаку не похоже.

— Пусть попробуют! — мрачно пробормотала Марта, сжимая свежезаготовленную перечную бомбу.

Аббат молча протирал очки краем рукава.

Крыса, шагавшая рядом с капитаном, взмахнула ржавым топором и заорала:

— Выкатывайтесь оттудова подобру-поздорову, не то силком вытащим!

Капитан вытащил саблю и двинул крикуну рукоятью по затылку. Он наступил морским сапогом на спину свалившейся крысы и строго молвил:

— Ай-яй. Разочаровал ты меня, приятель. Что за манеры? Разве можно так грубить добрым зверям?

Капитан вернул саблю на место и повернулся к команде.

— Следите за собой, когда общаетесь с благородной публикой, — приказал он суровым голосом и ухмыльнулся, подмигнув пиратам. Затем, блеснув позолотой клыков, отвесил элегантный поклон в сторону аббатства. — Приншу свои извинения, желаю здравствовать! И с вашим главным поговорить хотелось бы. А зовут меня Рага Бол.

Отозвался отец Кэррол:

— Я Кэррол, настоятель Рэдволла. Что вам угодно, сударь?

Рага Бол склонил голову к плечу, с видом чуть ли не наивного скромника:

— Да так, по мелочам... того сего... Ничего особенного, батюшка настоятель. Всякими мелкими побрякушками интересуемся.

Торан, помня о стреле, которая чуть не прервала жизненный путь Кэррола, выступил вперед, заслонив

собой аббата. В одной лапе он сжимал большой кухонный нож, другой обхватил сверток с перцем.

— Что ты имеешь в виду, сладкоречивый? Того, сего... — Он поочередно приподнял обе лапы. — Выбирай «то» или «се», а больше ничего не получишь. Не считай нас дураками. Нечисть остается нечистью, как бы сладко ни пела, и мы это знаем.

Рага Бол соображал быстро и слов более не тратил. Он прыгнул к двери и крикнул команде:

— Вперед! Ломай дверь!

— Рэдво-о-о-олл! — раздался сверху боевой клич.

В крыс градом посыпались камни и перец. В честь Раги Бола врезался выпущенный из пращи камень. Он бросился прочь, крича:

— Назад! Назад! Отходим на дальность их выстрела!

Крысы бросились от стен аббатства, сначала стремглав, затем пятясь, чтобы видеть летящие снаряды и лучше от них увертываться.

Марта сидела с трясущимися лапами. Все произошло так быстро! Сначала одни разговоры, а затем шум, суматоха, неразбериха... Она попыталась унять нервную дрожь.

Торан кивнул ей:

— Все отлично!

Снизу сквозь многоголосое чиханье донесся голос пиратского капитана:

— Эй, вы, там, наверху! Значит, так вы обращаетесь с мирными пришельцами? Добром не хотите? Ладно, мы вас выкуrim. Выжжем.

Капитан зашагал к домику привратника. Команда тем временем приходила в себя. Раненые занялись своимиувечьями, а пораженные перцем, чихая и спотыкаясь, неслись к пруду, не разбирая дороги.

Марта не скрывала своей тревоги:

— Он сказал, что выжжет нас.

Торан свесился в окно, глядя на главный вход аббатства:

— Правильно сказал. Что ему еще остается? Двурл, нам надо будет еще земли и камня.

— Хурр, ясное дело, сделаем. Нароем.

— Что ты задумал, друг? — обратился к Торану аббат.

— Здание каменное. Дверь из дерева, ее можно поджечь. Значит, надо ее заблокировать, завалить полностью. Сейчас же, не теряя времени.

От хорошего настроения капитана не осталось и следа. Не думал он, что эта мелочь там, в аббатстве, устоит при виде его могучей рати. А они, видишь ли, вздумали сопротивляться! Бол подошел к пруду, где команда отмывалась от перца, а Флинки с остатками лесной банды безуспешно пытался изловить рыбину для капитана. Пираты взмутили воду и распугали всю рыбу. Капитан сорвал свой гнев на подвернувшемся под лапу Флинки, пинком сбросив его в воду.

Горностай вынырнул, отплевываясь:

— Сэр, мы стараемся поймать рыбку вам на ужин. Так ведь, друг? — обратился он за подтверждением к своим товарищам по несчастью.

Полкотлеты с готовностью откликнулся:

— Хрумк!

— Смойтесь с глаз моих, живо! — проворчал капитан угрожающе и потянулся к сабле.

Но неудачники уже улепетывали в сторону сторожки.

Феррон подошел к капитану и запустил в пруд плоский камешек.

— Чего ждем, капитан? Надо их сразу выжигать!

Но Бол уже считал аббатство своим и не горел желанием портить свое добро. Он перевел взгляд на Вирту:

— Что скажешь, старая?

Вирга начертила на береговом песке какую-то странную загогулину:

— Были бы здесь сыны Вирги, те, наверху, бесшумно отправились бы к Адским Вратам.

Бол раздраженно уставился на нее:

— Но их нет! Есть у тебя какие-нибудь предложения?

Колдунья почувствовала опасные нотки в голосе капитана.

— Разведи костер на травке перед их окнами. И пошли еще одного гонца с последним предупреждением. Может быть, вид пламени их отрезвит.

Эта полумера капитану понравилась.

— Феррончик, обеспечь мне костерчик. Дровец там, маслица лампадного... На лужаечке. Вирга, возьми Чакку и дуй предупреждай. Предложила — сама и выполняй. Скажи этим дуракам, чтобы дурака не валяли. Чтоб поумнели.

Рыжий домыл пол в сторожке и хотел было разогнуться, но тут же получил по спине линьком.

— Вона, тама, в углу за дверью!

Тут Муха увидел в окне физиономию Флинки:

— Чего тебе, хитрая морда?

Горностай виновато улыбнулся:

— Извините, сэр, капитан послал. К себе вас кличет.

Он у пруда.

Муха напоследок пнул лиса:

— Вернусь — чтоб закончил. Проверю. Шкуру спущу! Ты, хитромордый, помоги ржавчину.

И Муха удалился, на ходу ловко сшибая линьком головки всяких дурацких травочек-цветочков.

Лис протянул Флинки мокрую тряпку:

— Начинай окна мыть, я посмотрю там, за дверью.

Горностай на тряпку не обратил никакого внимания.

Он горячо и сбивчиво забормотал:

— Хватит, рвем когти! Крысы все у пруда, у ворот никого! Смыываемся скорей!

Рыжий тупо уставился на горностая. Тот выхватил у лиса тряпку и запустил ее в угол.

— Не стой столбом! Идешь или рабом останешься?

Рыжий задрожал:

— А если поймают?

Флинки с презрением отвернулся:

— Ну и черт с тобой, великий вождь! Время не ждет. Он понесся к воротам. Лис впроприжку понесся за

ним:

— Ребята, я с вами!

И вот они за воротами, несутся на юг и заворачивают к востоку, в лес. Створки главных ворот лениво скрипят, медленно разворачиваясь по ветру.

На берегу пруда Рага Бол правил о камень острие своей сабли. Он нехотя поднял голову, услышав шаги Мухи:

— Ну, что еще стряслось?

Толстяк отсалютовал линьком:

— Этот горностай сказал, вы меня вызвали, капитан!

Муха ловко увернулся от капитанова крюка.

— Дубина! Нашел, кому верить! Дуй обратно и проверь, что они там... Шевели своим толстым задом!

Тут он увидел возвращающихся Чакку и Виргу и молитвенно возвел очи к небесам. Оба парламентера были с макушек до пят покрыты грязью.

— Н-ну, докладывайте, что ли, — проворчал капитан, которому все уже стало ясно без всякого доклада.

Вирга выковыривала всякую гадость из ушей, отдирала ее от шерсти. Слюннув и откашлявшись, она заговорила:

— Мы ничего не успели им сказать, капитан. Так, Чакка?

Вирга зашла в пруд и начала отмываться, а Чакка продолжил:

— Нас сразу окатили помоями, а кроты высыпали кучу земли. Чуть не похоронили там, под окном. Мы удрали, а они все валят землю, похоже, хотят зарыть дверь, чтоб нам ее не поджечь было.

Капитан отшвырнул камень, которым точил саблю.

— Костер уже разожгли?

Вирга вылезла из пруда и отряхнулась:

— Да, капитан. И дерево горит. Трепещет пламя. Дым валит клубами.

Рага Бол метнулся к костру. Глянув в сторону аббатства, он увидел, что высокий портал главного входа уже почти полностью завален землей и камнями. Подбежав к костру, капитан пнул торчащее из него полено, саблей отбросил другое.

— Глимбо, сюда! Погасить немедленно! Нам понадобится дерево, чтобы влезть на холм, который они нам насыпали.

Одноглазый Глимбо, стоявший неподалеку и зачарованно глядевший в огонь, откликнулся на приказ капитана:

— А что, плохой мы костер сделали?

— Ты не видишь, что дверь засыпана? — заорал Бол вне себя. — Землю жечь будешь? А из дерева сделаем лестницы. По ним и по кучам доберемся до окон. Шевели мозгами! Почему я за всех думать должен?

Подбежал Муха:

— Смылись эти рыжие жулики! Ворота нараспашку!

Бол спокойно, выговаривая каждое слово, как будто говорил с непонятливым малышом, отчеканил:

— Иди и ищи. И без них не возвращайся. Глимбо, к тебе это тоже относится. Догоните и верните всех до одногого.

Марта слышала каждое слово.

— Вот, их уже чуть меньше, — улыбнулась она аббату.

Сестра Сетива не видела причин для радости:

— Что будет, когда они полезут в окна по лестницам? Нам надо еще что-то придумать.

В спальню появился Кротоначальник Двурл. Физиономия его расплылась в широкой улыбке.

— Хурр, о воде можно больше не беспокоиться. Мои кроты откопали в погребах колодец.

Это сообщение не рассеяло озабоченности сестры Сетивы.

— Это очень хорошо, но вряд ли поможет нам отбить крыс.

Торан пожал испачканный рабочий коготь Кротона-чальника:

— Отлично, друг. Теперь кроме земли тащите сюда ведра с водой, как можно больше.

Повар подмигнул Марте:

— Посмотрим, как они будут карабкаться по куче грязи.

Марта захлопала лапами:

— Гениальная идея, Торан! Через денек-другой эти разбойники пожалеют, что связались с нами.

Рага Бол вернулся к воротам, которые снова заперли Феррон и Роджин. Он вошел в сторожку в сопровождении Вирги. Плюхнувшись на кровать, капитан уставился в потолок и заговорил о своих планах:

— Как стемнеет, атакуем. Останешься здесь. Я дам тебе пару матросов. Зажжете свет, будете топать да хлопать, делать вид, что вас много. Я со всеми остальными

неожиданно нападу на аббатство. Эти деревенские увальни и моргнуть не успеют, как мы окажемся внутри. Полы их кровью вымою!

Вирга отважилась открыть рот:

— Ворота останутся закрытыми, капитан? А что, если вернутся Глимбо и Муха с пленниками? Или мои три сына с Кливером?

Капитан искоса глянул на Виргу:

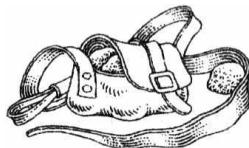
— Что, у них лап и глоток нет, что ли? Позовут да постучатся — откроете.

Вирга потупилась.

— Слишком долго их нет. Ты ведаешь, о капитан, жив ли большой барсук? — почти прошептала она.

Рага Бол понял, о ком беспокоится Вирга:

— Я им не нянька, твоим сосункам. А Кливер в няньке не нуждается. Они получили задание и должны выполнить и доложить. Полосатого еще раз помянем — останешься без головы.

30

Хорти стревоженный Хорти развел лапами:
— Куда они делись, во имя всех сезонов? Им же сказано же было же — ждать здесь, сидеть спокойно, во.

Брагун поднял лапу:

— Тихо. Замри на месте. Вообще не шевелись, не поднимай пыль. — Он пригнулся к земле и принял обшаривать и обнюхивать поверхность, — Ага, вот их следы... и еще один. Собирай пожитки и следуй за мной!

Хорти принял собирать плащи и оставленный багаж, а Брагун оставил и то, что у него было, и быстро устремился по следу.

— Во, во, ты чего? Что ты делаешь? — удивился Хорти. — Мы так долго тащили эту воду, а теперь...

— Речь идет о жизни и смерти. Старайся поспеть за мной.

И Брагун бросился вперед, насвистывая какую-то странную мелодию.

Хорти возмущенно задвигал ушами:

— Во, вопрос жизни и смерти, а он тут развлекается, песенки насвистывает! Хоть бы мелодию выбрал задорную...

Наконец Брагун увидел вдали три фигурки. Саро и Спринголд пятались, волоча Фенну, а за ними ползла гадюка. Заслышиав свист, змея остановилась, свилась в кольца и высоко подняла голову. Не самая большая, видел Брагун и побольше, но яд ее мог убить всех пятерых путешественников. Продолжая свистеть, Брагун обнажил меч и улыбнулся неожиданному повороту судьбы. Охотник превратился в дичь.

Выдра и змея не успели сблизиться, когда раздался предостерегающий возглас зайца:

— Сверху три коршуна, во!

Молниями упали две птицы на гадюку. Змея не успела использовать свои смертоносные зубы. Клювы и когти коршунов мгновенно растерзали ее и разодрали в клочья. Испустив победный клич, крылатые хищники исчезли с добычей в безоблачном небе. Третий коршун строго покосился на Брагуна и устремился за товарищами.

— Жалею, что не научилась у тебя свистеть, — улыбнулась выдре Саро. — Хорти, да ты воду несешь!

Нагруженный кучей вещей заяц рухнул в пыль под тяжестью пожитков.

— Вода, во-во, вода, мэм, но вам придется сделать за ней еще шаг-другой. Меня больше нет, во.

Брагун снял с него ношу, поднял две тыквы с водой:

— Отдохни, отдохни, ты славно потрудился. — И он подошел к Саро, Фенне и Спринголд. В рот Фенны Брагун сначала вливал воду по капле.

Саро рассказала об опасном приключении с гадюкой:

— Перед рассветом приползла эта гостья. Такую гадость я за версту чую. Пришлось спасаться. Мы от нее — она за нами. Вовремя вы подоспели, спасибо, братцы.

— Брагун, научишь меня так свистеть? — спросила Спринголд.

— Как-нибудь в другой раз, мисс, — пообещал Брагун и взвалил на спину Фенну. — Сейчас отправимся к воде и тени. Мы с Хорти обнаружили неподалеку сосновый лесок.

— Сосновый бор! — вырвалось у Саро. — Журчащий ручеек... Я уже забыла, что такие прекрасные вещи существуют на свете.

К соснам они подошли около полудня. Хорти понесся к ручью, повернув голову назад и крича отставшим товарищам:

— Вот оно, это место, во! Здесь Брагун отдал эти грубиянов. Он их ка-ак...

Бум! Хорти с налету врезался в торчащий из ствола толстый сук и рухнул без сознания.

Саро побежала к нему и присела рядом:

— Вот олух длинноухий! Теперь у нас двое больных, целый лазарет.

Весь этот день они провели у ручья. Саро и Брагун отправились в лес собирать съедобную растительность, а Спринголд осталась следить за больными. Фенна чувствовала себя уже лучше, когда вернулись Саро и Брагун. Они принесли чудесные грибы, дикий лук, множество вкусных ягод и корешков.

Брагун обрадовался, увидев, что молодая белка быстро поправляется:

— Выздоровливаешь, красавица? Молодец. Как нам понравится свежий салатик? Костер здесь разжигать не стоит, опасно, лес бы не спалиТЬ.

— Спасибо, Брагун. Уже радуюсь салатику.

Как только Брагун принялся рубить мечом все принесенное для салата и свежий, пряный запах поплыл в воздухе, заяц моментально пришел в себя:

— Во-во-во! Сюда его! Салат, салат! Превыше всех наград!

Фенна не могла удержаться от улыбки при взгляде на зайца:

— Бедный Хорти, у тебя такая здоровенная шишка между ушами! Извини, что я смеюсь. Тебе, должно быть, очень больно.

Хорти обвел товарищей гневным взглядом:

— Что, смешно? Вид воина, сраженного в бою, вызывает у вас смех? Что ж, я продолжу путь, во. Несгибаемый и непреклонный.

Фенна схватилась за бока:

— Пойдем вместе, я уже совсем здорова, ха-ха-ха! Идем за ним, он теперь так бережет голову, что наверняка поранит хвост. Придется примочки и на хвост нацепить, ой, умора!

Лес казался бескрайним. Наступил вечер, а они все еще петляли между деревьями. Опустились зеленоватые сумерки. Хорти мрачно молчал, общаться с «предателями» он принципиально не желал.

Они шагали по лесу всю ночь. Брагун ушел вперед на разведку. Он вернулся с рассветом, принес в плаще кучу черники.

— Гляньте, что я нашел. Там река впереди. Я ее не видел, но слышал. Привал! Отдохнем, пожуем.

При виде спелых ягод печаль Хорти развеялась.

— М-м-м, гораздо вкуснее грибов. Во, ребята, а почему все зеленое?

— Потому что еще толком не рассвело, а вокруг зелень. Листья, трава... Свет проходит сквозь зеленую листву...

— Ладно, ладно, ты меня просто хочешь утешить. Да ладно, во, проживу и в зеленом мире. Го-го-го, Брагун, морда зеленая, как кислое яблоко! Га-га-га, Спринг, ты как лук зеленый! А-га-га! Фенна — пучок травы!

Саро ухмыльнулась:

— Ну вот, совсем пришел в себя. Опять он наш привычный Хорти, великий и ужасный.

Утро росло и крепло, а путешественники все топали по лесу. Теперь все они отчетливо слышали шум реки.

— Широкая река, — заметила Саро. — Заглянем-ка в карту, Брагун.

Брагун вытащил карту:

— Верной дорогой идем, товарищи. Хотя Матти-мео шел другим путем. Вот скалы, обрыв, здесь пыльная пустыня, а вот и сосны. Из лесу выйдем на открытую местность, а там и река. Вперед, друзья.

Глубоко под ними раскинулась равнина, холмы, поросшие кустами, далее — узкая береговая полоса и широкая быстрая река. Прежде чем спуститься, они задержались на небольшом скальном выступе. Хорти уселся и зевнул.

— Болит? — участливо спросила Саро.

— Побаливает, — промямлил заяц. — Больше усталость мучает, во. И голод.

— Приляг там, в кустах, отдохни. Мы тебя позовем, когда пойдем дальше.

Четверо продолжили спуск. Они цеплялись за кусты и чахлые деревца, упирались пятками, чтобы не съехать по склону. И тут Брагун пригнулся и сделал знак остальным спрятаться:

— Вон, под нами, на берегу... Мои друзья, которых я вздул у ручья. В прошлый раз их было меньше.

На берегу поджидали три десятка жаб, ящериц, тритонов и ужей. За рекой стояли лагерем еще с полсотни таких же воинственных созданий. Как по команде, они подняли оружие, в путешественников полетели тростниковые копья и дротики. Саро ответила камнем из пращи. Толстая жаба неожиданно ловко отпрыгнула в сторону. Брагун тоже взялся за прашу, но, швырнув два камня, махнул лапой:

— Это нас в Обитель не перенесет. Они сидят и ждут, им торопиться некуда.

— Что же делать? — уставилась на него Спринголд. Саро передала мышке пращу:

— Поупражняйся пока. Вы втроем продолжайте обстрел, а я махну по округе, на разведку. Поищу мечечко, где удобней переправа. А стемнеет — незаметно улизнем отсюда.

— Хорошая идея, — кивнула Фенна.

— У Саро все идеи хороши, — убежденно кивнул Брагун.

— Спасибо за комплимент, Браг. Ну, теперь дайте им хорошенъко, чтобы они не заметили, как я скроюсь. Раз... Два... Три!

Засвистели камни, Саро ускользнула в сторону. Снизу опять взлетели в воздух тростниковые дротики. Перестрелка продолжалась, а Хорти, ничего не замечая, мирно спал под кустами.

Саро продвигалась вдоль берега. Впереди река выгибалась дугой. Белка выскочила к самой воде и понеслась вдоль излучины, шурша береговой галькой и вслушиваясь в хлопотливое бормотание воды. Но вот послышались еще какие-то звуки. Кто-то пел. Узнав мелодию, она пропустила вовсю и скоро уже смогла различить слова:

Понесло меня весло,
Через год встречай.
Поцелуй детишек,
Колыбель качай.

Год я буду ждать отца,
И дождусь я срока,
И услышу на реке
Голос издалека.
Лог-а-лог! Лог-а-лог! Лог-а-лог!

Ленточки тебе везу —
Ничего не жалко!
Эта шляпка для тебя
И красная качалка!

Папа шлепает веслом,
Вырасти большая,
Вместе с ним я уплыву,
Сильная такая!
Лог-а-лог! Лог-а-лог! Лог-а-лог!

Сложив лапы рупором, Саро завопила во всю мочь:
— Логалогалогало-о-о-о-ог!

Вверх по реке продвигались шесть лодок. Впереди шла самая большая, выдолбленная из ствола дуба, оснащенная квадратным алым парусом с большой геральдической буквой «Б». В лодках размещалась сотня землероек, мелких, но свирепых зверьков. Голову каждого зверька украшала пестрая повязка, на бедрах у них болтались юбки-килты, придерживаемые широкими поясами с медными пряжками. К поясам привешены короткие рапиры и кинжалы. Вождь их, занавешенный громадной седой бородой толстяк, стоял на носу переднего судна. Он дал сигнал повернуть к берегу.

Лишь только нос лодки коснулся берегового песка, вождь соскочил на берег и сжал Саро в объятиях:

— Саробандо, лепешечка моя, наконец-то я тебя нашел! Пастбище взгляда моего! Радость несказанная! А где твой веслохвостый разбойник? Жив еще? Что с вами еще приключилось? Ха-га-га!

Саро дернула землеройку за бороду и расцеловала в щеки:

— Лог-а-лог Бригти, бочка речная, я так обрадовалась, когда услышала вас! Отпусти, я ведь не каменная, раздавиши! Сейчас все расскажу. Мы застряли выше по

реке. Там на берегу Брагун и наша молодежь из аббатства держатся против всяких жаб и змей. Их три десятка на этом берегу и еще больше на том. Поможешь, Бригги?

Брови Лог-а-лога угрожающие сползлись, когда он услышал о жабах и змеях.

— Голые гады? Терпеть ненавижу! Мнят о себе, тоже... Повелители гнилых луж. Капитаны стоячих потоков. Где моя Агата-гадошлепка?

Землеройки передали вождю тяжелую боевую дубинку. Он ласково погладил свое оружие:

— Старушка Агата не одну лягушку олягушкила... оглоушила на своем веку. Она их только по разику це-лует — и больше не надо.

Бригги подозвал молодого воина-землеройку, очень похожего на него:

— Мой старший, Джиггер. Он уже шестой сезон среди воинов и неплохо себя проявил, неплохо. Джиг, пойдешь с Саро. Выбери позицию и жди. Атакуешь по моему сигналу.

Джиггер пожал лапу Саро:

— Не опоздать бы к схватке.

Вооруженные дубинками, пращами и рапирами землеройки быстрым шагом устремились за Саро и Джиггером. Лог-а-лог Бригги прыгнул в свою лодку и направил флотилию к противоположному берегу. Он первым соскочил на берег, поглаживая свою дубинку и бормоча:

— Ну, дождалась, Агатушка, наконец-то погуляешь. Извини, дорогая, все случая не было.

Наступила ночь. У окна спальни сидят Торан, Марта, брат Гелф и брат Велд. На полу отдыхают уставшие рэдволльцы. Костер на лужайке погас. Виден лишь свет костра у домика привратника. Аббат Кэррол появился из кухни, толкая перед собой тележку:

— Пора подкрепиться. Здесь свежий суп и сырные палочки, только что из печи.

— Бабуля Гурвел — наше сокровище, — признательно покачал головой Торан. — Готовит как и в мирные времена, ничуть не хуже. Спасибо, Кэррол.

Аббат Кэррол всмотрелся в окно:

— Затишье. Крысы, должно быть, ужинают у костра. Может, сегодня ночью будет спокойно?

Брат Велд и брат Гелф обменялись скептическими взглядами.

— Как же, ночью для них самое раздолье. Наверняка они готовятся к вылазке.

Кэррол указал поварешкой на отдыхающих рэдволль-цев:

— Но готовы ли мы к отражению штурма? Бандиты нас не предупредят!

Брат Гелф усмехнулся:

— Предупредят, отец Кэррол.

И в тот же момент снаружи послышались вопли и ругань.

— А вот и они, — спокойно сказала Марта. — Друзья, по местам!

— Что случилось, можете мне объяснить? — недоумевал отец настоятель.

Марта показала на Гелфа и Велда:

— Их идея. Мы выбросили из окон битое стекло. Вот кто-то из крыс и предупредил нас. Вон как вопят!

Рага Бол двинул по уху своему волящему матросу.

— Заткнись, кретин! Чего орешь?

Матрос прыгал на одной ноге, подхватив другую передними лапами.

— Кусается, капитан! — сдавленно прохрипел он. — Че-то куснуло, насквозь ногу продрало, вант буду, чтоб мне флагом подавиться.

— И подавившись, пикни только еще, десять рей тебе в глотку! Вся внезапность наスマрку из-за твоих

воплей! Вперед! — заорал Бол, плюнув на стратегию и тактику.

Услышав приказ пиратского капитана, Торан еле слышно произнес:

— Воду!

Тотчас кроты опрокинули наружу ведра, ушаты, кастрюли и горшки.

Крысы в первой шеренге швыряли на кучу земли ветви, доски, поленья.

— Вперед, ребята, нас не остановит горшок воды! — подбодрил их Рага Бол.

Крысы полезли по деревянному настилу, который тотчас утонул в жидкой грязи. Самые длинные доски, однако, достали до перемычки над входной дверью. Рага Бол тут же отдал очередной приказ:

— Феррон, Вислокоготь, Риндж, по доскам к окнам — марш!

Сжав зубами клинки, пираты ловко полезли по доскам, скрипевшим и прогибавшимся под их весом.

— Даешь, братцы, даешь! — подбадривал Рага Бол.

Но в головы крыс полетели перечные бомбы и камни.

Крысы судорожно вцепились в доски, стараясь удержаться.

Торан с четырьмя помощниками уперся багром в среднюю доску. Они оттолкнули ее от стены.

— Дави, дави, друзья! Навались!

Доска стала вертикально, на мгновение задержалась и рухнула назад вместе с вцепившимися в нее крысами.

Багры и шесты уперлись и в две другие доски. Марта, впившись в подлокотники, подбадривала защитников Рэдволла:

— Сильнее! Еще сильнее! Изо всех сил!

Доски соскочили с перемычки и поехали по стене, царапая песчаник, — одна вправо, другая влево. Крысы

выбирались из грязи, а воздух потряс оглушительный вопль защитников аббатства:

— Рэдво-о-о-олл!!!

Марта улыбалась сквозь слезы, когда вдруг замерла от ужаса: на подоконнике появился пират Феррон. Когда средняя доска отделилась от дверной перемычки, он успел перепрыгнуть на выступающую наддверную балку. Дотянувшись с нее до подоконника, он подтянулся и, сжав кинжал, выпрямился в оконном проеме. Перед ним, отвернувшись от окна и подняв лапы вверх, стоял отец Кэррол, присоединившийся к всеобщему победному кличу. Радостный аббат смотрел на Марту, время для которой, казалось, остановило свой бег. За спиной аббата — занесенный над ним кинжал пирата. Гулко ударили в сознании молодой зайчихи колокола тревоги. Раздался громовой голос Мартина Воителя:

«Спасай аббата!»

Марта выпрямилась, рванулась вперед, оттолкнув Кэррола, и спихнула крысу с подоконника.

Торан бросился к ней:

— Ты пошла, Марта! Ты пошла! Ты пошла!

Сага Бол отвернулся и зашагал прочь. К нему подошел хромающий Роджин:

— Капитан, с ними не так легко справиться. Они не такие простачки, какими кажутся.

Бол проворчал, не оборачиваясь:

— А ты только сейчас понял? Отбой. В аббатство можно как-то попасть, и я туда проникну. Я отсюда не уйду. Это моя собственность, понял? Все это мое! Мое!

Глубоко в лесной чаще, в юго-восточном направлении от аббатства, Флинки без сил рухнул в траву. Вся шайка в изнеможении свалилась рядом. Рыжий лис, на которого никто больше не обращал внимания, из последних сил подполз к ним поближе и пристроился с краю. Прошли дни его атаманства. Теперь все смотрели на Флинки — ведь это Флинки вырвал их из крысих когтей.

Все еще тяжело дыша, Кривохвостиха махнула лапой своему приятелю:

— Удрали! Даже не верится...

Полкотлеты улыбнулся новому герою:

— Хрумк!

Того же мнения придерживался и Сливонос:

— Дальше что, а, Флинки?

Горностай-триумфатор, всегда готовый ответить на любой вопрос, все еще тяжело дыша, пробормотал:

— А что мы сейчас можем? Бежать бы да бежать, не останавливаясь, но мы все равно выдохлись. Спрячемся получше да отдохнем. Завтра рванем на юг. Что нам нужно? Место, где есть жратва, вода, где нас никто не тронет. Так?

— Лучше не придумаешь, — отозвалась Юппа.

Голозад забрался под кусты и зарылся в кучу прошлогодних листьев. Так же устроились и остальные. Словоохотливый Флинки продолжал свою проповедь:

— Хватит с нас дурацких высоких целей и стремлений. Забудем о магических мечах, боях и осадах. Лежи себе на берегу, грейся на солнышке, набив брюхо, не порть настроения себе и окружающим. После всего, что мы испытали, надо отдохнуть.

Громадный нос Сливоноса учゅял что-то неприятное.

— Ф-фу-у, ребята, че-то воняет гадостно. Кто-то здесь того... маленько околел... тому назад...

Юппа стремглав выскочила из кустов:

— Б-р-р-р! Я наступила на чью-то мертвую морду. Личинки кишмя кишат!

Все в ужасе кинулись бежать дальше.

— Не судьба здесь отдохнуть! — проворчал на бегу Флинки. — Придется поискать местечко получше.

И они скрылись в лесу, оставив то, что раньше было Кливером, наедине с прожорливыми личинками.

Около полуночи тем же маршрутом шли еще два путника. Глимбо лениво переваливался с лапы на лапу, а Муха постоянно принюхивался и осматривался по сторонам.

Глимбо и не думал искать беглецов.

— Найдешь их, пожалуй! В лесу, ночью... Безнадега! Даже фонаря у нас нет.

— У меня есть нос. И без фонаря обойдусь. До сих пор их след вел, и дальше не потеряю.

Он снял с себя длинный кнут, обмотанный вокруг пояса, и свирепо щелкнул им:

— Ох и пожалеют они! Шкуры не оставлю, пока приведу в аббатство!

Глимбо лениво плелся за Мухой. Тот вдруг застопорил, вернулся на несколько шагов, закружил, бормоча что-то под нос.

— Ну вот, потеряял. Я же говорил! — торжествующе заявил Глимбо. — Плюнь, давай вернемся. Наши в крепости уже добычу делят. А наша доля тю-тю, ничего нам не достанется.

Муха мрачно посмотрел на Глимбо:

— Тебе-то что... А я их упустил. Я не могу без них вернуться.

— Ой, Муха, очень они Болу нужны! Ну врежет он нам по шее разок-другой, ну обложит словцом ласковым... Ты чем там занялся?

Послышались резкие удары.

— Огонь высекаю. Сделаю факел. Я их найду.

Глимбо уселся к дереву.

— Ищи, ищи. А когда надоест и пойдешь обратно, разбуди меня.

И Глимбо тут же захрапел. Муха, вглядываясь во тьму, упрямо продолжал шнырять по лесу.

Лонна Острый Глаз издали заметил свет. По лесу брел кто-то с факелом. Лонна бесшумно поднялся. Огонек приближался к нему. Вот он уже совсем рядом. Муха, уткнувшись носом в землю и бормоча проклятия в адрес беглецов, прошел в шаге от барсука. В памяти Лонны промелькнули события роковой ночи, черты нападавших на них с Троном крыс. Лонна надел тетиву на лук и мгновенно оказался рядом с крысой.

Муха вдруг почувствовал, как что-то сильно резануло по горлу. Шея оказалась зажатой между луком и тетивой. Барсук успел подхватить падающий факел.

Муха попытался повернуть голову и прохрипел:
— Убью!

Лонна подтянул добычу поближе. Крысу удерживал от падения только лук. Ноги отказались служить, когда он в свете факела различил голову барсука, пересеченную страшным шрамом. Язык вдруг обрел невиданную ранее гибкость.

— Это не я, нет, нет! Меня там и близко не было. И вообще я очень мирный парень...

Рывок — и Муха захрипел и замолчал.

— Это не ты, друг, конечно, конечно, — почти ласково согласился барсук. — Вы все милейшие создания, когда рядом нет вашей стаи. Ты никогда не грабил, никого не убивал, спать ложился вовремя, пил только молоко и воду. И говорил только правду. Так вот, расскажи-ка мне всю правду, если не хочешь умереть медленно и мучительно.

Мухе было нечего терять. Он рассказал все, о чем его спросили, все, что знал. Большой барсук сдержал слово: Муха не умер медленной и мучительной смертью. Он умер мгновенно.

Разбуженный приближающимся светом факела,
Глимбо зевнул и потянулся:

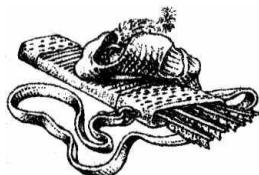
— Конечно, никого не поймал...

Больше он не успел ничего сказать. Длинный
кнут Мухи примотал его шею к стволу дерева.

— Посиди-ка спокойно, — пророкотал глубокий
бас.— Ты меня проводишь в аббатство. Понял?

— Понял, — просипел Глимбо, и острый кинжал
разрезал веревку кнута. Крыса сразу же рванулась
прочь.

— Ладно, — вздохнул Лонна. — Сам доберусь.
И он прицелился в убегавшую фигуру.

Gенна пригнула голову, уклоняясь от очередного тростникового дротика.

— Сколько у них этих штук? — вырвалось у нее.

Зажужжала праша в лапе Брагуна.

— Тростника да камыша пропасть по берегам. Ломай да заострай, вот и вся работа. Я и сам когда-то такими пользовался.

Саро вдруг оказалась рядом:

— Да только лапа у тебя для такого оружия тяжеловата.

Брагун поскреб хвост:

— Ты откуда взялась?

Саро улыбнулась, наслаждаясь произведенным впечатлением:

— Нашла я излучину реки. И угадай, что еще?

Она махнула лапой, и ее окружила толпа землероек.

Брагун радостно загудел:

— Гуораф! Ну и ну! Молодец, Саро.

Саро указала на Джиггера:

— Да, землеройки Гуораф. А этот парень тебе никого не напоминает, Браг?

Брагун всмотрелся в физиономию молодой землеройки, заметил проклонувшуюся бороду.

— Да ты никак родней Лог-а-логу Бригги приходишься!

Джиггер на лету перехватил дротик и запустил его обратно. Сразу же со стороны противника раздалася вопль пораженной твари.

— Бригги мой отец. А вы, стало быть, Брагун, бешеная выдра. Отец о вас рассказывал. Очень приятно познакомиться.

Фенна шепотом спросила у Саро:

— А что такое Гуораф?

— Это кочевой союз землероек-воинов. Мы с ними дружим. И дрались бок о бок, приходилось. Мне иной раз кажется, что они кочуют, чтобы найти, где подраться.

Джиггер сообщил о полученных от Бригги указаниях:

— Мы держимся здесь, а когда папаня с войском высадится на тот берег, скинем этих в речку.

— Разумно, — похвалил Брагун. — Эта толпа обосновалась внизу прочно. Солнышком наслаждаются, загорают.

— Вот мы им цвет загара изменим, — проворчал Джиггер.

Саро заметила легкое движение камыши у дальнего холма.

— Похоже, Бригги разворачивает свои силы. Теперь уже скоро.

Но Хорти, сам того не ведая, поторопил события. Он вдруг выскоцил из своего укрытия и стремглав пронесся мимо, вопя на ходу:

— Землеройки, во! Откуда, а? Я здоров и жрать хочу! А что там, на мелководье?

В него полетели дротики. Три из них проткнули тюрбан из бинтов и застряли в нем. Ошеломленный заяц застыл в трех шагах от противника, который тоже почему-то не двигался.

Неожиданное появление Хорти нарушило первоначальный план. Джиггер крякнул, и все бросились вперед. Каково же было их удивление, когда они увидели воинство врага, уткнувшееся мордами в песок и замершее у лап Хорти. Заяц величественно возвышался над ними, три дротика торчали из его тюрбана.

Саро набросилась на него:

— У тебя котелок не только болит, но и не варит. Куда ты вылез?

— Выбирайте выражения, мэм. К божеству обращаетесь все-таки, во. Видите, как моему величию поклоняется местное население?

— Тебя могли убить, идиот! — выбрала выражение Спринголд.

— Логалогалого-о-о-о-ог! — донеслось с противоположного берега: Бригги повел своих землероек на врага.

Почитатели Хорти, распростертые у его ног, подняли головы, увидели землероек, воинственно размахивающих дубинами, и рванулись к реке.

— Вы куда, ребята? — удивленно спросил Хорти, шагнув за ними.

Шипя и квакая, беглецы плюхнулись в воду.

Заяц пожал плечами и отвернулся от реки. Тут он заметил воинство Джиггера.

— Ох, я помешал, во? Вы хотели вздуть моих поклонников? Охотно помогу, во.

Он снова повернулся к реке, рванулся в воду и очень удивился, когда на нем повисли четыре землеройки.

— Да что вы, ребята, не боюсь я их ни капли, во!

Джиггер фыркнул:

— Знамо дело, не боишься. Не их в реке надо бояться. Смотри, лопоухий!

Он с копьем наперевес шагнул в воду. Вытянув копье торцом вперед, он погрузил его в воду в двух шагах перед собой. Почти сразу копье задрожало, затряслось. Джиггер вытащил древко — конец был изжеван, измочален, на нем висели две мелкие рыбешки, состоявшие, казалось, только из челюстей с длинными, острыми и часто натыкаными зубами.

— Вот кто здесь, в реке, главный.

Прыгнувших в воду сносило вниз по течению. Они оглашали воздух воплями, вода вокруг них окрашивалась кровью.

— О-во! — У Хорти задрожали уши и лапы. Он обмяк и сел где стоял.

На противоположном берегу землеройки Бригги устроили настоящее побоище. Они накрыли толпу врагов большим парусом, прижали края и колотили дубинами по выступам, будь то головы, хвосты или зады. Парус постепенно перестал дергаться, и все затихло.

Над рекой раздался зычный бас Лог-а-лога Бригги:

— Сейчас лодки пришли, подождите, ребята!

Опасная и без преувеличения бурная переправа закончилась. Путешественники вытащили лодки и с удовольствием отдыхали на берегу. Хорти беспокойно зашевелил носом и обратился к Бригги:

— Во, Бригги, это ужином так вкусно пахнет? Отлично ваши повара готовят!

Лог-а-лог усмехнулся:

— Ох уж эти вечно голодные зайцы! Трудно, должно быть, тебя прокормить, братец.

Заяц скромно потупил глазки:

— Нет, сэр, я ем мало, почти ничего... Тут кусочек, там крошечку... В последнее время вообще аппетита нет, во. Но если вкус у вашего ужина такой же прекрасный, как и запах, то отведаю.

Ужин не обманул ожиданий. Повара землероек славились своим искусством по всем рекам и водоемам. Землеройки с восхищением следили, как в пасти Хорти исчезают непосильные для них количества пищи.

— М-м-м-ням, во! Еще той кашки, пожалуйста... И меду на нее, во, меду побольше. Ревеневая крошенка-мешанка! М-м-м... Спасибо... Да нет, зачем же кружку пачкать, давайте весь кувшин, во, попросту, скромненько... без всяких кружж... Буль-буль-буль...

Брагун проворчал:

— Как рыба в воде за столом себя чувствует, обжора. Он их загоняет, подавать устанут.

Бригги с восхищением смотрел на Хорти:

— Ему надо было землеройкой родиться. Я видел, как он выскочил против жабьей рати, глазом не моргнул. Для этого храбрецом надо быть. Браг, что смеешься?

Брагун действительно едва заметно улыбался.

— Да, храбрецом. Или идиотом. Я тебе потом о нем расскажу.

Хорти добрался до миндально-виноградного пудинга:

— М-м-м, вкуснота, во! Никогда такого не пробовал. Где повариха, я ее расцелую.

Подошел маленький беззубый старишок в поварском переднике.

— Я тут главный повар, сэр. Что вам угодно? — спросил он, ухмыляясь.

Хорти поперхнулся пудингом:

— Э-э... Отличный пудинг, просто чудо, сэр, во! Вся еда — лучше не пробовал, большое спасибо... Ну да, все, не хочу вас больше отвлекать от вашей благородной деятельности.

Ужин подходил к концу. Бригги уже отдавал очередные распоряжения:

— Пленных можно отпустить. Если попадутся строптивые, пообещайте швырнуть в реку, это им не очень нравится. — И он повернулся к Брагуну и Саро.

— Ну, ребята, поведайте, что привело вас в наши края.

Бригги узнал о цели путешествия и задумчиво погладил бороду:

— Гм, Глинобитная Обитель... Слышал я о ней. Но чтобы попасть туда, где, по слухам, находится эта самая Глинобитная Обитель, надо переправиться через бездонное ущелье. У вас карта есть?

Брагун достал карту, а Бригги вытащил из пояса и сунул в глаз монокль.

— Глаз уж не тот, — пояснил он, вздохнув. — Ну, что у нас тут?

Он внимательно всмотрелся в старый пергамент:

— Да, знакомая местность. К юго-востоку отсюда. Эти две скалы я видел. А это большое дерево, Властелин Цветущих Мхов, свалилось еще до того, как деды моих дедов увидели свет. Буря сдула, или, скорее, земля стряхнула, когда прыгала.

— Но эти две скалы ты знаешь?

Бригги отложил монокль:

— Знаю, знаю. Денек-другой по реке на восток, потом к югу от берега. Места, правда, не сахар.

Брагун похлопал по рукояти меча:

— Это нам не в новинку. Но вверх по реке ты нас доставишь, друг? До этих скал, Колокола и Головы Барсука.

— Конечно. Но вот ущелье... Я не знаю никого, кто бы через него перебрался.

Саро не теряла уверенности в себе:

— Справимся. Мы уже не раз одолевали то, с чем до нас никто неправлялся.

Джиггер тем временем присматривался к мечу Брага.

— Отличное оружие! — вырвалось у него.

Брагун вытащил меч. Как живой, играл бликами в наступавших сумерках меч Мартина Воителя.

— Да, славный клинок. Мне его дал на время аббат Рэдволла. Это меч Мартина Воителя.

Весть о легендарном мече молнией облетела весь лагерь, и вскоре Брагуна окружила толпа любопытствующих.

— Вот он какой...

— Говорят, его выковали в горе барсуков из куска звезды, упавшего с неба.

— Вообрази, владеть таким мечом!

Джиггер вытащил свою короткую рапиру и взмахнул ею:

— Побалуемся?

Бригги пихнул Брагуна локтем:

— Покажи ему, что можно делать мечом, ежели умеючи.

Брагун неспешно поднялся, но сразу как будто превратился в молнию. Джиггер не понял, как меч успел отхватить у него часть усов и сбить бандану с головы. Брагун зарычал:

— Кррровь и кости!

Рапира Джиггера покинула лапу хозяина, блеснула в воздухе и воткнулась в нос лодки его отца.

Джиггер восхищенно покачал головой:

— Как это делается, друг?

— Тренировка! — развел лапами Брагун.

— Можно посмотреть на меч? — раздался вопрос одного из собравшихся.

— Конечно,— ответил Брагун. Он слегка подпрыгнул и бросил меч. Клинок один раз почти лениво перевернулся в воздухе и воткнулся в лодку рядом с рапирай Джиггера. — Осторожнее. Очень острый.

Джиггер легко выдернул из борта свою рапиру, но меч одолеть не смог. Брагун вернулся на свое место и сел рядом с Бригги. Тот покачал головой:

— Где это ты так навострился?

— Научил меня этим фокусам один лихой заяц Дозорного Отряда из Саламандастрана. Вот это был мастер меча!

Хорти отвлекся от остатков гигантского пирога:

— Заяц Дозорного Отряда! Вот кем хотел бы я стать.

Саро похлопала его по туго набитому нузу:

— Для этого нужно меньше питаться и больше тренироваться.

Заяц обиделся:

— Откуда возьмется сила без нормального питания?

Брагги поддержал зайца:

— Верно, Хорти. И поспать тоже иногда необходимо. Полезай в мою лодку, отдохни. Утром отправимся вверх по реке. Я тебе разрешу веслом поработать, для мышц полезно. Идите с Джиггером отдохните.

Хорти прихватил с собой хлеба с сыром и грушевой наливки.

— Спасибо, капитан! Только захвачу кой-чего против ночного истощения. Я этим недугом с самого раннего детства страдаю. Врожденная болезнь. Джиг-

гер, друг, ты бы тоже взял чего-нибудь. Нет? Ну, смотри не приставай потом ко мне.

Джиггер и не думал приставать к Хорти. Его гораздо больше заинтересовал еще один из пяти путешественников. Он не сводил глаз со Спринголд. Помог ей забраться в лодку-логоход, набрал для нее подушек, выбрал одеяло помягче. Хитрая кокетка нещадно эксплуатировала его слабость, милостиво позволяя себя обслуживать.

— О, спасибо, мой друг, вы так добры! — лепетала она, с невинным видом хлопая длинными ресницами.

Фенна ловко впрыгнула в лодку и плюхнулась на приготовленные подушки:

— Очень удобно! Здесь вполне хватит места для нас обеих. Спасибо, Джиггер, друг!

Сидя у огня с Бригги и Врагом, Саро следила за молодежью.

— Приятно на них глядеть, когда они так мирно общаются, без всяких ссор и склок.

Бригги поправил пламя палкой и усмехнулся:

— Быстро летят сезоны. Так, Браг?

Брагун полировал меч Мартина куском влажной коры.

— Да, друг, и никуда от этого не денешься. Эти трое юнцов с нами — правильные ребята. Иногда на них приходится покрикивать, но они быстро учатся. Кстати, на карте обозначены длиннохвостые в пустыне за рекой. Это опасно?

— Длинные Хвосты? Мой дедуля лупил их и гонял еще до моего рождения. Они вам не опасны, а вот пустыня... Хотите, мы вас проводим?

— Нет, спасибо, Бригги. Одну пустыню мы одолели, одолеем и вторую. Оставайтесь у реки. Справимся!

Бригги, казалось, почувствовал облегчение:

— Спасибо, Саро. Я не люблю отдаляться от реки. А вот через шесть дней мы вернемся туда, где вас ссыдим. И пойдем обратно другим путем. Есть там один водопад... В общем, увидите. Домой попадете быстрее.

Брагун пожал землеройке лапу.

— Ты настоящий друг, Лог-а-лог Бригги.

Вождь землероек поднялся:

— Пойду вздремну. Если только ваш Хорти не стащил мою постель. Нам, старикам, надо спать не меньше, чем молодежи. Спокойной ночи, старые бродяги!

Брагун и Саро остались у костра вдвоем. Брагун смотрел в пламя.

— Стареем, — вырвалось у него. — Наверное, когда вернемся, пора осесть в Рэдволле. Может, братец Торан обучит меня поварскому ремеслу.

Саро пристально смотрела на него:

— Ну и хорошо. Я останусь с тобой.

— Мы ведь с детства вместе. И не знаю, как я смог бы без тебя...

Они заснули возле костра, и снились им сны далекого детства.

У свет, а Марте уже не спится!!! Как это прекрасно и чудно — передвигаться на лапах, а не на колесах. Марта слишком долго была прикована к своей каталке, поэтому первые неуклюжие шаги давались нелегко, неловко, даже мучительно. Поначалу Марта хваталась за столы, опиралась на стенки, чуть не падая, махала лапами... Пришлось даже выпросить терновую палку у сестры Сетивы.

«Мне ведь она не для ходьбы, а для мелюзги... так ведь эти разбойники все равно никаких палок не боятся», — проворчала сестра Сетива, втискивая зайчихе в лапы символ своей власти.

Юная зайчиха медленно спускалась по лестнице, останавливаясь, чтобы насладиться новыми ощущениями. Она ходит!

Настоятель отец Кэррол медленно следовал по ступеням Марты, наблюдая за ее упражнениями. На лестничной площадке Марта повернулась и увидела аббата:

— Доброе утро, отец Кэррол!

— Прекрасное утро, юная мисс, — просиял аббат. — Рад за вас. Любуюсь вами.

— Кончайте болтать, бездельники! — прогудел сверху вышедший на лестницу Торан. — Лучше доставьте завтрак доблестным защитникам аббатства, бдительным стражам, всю ночь не сомкнувшим глаз.

— На сколько персон, сэр? — отозвалась Марта. — Пять, десять, двадцать? Мгновенно обслужим.

Из Большого зала донесся голос поварихи Гурвел. Она возглавляла обоз из трех тележек, нагруженных провизией.

— Хурр, мэм, завтрак — задача кухни. А вы лучше поднимайтесь в спальню да отдохните в кресле. Лапам отдых нужен.

К Торану присоединился брат Велд:

— Слушайтесь Гурвел, Марта. Наша повариха шутить не любит, а поварешка в ее лапах — грозное оружие.

Завтрак наверху, неудобный для взрослых, доставлял запертым в четырех стенах малышам желанное развлечение. Они не переставали играть, шалить и распевать даже за едой. Малышня прыгала и кувыркалась среди горшков, банок и коробок, не выпуская из лап горячих ватрушек.

— Ох, мисс Марта, скорей бы избавиться от этих гадких крыс! Малыши совсем одичали! И их можно понять. Озвеешь тут! По травке не побегать, в саду не поиграть, школа не работает... Ну, в школу-то они не рвутся. Марта, ты меня слышишь? Что с тобой, дорогая? — встревожилась сестра Портул, заметив скорбный взгляд Марты, устремленный куда-то вдаль, в окно.

— Извините, сестра. Я только сейчас сообразила, что Брагун и Саро, Хорти и его подружки — все они из-за меня отправились в неизвестные края. И все их усилия впустую, ведь я уже хожу! А они там подвергаются опас-

ностям. И не могут нам помочь здесь. Все из-за меня. Какой жестокой иногда бывает судьба!

Сестра Портула попыталась ее утешить:

— В этом нет твоей вины, Марта. Ведь так, Торан?

Торан присоединился к сестре Портуле:

— Что за чушь, Марта! Вот представь себе, не ушли бы они. Все случилось бы иначе. И ты торчала бы в своем кресле, вместо того чтобы ходить и приносить всем еще больше пользы. И не говори мне об опасностях, которым они там подвергаются. Опасность угрожает тем, кто встанет Брагу и Саро поперек дороги. Радуйся, что сможешь выбежать им навстречу, когда они вернутся в аббатство.

На Марту горячая речь Торана произвела сильное впечатление. Она сжала лапу главного повара:

— Спасибо, Торан. Ты прав. Глупая я!

— И опять не то. Ты у нас самая умная, Марта. А теперь улыбнись и прогони этих негодников с полки, пока они себе шеи не переломали.

Бол мрачно точил свой протез о каменную стену сторожки. Живое и веселое утро не улучшило его настроения. Сны с полосатым вернулись. Угнетало его и вчерашнее позорное поражение. Страдающий Бол не жалел усилий, чтобы не лучше было и всем тем, до кого он мог дотянуться.

— Чего уставилась, старая карга? — гаркнул капитан.— Где мой завтрак? А вы там чего зенки вылупили? Живо пожрать капитану!

Все четверо часовых, не зная, к кому капитан обращается, и не желая раздражать начальство вопросами, рявкнули:

— Есть, капитан! — и понеслись вон, подальше от крюка и кулака.

Взгляд Раги Вола упал на сидящего у крепостной стены Роджина, прижимающего примочку к распухшему глазу.

— Чего расселся? Оставь свой глаз в покое, у тебя еще один есть. А капитан без завтрака сидит. Муха, идиот, упустил повара. Дуй за ними, за Глимбо и Мухой, помоги поймать придурков. Живо!

Следующим попался капитану Риндж.

— Эй, ты, помойка ходячая! Стань на вахту к воротам. Что увидишь — докладывай.

Капитан вернулся в сторожку, уселся в кресло Фреда и приказал подать себе книги и свитки с полок. На принесенный завтрак не обратил внимания. Но напрасно он рылся в пыли старых записей. Никакой подсказки не нашел он в мелкой мешанине строчек. Как проникнуть в эту громаду из красного песчаника? Как одолеть этих наглых карликов, мешающих заслуженному пирату овладеть законной добычей? Раздосадованный Бол смахнул груду бестолковой писаницы на пол и плюхнулся в кровать. Тяжелый сон навалился на него. Бол захрапел.

Проснувшись, Рага Бол увидел, что солнце передвинулось и уже снижается, направляясь к западному горизонту. Бол встал, отхлебнул грому, прополоскал им рот, сморщился, выплюнул. Прислушался. Тишина. Выйдя на крыльцо, капитан сразу уперся взглядом в Ринджа. Тот стоял, прислонившись к створке ворот, и... храл. Сон на посту! Бол сбил спящего сильным ударом кулака и продолжал будить его пинками:

— Кретин! Я тебя спать сюда поставил? Снаружи стоять надо! И не спать, а глаза плятить! В море ты бы у меня уже на рее болтался!

Капитан выбил засов и приоткрыл ворота.

— А-а-а-а! — завопил Риндж.

На створке ворот висел мертвый Роджин. Ему не давала упасть гигантская стрела, размерами больше похожая на копье.

За троюю стоял Лонна Острый Глаз, неторопливо поднимая лук для нового выстрела.

— Рага Бол! Смерть уже здесь! Ворота Темного Леса ждут тебя! Еу-ла-лиа-а-а-а!

Рага Бол прыгнул за ворота и захлопнул их. Дерево дрогнуло и загудело от удара еще одной стрелы барсuka. Пират отскочил, как будто боясь, что стрела прошьет ворота насеквоздь.

* * *

Сестра Сетива пыталась отодрать лапы крошки Юча от подоконника:

— Уйди отсюда, неслух.

Привлеченная суматохой у главных ворот, она подняла голову. У сторожки раздавался командный рык капитана:

— Все на стены! Копья, пращи, стрелы! Полосатого принесло!

Сестра Сетива бросила через плечо:

— Там, за стенами, кто-то новый появился. Пираты испугались, вопят.

Торан устремился к выходу:

— Наверх, оттуда увидим!

Подбежав к окнам третьего этажа, они смогли увидеть, что происходило за воротами.

Брат Велд ахнул:

— Великие Сезоны битвы! Да это же лорд барсук! Их копья и камни до него не долетают, а его стрелы до стен достают. Вот это да!

— Что «да»? — спросил отец Фред. — Я ничего не вижу.

— Барсук выстрелил из лука... Батюшки-светы, стрела-то что твое копье! Крысу этой стрелой снесло со стены, как куклу детскую. Вон, на газоне под стеной валяется.

Сестра Сетива в ужасе покачала головой:

— Такого я еще не видывала за все свои сезоны.

Рэдволльцы восторженно завопили. Лонна увидел их и помахал лапой. Осажденные махали лапами, платками, вопили, смеялись и плакали.

— Кровь и уксус, спасибо, друг!

— Покажи им, где раки зимуют!

— Великан из сказки!

— Хурра-а, громадный сэрр, крруши, кроши кррыс! Хоррош, хур-хурр...

Марта пихнула Торана:

— Не будем же мы сидеть сложа лапы?

Торан нахмурился:

— Луков и лучников у нас нет. Камни до стены не долетят. Что бы придумать...

Брат Гелф не любил привлекать к себе внимание, но сейчас он выступил вперед:

— Э-э, можно попробовать. Шест, шпагат, щебень, щепотка перца... м-да... Камешки такие, м-м-м... немногого покрупнее, чем для пращи. Придется в Большой зал спуститься.

Аббат немедленно навострил уши.

— Все найдем, Гелф. Пошли в Большой зал. Не толпитесь, дайте пройти брату Гелфу! — заторопился отец Кэррол.

Крысы пластом лежали на парапете, боясь даже пошевелиться и высунуться из-за зубцов стены. Рага Бол, как мог, вдохновлял свое воинство:

— Ничего страшного, если вести себя осторожно. Стрела стену не пробьет. Полосатая собака подойдет —

тут мы его и достанем. Не родился еще зверь, которого копье не возьмет.

— Но он тут нас замаринует, капитан, — держась по-дальше от капитана, проворчала Вирга.

— И что ты предлагаешь? — смерил ее ледяным взглядом Бол. — Бежать в атаку?

Боль от потери сыновей все еще мучила Виргу, и она не упускала возможности колынуть капитана:

— Нас тут полсотни, а он один. Силы неравны, не так ли?

Прежде чем Бол успел обдумать ответ, покой на стене был нарушен. Один из матросов вдруг чихнул, вскочил, тут же завопил и рухнул, нанизанный на громадную стрелу барсука, как рыбка на прут.

Бол быстро пополз к месту происшествия.

— Что тут у вас? Кровь и молния!

Сосед убитого пробормотал еле слышно, как будто боясь, что его услышит витающая меж ними смерть:

— Его сзади достали. Вот! — Он указал на лопнувший мешочек перца, завязанный бечевкой, вторым концом которой был обмотан небольшой камень.

Бол покосился на странную связку:

— Сзади... Из аббатства?

Матрос истово замотал головой:

— Из аббатства, капитан. Этот камень ему, должно, ребро сломал. Бедняга вскочил, а тут стрела... стрелища...

Капитан повернулся к аббатству и заметил в воздухе еще один странный снаряд. В стремительном полете к стене приближались связанные недлинной бечевкой камень и мешочек перца. Связка шлепнулась в ограждение стены над двумя крысами. Мешочек лопнул, перец рассеялся в воздухе. Одна из крыс, неудержимо чихая, уткнулась носом в парапет, другая вскочила и тоже чихнула — в последний раз за свою жизнь. Очередная стрела оборвала ее сезоны.

Внизу, в Большом зале, ставни одного из окон были раздвинуты.

Торан протянул лапу к новому чудо-оружию:

— Можно попробовать, брат Гелф?

— Прошу, — мягко улыбнулся Гелф.

Нацепив бечевку на крюк, которым заканчивался шест, Торан повернулся к окну. Держа торец шеста обеими лапами, он горизонтально положил шест на плечо, а затем сильно крутнул шест вверх. Бечевка с противовесами понеслась к стене, откуда тут же донеслись вопли и чиханье.

— Работает! — ухмыльнулся Торан.

Снарядов изготовили предостаточно. Изготовили еще несколько пусковых шестов. От добровольцев отбоя не было. Умения им, правда, не хватало. Не каждый снаряд вылетал в окно, и скоро в воздухе парило столько перечной пыли, что в Большом зале аббатства чихающих стало намного больше, чем на стенах. Зрители сбежали, стрелки продолжали свое дело, обвязав морды полотенцами.

Малыши вовсю веселились: бегали, прыгали, вопили, возились. Наконец решено было отправить их вниз, в Пещерный зал. Марта посадила на спину двоих «кротят» и, шутливо переругиваясь с ними, спускалась по лестнице. Аббат Кэррол озабоченно окликнул ее:

— Мисс Марта, не перегружайте ноги!

Марта усадила малышей на угловую скамью.

— Не беспокойтесь, отец настоятель. У меня такое ощущение, что лапы мои только что изготовлены, причем хорошим мастером.

Повариха Гурвел принялась кормить малышей свежевыпеченными пирожками, а Марта вернулась на лестницу и подсела к отцу Кэрролу:

— Этот барсук — настоящая удача для нас. Теперь все пойдет по-иному.

— Да, сразу видно, как крысы его боятся. Пожалуй, лучше было бы, если бы он оказался в аббатстве, а не за его стенами.

Марта обдумала слова аббата:

— Да, он мог бы перестрелять крыс из наших окон. Окна выходят во все стороны. Да и крысы бы сразу удрали прочь.

— А сейчас крысы не собираются покидать аббатство. Да и не могут этого сделать.

— Из-за этого они вдвойне опасны, — озарило Марту. — Вдруг они захватят аббатство? Барсук должен будет пробиваться в крепость, а потом еще и штурмовать аббатство. И все это под обстрелом. Что же делать?

Кэррола тоже мучил этот вопрос, но ответа он не находил.

— Пока мы ничего не можем сделать. Надо выжидать, пока обстоятельства не дадут нам шанса.

Марта не могла скрыть разочарования:

— Откуда шанс? Все может стать только хуже. Сейчас крысы заняты барсуком. Можно попытаться выбраться через малые ворота в восточной стене после наступления темноты. И вернуться с барсуком тем же путем.

Аббат соединил лапы, зябко потирая их в широких рукавах своей рясы:

— Нет, Марта, слишком рискованно. Подождем. Может быть, завтра. Ох, скорей бы избавиться от этих мерзавцев. Где ты, мирная жизнь?

Марта встала:

— Не отчайвайтесь, отец Кэррол. Я чувствую, что скоро мы избавимся от осады. Поднимусь в спальню, проверю, как там дела. От Большого зала сейчас лучше держаться подальше, там больше перца, чем воздуха.

— Не переутомляйся, Марта, — улыбнулся ей вслед аббат.

Марта между тем приняла твердое решение. Она должна встретиться с барсуком и привести его в аббатство. Зайчиха пробралась в одну из восточных комнат, в которой хранили белье. Выбрав несколько скатерей и простыней, она связала их концами, бормоча себе под нос:

— Справлюсь. Я уже могу не только ходить, но и бегать. После всех сезонов в кресле нельзя упустить такую возможность...

Слезть по импровизированной веревке оказалось легко. Марта и не подозревала, что передние ее лапы так окрепли от постоянного передвижения в кресле.

Са заре следующего дня Саро лежала на норме лодки рядом с Брагуном, наслаждаясь новым днем и горячей лепешкой на завтрак.

— Вот это жизнь, приятель. И не надо ноги бить. Что может быть приятней спокойной прогулки по реке!

Брагун ухмыльнулся. К ним приближался заяц, толкая перед собою солидных размеров весло. Дойдя до кормы, он вытащил весло, чтобы вслед за землеройками направиться обратно к носу и повторить процедуру. Заяц хмуро глянул на Брага, показал язык Саро:

— Бездельники, во! Сидят давят хвосты, лепешки лопают, а юный заяц чахнет с каждым шагом, и ждет его безвременная смерть.

По проходу в середине лодки, покинув ненадолго свой пост на носу, тяжело топал Бригги. Он перемигнулся с Брагом и Саро и слегка потрепал ухо Хорти.

— Даешь, даешь, длинноногий лежебока! Травить кончай, греби-толкай, — зарычал он зайцу, не гнушаясь словечками из диалекта морских и речных волков.
— Мы тебе нарастим мускулатуру. Живее, маргаритки, живее, одуванчики.

Фенна и Спринголд наслаждались почетом и роскошью на борту лодки Джиггера. У Фенны тоже появился поклонник по имени Вудл. Мышь и белка восседали на куче подушек, над ними устроили навес от солнца, их пичкали лакомствами и осипали лестью. Потом оба воздыхателя исчезли и появились снова, неуклюже улыбаясь и таща два пневматических музыкальных чудовища, похожих на аккордеоны. Гостьям сообщили, что это землердеоны. Ухажеры присели возле Фенны и Спринголд, растянули мехи, дернули за рычажки и нажали на клавиши и кнопки. Запели землеройки приятным басом, складно да ладно, вызвав у слушательниц взрывы смеха. Текст они подавали, свирепо рыча и дико вращая глазами, а припевы исполнялись елейными голосами.

После концерта кавалеры гордо прогуливались по палубе рядом с дамами и свирепо рычали на каждого, кто осмеливался повернуть голову в сторону белки с мышью.

* * *

Следующим утром караван лодок прибыл на место. Уже задолго до высадки деревья и кустарники по берегам стали реже, чахлую растительность овевал горячий ветер. На зубах заскрипел песок.

Бригги улыбался, глядя на понурые физиономии молодежи:

— Приободритесь, не на век прощаетесь. Через неделю встретимся. Что ж, удачи и счастливого пути!

— Спасибо за все, друг!

— Скоро увидимся!

Нагрузившись галетами из запасов землероек и флягами с водой, путешественники двинулись в путь.

Лог-а-лог крикнул вдогонку, стоя на носу уже отчалившей от берега лодки:

— Солнце держите на правой щеке! До темноты дойдете до Барсука с Колоколом. Думайте, как через ущелье переправиться!

Сначала шли молча. Впереди Брагун, сосредоточенная Саро шагала последней. Не хватало еще, чтобы враг напал со спины. Но вот Хорти прорвало:

— Ох, ушки печет, во. Пятки жарит. Солнце высоковоато, колодец далековоато. Мой злой рок — ходьба.

Саро дернула Хорти за хвост:

— Перестань скулить, зануда. Радуйся, что ходишь.

Мы идем, чтобы твоя сестра тоже смогла ходить.

Брагун глянул на унылых Фенну и Спринголд:

— Неплохо, неплохо. Еще два часа с таким настроением, и дождь хлынет, освежимся.

Спринголд понуро огрызнулась:

— У нас все нормально с настроением. И все равно вы ничего не поймете.

— Почему ты думаешь, что мы ничего не поймем?

— поинтересовалась Саро.

— Потому что не поймете, и все, — буркнула Фенна.

Ну как мог Хорти сдержаться?

— Во-во-во, разбили сердце бедной мышки! Оторвали белочку от друга Пудла!

Фенна топнула лапой, пустив в зайца облако пыли:

— Он никакой не Пудл, а Вудл, и он в сто раз лучше тебя, противный Хорти Бребак. Вот тебе!

Хорти отпрыгнул вперед и отвесил элегантный поклон:

— Ошибаетесь, мисс, нет на свете зверя более очаровательного, чем неотразимый Хортвил Бребак, во. Ни на суше, ни на море или, скажем, на речке. Куда уж там двум землеройкам со мной тягаться. Рыба в реке вверх брюхом всплыvalа, когда они выли свою тягомотину.

В этот раз запустила в зайца песком Спринголд:

— Замолчи, придурок лопоухий!

Хорти совсем уж собрался ответить тем же, но Брагун схватил его за ухо:

— Коли ухо дорого, прекрати издеваться над девицами. Вы все трое ведете себя не лучшим образом. А землероек снова скоро увидим, нечего носами песок бороздить.

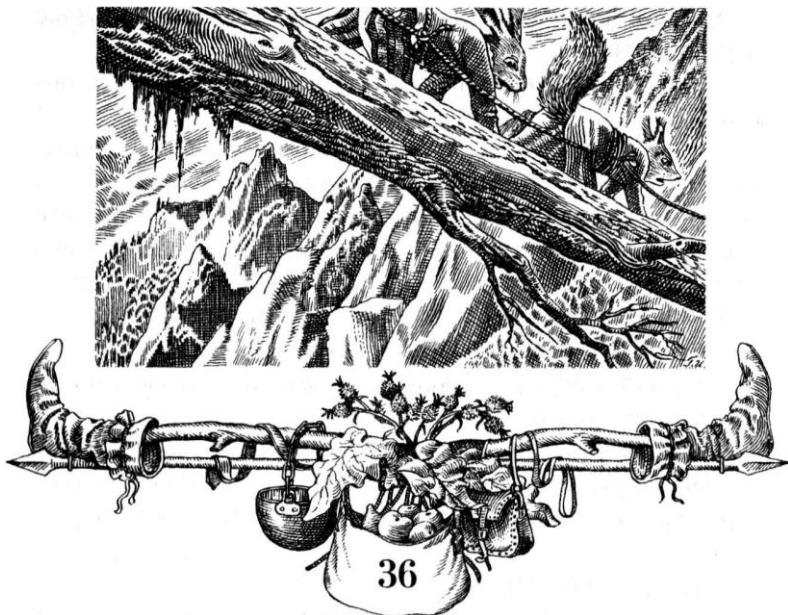
Хорти потер ухо:

— А я-то тут при чем? Это они все, я и рта не открыл, во!

Саро положила конец препирательствам:

— Смотрите, вон они, Барсук и Колокол!

два видимые в отдалении, верхушки двух знаменитых скал как будто парили в воздухе над жарким маревом пустыни. Зоркие глаза Финны тоже уловили очертания скал.

— Я тоже вижу, вижу, ура!

Спринголд встала на цыпочки и прищурила глаза:

— Как будто миражи, о которых нам рассказывал отец Фред. Интересно, сколько еще до них идти.

Брагун тоже прищурился:

— Еще далеко. Привал устроим, не доходя до них. Но надо подойти поближе.

Молодежь, не сговариваясь, умчалась вперед. Брагун и Саро посмотрели вслед.

— Видал? Они снова лучшие друзья. А только что грызлись.

— Навес устроим из плащей и посохов, — мечтала Фенна. — Ты куда разбежался, Хорти?

— Я сегодня кок, швартовы-сходни-якоря! У меня богатый опыт, во.

Спринголд замедлила ход:

— Пожалуй, стоит заглянуть в карту.

Брагун и Саро следовали за молодежью.

— Слыши, Саро, похоже, мы потеряли командные посты. Видишь еще скалы?

— Пока нет, Браг, но скоро снова увижу, точно.

Молодежи пришлось остановиться скорее, чем ожидали. Хорти затормозил, подняв облако пыли:

— Во, хвост-бока-потроха! Надо срочно крылья отращивать. Иначе на ту сторону никак... А внизу земли больше нетути, никакого дна!

Рядом осторожно вытягивали шеи, заглядывая вниз, Фенна и Спринголд.

— Да, неудивительно, что это ущелье называют большим.

— Дна-то совсем не видно!

Подошли Брагун и Саро. Брагун бросил взгляд в пропасть:

— Да, ежели кто сюда бухнется, то его уж никто никогда больше не увидит, ребята.

Саро больше интересовалась шириной ущелья:

— М-да, миленький каньончик. Глубина — вопрос десятый, мы не вниз собираемся, нам на другую сторону. Есть идеи, мысли, соображения?

Мысли Хорти были посвящены еде.

— У меня неплохая идея, во! Надо развести костерок, приготовить ужин и за едой что-нибудь придумать.

Брагун возразил:

— Поостережемся разводить костры. Не нравится мне здесь. Хорти, обустрой местечко и посмотрит, что

пожевать, я пройду вправо со Спринголд, а Саро с Фенной отправятся в другую сторону.

— Только не задерживайтесь, во, — напутствовал их заяц. — Не то сварганю что-нибудь небесной вкусности и сам слопаю.

Продвигаясь по краю ущелья, Саро посматривала через пропасть.

— До скал уже рукой подать. Два выстрела из пращи, не больше.

Фенна заметила что-то интересное внизу:

— Смотри, смотри, под нами!

— Молодец, внимательная, — похвалила Саро. — Я бы и не заметила. Возвращаемся, сообщим нашим.

Хорти приготовил фруктовый салат. За ужином Саро рассказала об открытии:

— Фенна заметила внизу толстый ствол, перекинутый через ущелье. Не знаю, откуда он и как туда попал, но по нему можно перейти на другую сторону. Очень высокое было дерево. С этой стороны ствол зажат в трещине, другой конец лежит на выступе скалы. К нему, надеюсь, можно спуститься с помощью шнура кролика Косбро.

Брагун убрал карту:

— Пошли посмотрим.

Место, где лежало бревно, находилось как раз напротив Барсука и Колокола. Брагун задумался, глядя на скалы, затем на бревно.

— Как раз здесь стояло то самое дерево, Властелин Цветных Мхов. Оно давным-давно упало, и кто-то сделал из него мост. Для этого нужно было очень много лап. И те, кто этот мост устроил, вовсе не собирались оказывать нам услугу. Хватит шнура, Саро?

— Чуть не достает до бревна, но сойдет.

— Молодежь, быстренько сворачивайте стоянку и сюда. Без шума. Может, я и ошибаюсь, но чувство у

меня нехорошее. Мы с Саро приладим шнур. Напоминаю: тихо!

Пожитки собрали быстро. Когда вернулись, увидели, что Брагун разломал свой посох пополам и защемил половинки в трещине возле края пропасти. Саро проверила прочность шнура, накинула петлю на палку и ловко начала спуск. Достигнув бревна, она взмахнула хвостом, показывая, что путь свободен. За ней спустились остальные, Брагун — последним. Саро стегнула шнуром по скале, он соскочил с палки, на которой держалась петля, и упал ей в лапы.

Хорти опасливо глянул через пропасть:

— Надо бы факел зажечь. Уже плохо видно.

— Ш-ш-ш. Не бубни! Твой голос за версту слышно, да еще эхо...

Саро обвязала всех шнуром. И очень медленно и крайне осторожно, почти ползком, они начали перевправу. Впереди Саро, последний — Брагун. Казалось, прошла вечность. Дюйм за дюймом, внизу — засасывающая бездна и тьма. При малейшем неверном движении бревно угрожающе раскачивалось.

Наконец Брагун, облегченно вздохнув, спрыгнул на выступ скалы. Фенна оглядывалась, Саро внимательно изучала три отверстия в скале, похожие на входы. Она прижала лапу ко рту, призывая к молчанию, отвязала шнур и ловко его смотала.

Саро в несколько прыжков забралась на скалу и привязала шнур к большому валуну. По шнуру залезли наверх ее товарищи.

Отдышавшись, Хорти взорвался нервным смехом:

— Хо-хо-хо-хо! Теперь-то можно пасть открыть, верно, во? Молчание для такого блестящего оратора, как я, так же мучительно, как голод. Мучение, во, вот что такое молчание.

Саро подняла глаза к темнеющему небу:

— Надо бы остановиться да поужинать. Хоть на время еды эта балаболка замолкнет.

Брагун только посмеивался, наблюдая за ужимками зайца:

— Это для негодяя как воздух и вода. Он молчать не сможет. Вот повар из него выйдет первоклассный. Он и сейчас уже отлично готовит. Дойдемка мы до Барсука с Колоколом, а там и привал устроим.

Три слабых крика отразились от стен пропасти. На выступе скалы, где покоился конец бревномостика, несколько фигур, закутанных в плащи, отвернулись от ущелья и бесшумно исчезли в трех входах-отверстиях. Узкие проходы привели их в громадную пещеру. Там таких существ оказалось множество. Блестящие глаза следили за полыханием громадного желто-зеленого языка пламени. В пламя глядел и громадный горбатый зверь в просторном балахоне. Он медленно повернулся к пришедшим, которые растянулись на полу мордами вниз. Толпа застонала.

— Могучий Харанжул, Повелитель Бездны! Пожиратель Жизней, в чьих жилах течет кровь Веаратов! Господин Смерти! Наша жизнь — служение Тебе!

Плащ откинулся, теперь Могучего Повелителя и Господина можно было созерцать в деталях. Им оказалось какое-то несуразное существо, то ли хорек, то ли ласка. Ни шеи, ни ушей, бугор головы торчит из горба, а голос раздается непонятно откуда — скрежетание и шипящее бульканье.

— Где охрана, прославшая нарушителей?

Один из пришедших поднял голову и прогнулся:

— Они летят в Бездну, о Господин! Они чувствовали себя недостойными предстать перед Тобой, Пожиратель Жизней.

Харанжул подобрал большой железный трезубец, провел длинными когтями по его зубцам:

— Посмевший ступить в мои владения должен погибнуть. Если эти нарушители вернутся, схватить их! Мучения их будут таковы, что они сами попросят бросить их в Бездну. Удвоить стражу! Доложить мне, как только они будут обнаружены. Я сказал.

Масса повалилась ниц, уткнулась мордами в пол пещеры.

— Мы слушаем Тебя и повинуемся. О Могучий Харанжул, Великий Вождь Веаратов!

Марта притворила за собой калитку восточной стены. Сердце ее бешено колотилось. Легким шагом она продвигалась вдоль стены. Конечно, зайчиха понимала, что действует непродуманно, опрометчиво, безрассудно. Но что ей оставалось? Аббат, как и любой здравомыслящий обитатель Рэдволла, запретил бы ей вытворять такие глупости. Марта завернула за угол северной стены и замерла. Сверху донеслись звуки шагов и лязг оружия. Выждав, зайчиха двинулась дальше.

Лонна развел на равнине костер и нагромоздил кучу веток и травы, издали похожую на его громадную фигуру. Отойдя, он уселся, приучая глаза к темноте. Между зубцами стены он заметил голову крысы. Пират вглядывался в фигуру, якобы сидящую у костра. Раздался звук спущенной тетивы, и стрела, покинув лук Лонны, пронзила череп крысы. Вслушиваясь в шум, поднявшийся вслед за этим на парапете стены, Лонна подобрался поближе.

Голос Раги Бола можно было легко узнать.

— Не высовывайтесь, идиоты, сколько раз можно твердить! Полосатый где-то там, на западном конце. Чакка, куда прешь?

— Но внизу кто-то крадется. Не-е, не полосатый, гораздо меньше.

Рага Бол рискнул на миг высунуться за стену.

— Дай копье! Кто-то из аббатства пытается прорваться к полосатому, так я думаю. Живей, копье мне!

Марта рванулась прочь от стены, через тропу, к канаве. Она прыгнула, споткнулась, свалилась в канаву. Над ее головой сухо чавкнуло вонзившееся в откос канавы копье.

Рядом с Рагой Болом привстал еще один пират, протянув ему копье:

— Почти попал, мое копье счастливее... — Пират издал булькающий звук и схватился обеими лапами за проткнувшую его горло стрелу. Звякнуло выроненное «счастливое» копье.

— Ложись! — заорал Бол, стараясь слиться с плитами парапета.

Лонна несся вдоль канавы, посыпая вверх стрелу за стрелой. Стрелы звякали о камень, нечисть дрожала, не смея высунуть носа за ограждение.

Марта вздрогнула, когда чуть ли не на нее сверху свалилась громадная масса. Она сразу опомнилась:

— Сэр, я из аббатства. Меня зовут Мар...

Мощная лапа сгребла ее и подвесила рядышком с колчаном. Марта тыкалась носом в могучую спину барсука, а по щеке ее колотил колчан. Лонна несся на северную сторону, подальше от стен.

— Знакомство отложим, — буркнул он на бегу.

Марта чувствовала себя детской игрушкой. Все в барсуке было громадно: лапы, длинные стрелы, торчавшие из колчана, лук, фигура... Все! В лесу при све-

те взошедшей луны Марта разглядела и громадный шрам, пересекавший голову гиганта и придававший ей вид дикий и устрашающий. Но глаза смотрели мягко и мирно.

Лонна спустил ее наземь:

— Теперь можно и познакомиться.

— Благодарю вас, сэр... я... Вы нам нужны! — выпалила она. — Нам — в аббатстве Рэдволл. Я выбралась потихоньку... Ой, меня зовут Марта Бребак.

— Бребак... — Барсук пригнулся к Марте. — Я встретил вашего брата и его друзей у больших утесов. Вы ведь должны сидеть в кресле на колесах, мисс.

— Вы видели Хорти, сэр! Как он? Брагун, Саро, все они... Они не больны, не ранены, скажите мне...

— С ними все в порядке. Вы сказали, что я нужен в аббатстве. Можете меня туда провести? Кстати, зовут меня Лонна Острый Глаз.

Марта вежливо поклонилась. Барсук посадил ее на плечо и зашагал.

— Указывайте направление, мисс Марта Бребак.

Марта схватилась одной лапой за ухо Лонны, другой за тетиву лука.

— Прямо, сэр Лонна. Вон видна колокольня.

Лонна усмехнулся:

— Лучше просто Лонна.

— Спасибо, Лонна. А я просто Марта.

Рага Бол разыскал Виргу:

— Эти отравленные стрелки... Есть у тебя еще?

Старуха вытащила из плаща трубку:

— Вот, заряженная трубка. — Она открыла трубку и высунула кончик шипа. — Мой маленький гонец. Посланец смерти.

— Как понимаю, полосатый собирается пролезть в аббатство. Надо его остановить. Сделаешь — проси что хочешь.

— Высокой будет цена, капитан. Всех детей я потеряла.

— Что угодно.

— Сделаю.

Аббат Кэррол зажмурился, увидев перекинутую через подоконник связку из простины:

— Чуяло мое сердце. Почти сразу после разговора с ней я почувствовал, что к этому идет. Ох, Марта, Марта...

Торан не стал обсуждать ситуацию. Он сразу перевалился через подоконник и полез по самодельной веревке вниз.

Сестра Сетива высунулась из окна:

— Куда ты? Тебя поймают, убьют!

Торан спрыгнул наземь и вытащил пращу. Он отмахнулся от Сетивы и зашагал к восточной стене.

Аббат Кэррол горестно причитал:

— Ну почему я ее не задержал? Почему?

Сестра Сетива положила ему лапу на плечо:

— Вот я ей ужо все скажу, когда вернется. Успокойся, Кэррол, ты же не ясновицец. Я думала, только ее братец способен на глупости. Кто бы подумал, что такая умная зайчиха выкинет такое коленце!..

Торан заметил перед собой Виргу, кравшуюся вдоль стены в том же направлении. Вот она задержалась, прислушалась... рванулась к кусту рододендрона и спряталась за ним, затаилась.

Маленькая дверь скрипнула и открылась. Показалась Марта. Она повернулась к барсуку и улыбнулась:

— Добро пожаловать в Рэдволл, Лонна.

Лонна пригнулся и протиснулся в дверь. Торан увидел, что Вирга медленно выпрямилась и поднесла ко рту трубку. Медлить больше нельзя. Торан рванул-

ся вперед и врезался в крысу. Голова Вирги ударила о крепостную стену, и старуха присоединилась к трем своим сыновьям.

— Это друг, Лонна! — воскликнула Марта, увидев, что лапа барсука метнулась к кинжалу.

Лонна протянул лапу к повару, отцепил его от убитой крысы и поставил на ноги. Марта бросилась к Торану:

— О Торан, ты такой храбрый! Быстрей, быстрей! Скорее в аббатство!

У окна кладовой уже толпились рэдволльцы. Марту и Торана быстро втащили обратно. Совсем иначе дело обстояло с Лонной. Никакими объединенными усилиями народ не смог даже оторвать его от земли. Он сам взобрался по специально связанным для него прочным одеялам. В окно он влез с трудом, пыхтя, извиваясь и выломав подоконник.

Сияя от гордости, Марта представила Лонну аббату:

— Отец Кэррол, это Лонна Острый Глаз. Он вызвался помочь нам. Лонна, это аббат Кэррол, настоятель Рэдволла.

Окружающие, раскрыв рты, глазели на невиданное существо.

— Ох, здоровенный какой!

— Хурр, никогда такого не видел!

— Головой потолок почти достает!

Не проявляя никаких признаков удивления, аббат Кэррол пожал лапищу Лонны.

— Добро пожаловать в Рэдволл. И благодарим вас за то, что вы вернули нам Марту. Это доброе дело.

— Благодарю, отец настоятель. Я сделаю все, чтобы освободить аббатство от Раги Бола и его нечисти.

Кэррол поклонился барсуку и повернулся к зевакам:

— В обычаях аббатства всегда было приветствовать гостей и предлагать им кров и пищу. А вы вместо этого досаждаете гостю неуместными замечаниями.

Народ забормотал извинения и попятился. Кладовая опустела.

Аббат снова повернулся к Лонне:

— Идемте, друг мой. Вам следует отдохнуть и подкрепиться. Простите наших обитателей, они не хотели вас обидеть.

— Да я и не обижаюсь,— ответил Лонна, следуя за аббатом и Мартой. — Я уже привык, что делать, если я такой уродился.

Марта укоризненно глянула на Лонну:

— Я ни разу не упомянула вашу внешность, Лонна. Как и аббат. И Торан.

Лонна одарил Марту одной из своих редких улыбок:

— Значит, я приобрел сегодня троих добрых друзей. Похоже, мне понравится в аббатстве Рэдволл.

Несмотря на позднее время, спать никому из рэдволльцев не хотелось. Все толпились в Пещерном зале, любовались пришельцем. Повариха Гурвел и ее помощники сновали туда-сюда, обслуживали гостя и всех желающих. У Лонны глаза разбегались от застольного изобилия. Кротоначальник Двурл решил помочь гостю и предложил ему свое любимое блюдо:

— Хурр, сэрр, вот пирог с репой, картошкой и свеклой, с луковой подливкой. Попробуйте, вкуснее ничего на свете не бывает. Не то повариха обидится, а страшнее ее на свете зверя нет.

Барсук с улыбкой глянул на толстушку Гурвел и принял за пирог. Обитатели аббатства с почтением глазели, как громадный пирог исчезает в пасти великаны.

Сестра Сетива протянула барсуку полный горшок фруктово-ягодной каши и осмелилась пошутить:

— Смелее двигайте челюстями! За столом как на поле боя!

Лонна принял угощение и ответил:

— Что поделаешь, мэм, я и в детстве был хилым, непослушным, а за едой всегда капризничал.

Рэдволльцы дружно засмеялись, — оказалось, барсук хмурится не всегда.

После еды Лонна поведал о своих приключениях, рассказал и о встрече с рэдволльской экспедицией. Малыши незаметно подобрались поближе, некоторые уже оседлали его лапы. Первый раз они видели такого здоровенного взрослого, который признался, что был в детстве неслыхом. В полный восторг они пришли, когда Лонна попросил сестру Сетиву не отправлять спать этих любопытных крошек.

Завершив рассказ, Лонна спросил Марту, как она научилась ходить. Пока Марта рассказывала, Магам вцепился в ногу барсука:

— Хурр, большой-пребольшой сэрр, я тебе уступаю свою кроватку.

Разговор, оживляемый подогретым Октябрьским элем, еще некоторое время тянулся, но вскоре присутствующие начали клевать носами. Прикорнули малыши, задремали взрослые.

Аббат Кэррол обратился к Лонне:

— Мы устроим вас при кухне. Там есть свободная кладовая, просторная и удобная. Но сначала проведем военный совет.

В тихой кладовой собрались Лонна, аббат, Марта, Торан, сестра Портула и брат Велд. Лонна, как единственный воин среди собравшихся, сразу оказался в центре внимания. Все ждали его указаний, но вместо этого он начал с вопросов:

— Есть ли в аббатстве стрелы для моего лука или материал для них?

— Стрел, к сожалению, нет, но дерево и железо отыщем, — ответил Торан.

— Прошлой зимой мы с братом Гелфом нашли за восточной стеной упавший ясень, — припомнил брат Велд. — Ствол выдры Командора пустили на дрова, а мы набрали веток и сложили их в штабель, чтобы сделать ограду для сада. Они и сейчас лежат под лестницей колокольни.

— Вот и отлично! — воскликнул Торан. — Перенесем их в погреба бедняги Джунти. У него там маленькая кузница устроена, железо есть для обручей. Мы это железо на наконечники пустим.

— Перья? — спросил Лонна.

— У меня целый шкаф серых гусиных перьев, — сразу ответила сестра Портала. — Как-то сестра Сетиева вылечила гусенка из пролетавшей мимо стаи. Так гуси мне перьев накидали целый воз, чтобы я это событие в нашей летописи отразила. А перьев там на тысячу и сто сезонов. Много стрел можно будет оперить.

— Спасибо, сестра. Гусиное перо — лучшее для стрелы.

— Значит, стрелы будут, Лонна.

Лонна растянулся на куче пустых мешков и уставился в потолок.

— Пища и вода, — изрек он, как ножом отрезал. — Видны ли из окон аббатства места, где крысы запасаются едой и водой?

— Сад, пруд, огород, — так же кратко ответила Марта. — Воду они берут из нашего пруда, а из сада и огорода не вылезают. Так, отец Кэррол?

— Да, Марта, — горестно вздохнул аббат. — От нашего сада скоро ничего не останется. Сад и пруд хорошо просматриваются из южных окон.

Лонна протянул лапу к луку, достал кусочек воска и принялся растирать им тетиву.

— Отлично. Торан, сколько у меня стрел в колчане?

Повар заглянул в колчан и ухмыльнулся:

— Двадцать три стрелы и один кротенок. Магам спит там, сорванец.

Извлеченный из колчана маленький крот недовольно заворчал:

— Я здесь спать буду, в моей кроватке спит Лонна.

Аббат Кэррол принял его у сестры Портулы.

— Тогда я уступлю тебе свое большое кресло. А сейчас нам всем пора отдохнуть. Так, Лонна?

Глаза барсука отливали кровью. Дзыньнула тетива, опробованная острым когтем.

— Так! — отрезал он, скрипнув зубами.

Аббат спешно выпроводил всех из кладовой и, закрывая дверь, промолвил:

— Спокойной ночи, друг.

Ответа не последовало.

Торан покачал головой:

— «Жажда Крови»! Одержанность боевым бешенством! Ох-хо-хо...

Марта остановилась:

— Это болезнь такая — Жажда Крови?

Торан так крепко сжал ее лапу, что зайчиха вздрогнула.

— Слушай внимательно, девочка моя. Когда у барсука такие глаза, держись от него подальше. Барсук может такого натворить, когда он одержим Жаждой Крови!..

— Но ведь он не причинит нам вреда...

Они разошлись на отдых. Аббат проходил через Большой зал вместе с Мартой, которая несла на лапах спящего малыша. Кэррол тихо и монотонно поучал Марту:

— Хорошенько запомни, что тебе сказал Торан. Без надобности к Лонне не подходи. Мы мало что знаем о Жажде Крови, но всем известно, что от барсука, одержимого этим проклятием, нужно держаться подальше. Завтра утром патрулируйте по второму этажу, вдоль окон, особенно южных; заметите крыс — сообщите Лонне. И сразу убирайтесь с его дороги. Лонна прибыл сюда, чтобы отомстить Раге Болу и его команде. Только месть привела его в аббатство. Помни это. Спокойной ночи, Марта.

Кэррол взял у Марты спящего Магама и исчез в своей комнате. Зайчиха подняла глаза на изображение Мартина Воителя. Без всяких вещих снов и видений глаза древнего героя сказали Марте все, что она хотела услышать. Она поклонилась Мартину и прошла к себе, все еще озадаченная, но ведомая духовной мощью аббатства.

На заре по Рэдволлу пронеслась смерть. В сторожку ворвался перепуганный пират Гримль и прервал беспокойный сон Раги Бола:

— Полундра, полосатый в аббатстве! Только что укокошил двоих. Одной стрелой! Кулло и Кранец, бедолаги, пошли на пруд порыбачить, тихо-мирно, никого не трогали...

Капитан зацепил крысу за мешковатую рубаху и притянул к себе, исследуя взглядом и нюхом глаза и физиономию матроса:

— Ты вечером грогу перебрал, братец. Одной стрелой!

— Капитан, клянусь, киль мне через клотик, сам видел! Они только вошли в воду, друг за дружкой, в затылок, как на параде, а тут стрела сзади! Точно рыбки на тростинке!

Капитан отпихнул крысу:

— Собери команду. Виргу ко мне. Живей!

Пират Бывший Зуб, еще один свидетель скорой смерти свежих жертв барсучьего гнева, попался навстречу Гrimлю:

— Ну, что капитан?

— Ничего. Выпер меня команду собирать. Виргу видел?

— Видел. Да она меня не видела. И больше не увидит. Кто-то ей полчерепа по стене размазал. Мухи над Виргой столбом вьются... А ты не знал? Надо Болу сказать.

— Вот и скажи. — Гrimль нервно дернул хвостом.

— Сразу узнаешь, какого цвета у тебя кишки. Я не такой храбрый. Ох, были б мы сейчас в море... С тех пор как суша под ногами, как кильки в кастрюльке корчимся.

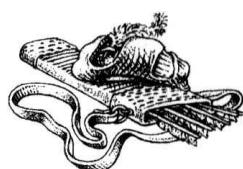
Гrimль увидел головы крыс, вынырнувшие из-за декоративных кустиков, и заорал:

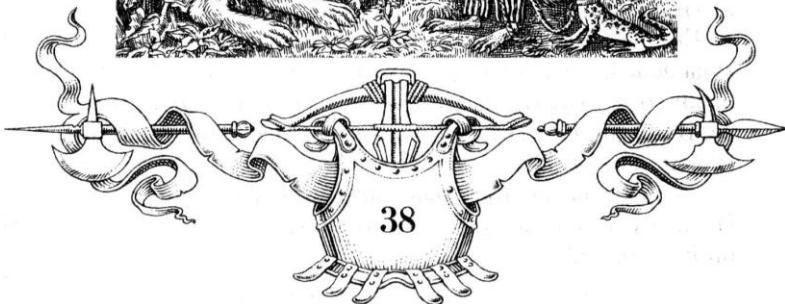
— Эй, парни! Капитан собирает команду у главных ворот, пошевеливайтесь, не то...

Его перебил пронзительный вопль из сада. Шатаясь, оттуда появилась крыса, судорожно сжимая когтями надкусенную грушу. Из груди крысы торчала громадная стрела. Шаг, другой... Выпала из лапы груша, рухнула крыса. И — жуткая тишина.

— Вот, теперь Красный Коготь, — заныл Гrimль.

— Не позавтракав, к Адовым Сходням, да-а... А следующий — ты, я? Проклятое место!

Прошла ночь, Фенна проснулась в лагере возле скал и сразу увидела зайца. Хорти раздувал угольки вчерашнего костра, подсовывая веточки, сухую траву. Не отрываясь от костра, заяц в знак приветствия помахал белке ушами:

— Во, привет, прекрасная принцесса! Удобное местечко. Этот Барсук задержал кучу горючего своим Колоколом. Во, веток сколько у ветра отнял! — Он покосился на спящих товарищей. Опасаясь их гнева, набросился на солнце. — Эй, морда круглая, ленивая, поднимайся поскорей! — и уставился на скалы. — Да, сообразительный парень, кто скалы обозвал. Верно, похожи они на башку барсучью да на колокол.

— Только сейчас заметил, наблюдательный ты наш? — сердито подняла голову Спринголд.

— Но-но, с утра ссориться? — вмешалась Саро. — Хорти, старик, что на завтрак?

— Хи-хи, а жареного фруктового салатика не желаете, во?

— Брось свои шуточки дурацкие!

Брагун подцепил кончиком меча с плоского камня, послужившего Хорти сковородой, жареную сливу и отправил ее в рот:

— Наш славный речной кок вовсе не шутит. И очень даже съедобно. — Брагун снова протянул меч к «сковородке» и незаметно подмигнул Саро.

Старшая белка тоже попробовала и кивнула:

— Едала я и похуже, а жива. Нечего привередничать, не в аббатстве.

Фенна ковырялась в месиве веточкой-вилочкой:

— И вот это придется съесть? Это у него называется «завтрак»?

Спринголд зажмурилась и с усилием проглатила:

— Ешь или голодай, выбор небогатый. Фрукты жарить! Кто мог до такого додуматься, кроме зайца?

Заяц возмущенно задвигал ушами и хотел устроить неблагодарным спутникам выволочку, но только разинул рот, как заметил что-то в отдалении:

— Во, во, вот она, черная неблагодарность... во, во, вон там, кто-то скрючился, крадется, подлый, во...

Брагун вытер меч:

— Сейчас проверим.

Они рассредоточились и поползли к подозрительному объекту. Но самая остроглазая среди них, Фенна, почти сразу вскочила:

— Этот опасный зверь — пень старый.

Древний остаток дерева доходил Брагуну до плеча. Он прикоснулся к трухе пня мечом:

— Все, что здесь осталось от Властелина Цветущих Мхов. А по стволу его мы перешли ущелье.

Саро молча обошла останки Властелина.

— Пора глянуть на наши клочки.

Брагун вытащил пергамент и протянул его Спринголд:

— У тебя глаза получше. Мне пора уже моноклем обзавестись или очками, как у аббата и отца Фреда.

Спринголд всмотрелась в аккуратно выполненную запись:

— Марта старалась. Это слова сестры Амил. Слушайте.

Брагун глянул на Саро:

— Это про нас. Мы из прошлого вернулись. Что-то сейчас Марта поделывает...

— Вот бы она могла с нами пойти! Умная зайчиха, по крайней мере. Что там еще? Из этой записи ничего не извлечешь.

— Кроме карты — еще клочок пергамента. — Брагун протянул его Саро. — Читай.

Саро развернула и расправила записку и передала ее Фенне:

— Какой из меня чтец! Но я про очки сказок не сочиняю. Школу-то мы вместе бросили. А вот Фенна наверняка прилежная ученица.

Молодая белка обратилась к переданному ей документу:

— Это из хроники летописца Скритто, который записал слова сестры Амил:

Во Глинобитной Обители
Тайна сокрыта моя,
В том, как ходить я училась.
Ты — такая, как я.
Тебе туда не добраться —
И да падет выбор твой
На двоих, что вышли из прошлого
И однажды придут домой.

Спринголд пожала плечами:

— Здесь, конечно, есть какая-то информация. Намеки, подсказки... Но что мы видим вокруг? Пень дерева, две большие скалы, похожие на голову барсука и на колокол. У нас есть карта. Негусто.

Брагун молча бороздил песок лапой.

Фенна нарушила молчание:

— А рассказ о путешествии рэдволльцев в Глиnobитную Обитель сохранился? Толстенная, должно быть, книжища.

— Есть там толстая книжища, но мы с Саро с книгами возиться не привыкли. С вами все иначе, вы жили в аббатстве, школу закончили. А мы рано сбежали, так и остались недоучками.

Фенна с досады чуть было не разразилась сетованиями и упреками, но сдержалась. «Старички» и без того уныло глядели в землю. Да и кто она такая, чтобы поучать ветеранов с таким опытом? Они не книжные черви, а бойцы и путешественники.

Мысли ее прервал вопль Хорти:

— Во-во, бездельники! Стоят тут, время впустую переводят. А мой завтрак уже оценили по достоинству, во.

Брагун удивленно хлопнул хвостом:

— Хорти, что ты еще там вытворил, во имя всех Сезонов?

Заяц подошел к пню со своими новыми знакомыми. Сопровождала его толстая мышь-соня, волокущая хворосту воз и ведущая на плетеном поводке крохотную ящерку-песчанку.

— Во, мой новый друг Тублиндам. Сокращенно Тублин. Еще короче — Туб. Отшельник пустынных горизонтов. С ним свирепое создание Баббаб, песчаный следопыт. Сокращенно Баб. Как они лихо с завтраком справились, Туб и Баб, все подчистую подмели, во!

Спринголд возмутилась:

— Но я же не успела позавтракать!

— Тебе все равно моя кухня не по нутру, во.

Тублин вежливо приподнял над головой висло-
полую соломенную шляпу:

— Рад встрече, друзья моего друга, лучшего по-
вара! И искусного следопыта, скажу я вам. Как он
vas сюда вывел — невероятно!

Саро повернулась к зайцу:

— Ты уже чего-то наплел мистеру Тублиндаму?

Хорти замялся, но тут же сменил тему:

— Во, во, ни дня без шуток. А представьте себе,
где Туб живет! Пошли, Туб, покажешь.

Тублиндам присел и пощекотал бок ящерицы.
Баббаб выгнул спину от удовольствия. Хозяин яще-
рицы снизу вверх глянул на путешественников:

— Где живет? Где ж тут жить... В Глинобитной
Обители живем, больше негде...

Брагун боялся верить ушам:

— Значит, вы живете... в Глинобитной Обители?

Бесформенная соломенная шляпа бурно заколы-
халась во все стороны, когда Тублин утвердительно
закивал:

— Всю жизнь. Младшим я был из шестнадцати.
Один пришел сюда и борюсь с невзгодами. Глино-
битная Обитель не Рэдволл, конечно, где Хорти са-
мый главный. Но это наш дом, верно, Баб?

Ящерка тоже закивала и прильнула к Фенне,
напрашиваясь на ласку.

Спринголд одарила соню чарующей улыбкой:

— Вы можете показать нам путь в Обитель, ми-
стер Тублин, сэр?

Из-под шляпы донеслось довольное мурлыка-
ние:

— Ну уж сразу и «сэр»! Зовите попросту, назы-
вайте как хотите, только не колотите.

Фенна забыла про трущуюся о ее лапы ящерку:

— Прямо сейчас?

— Можно и сейчас. — Тублиндам поднялся и отряхнулся. — Только не мешайте моему другу Хорти приготовить мне еще разок-другой... третий, там... такую вкусную еду.

Брагун подбодрил зайца таким шлепком по спине, что Хорти чуть не растянулся в пыли.

— О чём речь! Конечно, наш славный следопыт, чемпион-повар и мудрый правитель Рэдволла с удовольствием приготовит вам завтрак, друг.

Туб передал веревку своей тележки Саро:

— Будьте добры, помогите мне, мэм. Устал, сил нет. Пошли, Баббаб! Домой!

Он зашагал, не переставая оживленно болтать:

— Приятно с кем-нибудь словечком перекинуться. Одиноко здесь. Крошка Баб говорить не умеет. Я брошу вокруг, собираю все, что может пригодиться. Топливо, камешки, то да се. Пригодится. Если надумаете что-нибудь выбрасывать, бросайте в мою сторону.

Шли они, склоняясь к югу. Тублиндам все время болтал, а Баббаб терся о лапы всех по очереди, напрашиваясь на почесывание и поглаживание.

Вечером устроились на привал. Туб с готовностью выделил хворост для костра, надеясь снова насладиться кулинарным искусством Хорти.

— Что на ужин, главный повар? Я и мой маленький Баббаб уже сгораем от любопытства.

Спринголд ухмыльнулась:

— О, наш главный повар придумает что-нибудь сногшибательное!

Зайцу порядком надоело кулинарить. Он вяло рылся в оставшихся продуктах.

— Во-о-о, что-нибудь сногшибательное... только из чего? Я тут надрываюсь, а они лежат, хвосты задрали, бездельники...

— Ничего, вот вернешься в Рэдволл, там сразу толпа слуг засуетится вокруг могучего правителя, — присоединилась к Спринголд Фенна. — А пока сожги в костре еще один фруктовый салат.

Заяц взял котелок, болтавшийся на крюке под повозкой сони, и заявил:

— А ну-ка не мешать! Я сочиняю новый ватрушковый суп с диким луком, шалфеем, морковью, чесноком и овсяными лепешками. На второе земляничный сюрприз. На третье одуванчиковый чай.

Несмотря на все опасения, то, что «сочинил» Хорти, имело превосходный вкус.

Туб и Баб начисто вылизали свои миски.

— В жизни так не ел, — восторгался хозяин ящерки.

Стишок сестры Амил Туб выслушал внимательно, но, подумав и почмокав губами, в недоумении покачал головой:

— Тюрьма четвероногая какая-то... Ты что-нибудь понимаешь, крошка Баб?

Ящерка развела лапками, покачала головой и приластилась к Саро.

Туб обмяк у костра, шляпа сползла ему на нос.

— Я простой поселянин, — бормотал он. — Бедный, неученый. Вот вы сами осмотритесь в Обители, может, чего и найдете... Завтра будем там, еще до полудня пожалуй... Отдохнем за ночь... Спокойной ночи, ребята!

Брагун уселся в тени с мечом в лапах:

— Я покараулю.

Туб снова подал признаки жизни:

— Так у нас Баббаб лучший караульщик. Спите спокойно.

Но Брагун в ответ лишь крепче сжал свой меч.

Вот и новый рассвет поднялся над пыльной равниной. Завтракали на скорую руку, чтобы не медля пуститься в путь. Тублиндам пытался «раскрутить» вождя-повара Хорти на полный завтрак, но вынужден был неохотно подняться и присоединиться к группе. Саро взяла поводок Баббаба, Спринголд впряженась в тележку, и они пошагали дальше. Соня по-прежнему всю дорогу болтал.

Через некоторое время Брагун забеспокоился. Он крикнул идущему впереди с Хорти Тубу:

— Друг Тублиндам, долго еще идти?

Не оборачиваясь, тот ответил:

— Нет, думаю, после второго завтрака прибудем.

Брагун ухмыльнулся и зашептал Саро:

— Старый обманщик! Видишь, холмы справа?

Мы их огибаем с востока, а должны обойти с юга.

— Зачем это он?

— Думаю, тянет время, чтобы лишний раз поесть.

Саро посмотрела на Баббаба:

— Это так?

Ящерка ухмыльнулась и закивала.

— Вот толстый разбойник, а? — И Саро погладила Баббаба.

— Сейчас проверим, — шепнул Брагун и крикнул: — Для скорости на завтрак не останавливаемся. Придем — устроим большой обед.

— Неплохая идея, — откликнулся Тублиндам и тут же «вспомнил», как можно срезать путь через холмы.

Саро толкнула Брага:

— Глянь на Баббаба. Он, похоже, улыбается.

Се прошло и часа, как с вершины холма перед путешественниками открылся совершенно иной пейзаж. Сухую пустыню сменили зеленые луга, не такие сочные, как в Лесах Цветущих Мхов, но все же дышащие жизнью и свежестью. По долине разбросаны отдельно стоящие деревья, небольшие рощицы, кое-где скопления кустов, радующее взгляд пестрое разнотравье.

Тублиндам стащил с головы шляпу и взмахнул ею:
— Вот она, Глинобитная Обитель.

Фенна остановилась на склоне и сорвала несколько ромашек. Она поковырялась в земле и понюхала ее:

— Почва плодородная. В былые времена ее, должно быть, возделывали.

Тублиндам посмотрел на ромашки, которые Фенна воткнула в свой хвост.

— Может, здешние мыши так и делали.

Хорти тоже озирался вокруг.

— Ручьев и речек не видать, во.

Туб тоже сорвал ромашку и сжевал ее стебель.

— Воду скоро увидите. Вкусная подземная вода в самом центре долины. И я там воду беру из колодца.

Они сошли с холма. Внизу Туб задержался, шагнул чуть в сторону и отвел лапой высокую траву:

— Вот здесь. Старая защитная стена. Должно быть, рухнула, когда прыгала земля. — Он указал на ряд каменных блоков. Каждый из них был украшен рельефным изображением мыши, — Так они здесь и лежат, по всей долине, большим квадратом. Я иной раз таскаю их, когда камень нужен для дома. Ну, вот и время завтрака подошло.

Они вошли в рощицу низкорослых, кривоствольных деревьев и остановились перед ветхой хижиной, сооруженной из камня, дерева и всяких осколков и обломков.

— Вот мой маленький домик. Мы с Баббабом не променянем его ни на какой дворец.

Баббаб весело запрыгал вокруг, а Тублиндам присел у сложенной перед домом печки, разжигая в ней огонь и напевая вполголоса какую-то песенку.

Брагун шепнул Хорти:

— Постарайся с едой. Побольше да получше. Чтобы ему было что вспомнить.

— Будет сделано! — отсалютовал заяц. — И вы не забудете, во!

На воде из колодца сони Хорти подготовил овощной суп с местными травками, к которому добавил несколько лепешек.

Все уплетали с удовольствием. Саро не удержалась от замечания:

— Очень вкусно, но спрашивать, из чего приготовлено, остерегусь.

Хорти облизал лапу и схватил очередную лепешку.

— А я и не скажу, во. У нас, поваров, свои секреты.

Соня и ящерка уплетали за обе щеки и только нахваливали стряпню Хорти.

После обеда Брагун приступил к расспросам:

— Место, которое мы ищем, должно быть могилой. Возможно, кладбище. Ведь как там, в тексте:

Под цветком, что не растет,
Сильватикус в покое ждет.
Ею мой секрет храним,
Думать надобно над ним.

Где это может быть, Тублиндам?
Шляпа сони поехала на нос.

— Это должно быть мертвое место. Мы туда не заходим ни-ко-гда. Так, приятель?

Баббаб прижался к хозяину и затряс головой.
Спринголд удивилась:

— Почему? Ведь мертвые никого не трогают, лежат спокойно. Те покойники умерли давным-давно.

Тублиндам покачал головой:

— Вы как хотите, мисс, но ночью, когда дует ветер, я слышу их стоны.

— Они просто есть хотят, во! — влез с пояснениями Хорти. — Брось, старина Тубель, пустые страхи! Пошли покажешь!

— Не-не-не! Ни за что! Сами легко найдете. Никак не заблудитесь. Идите на юг, пока не увидите камни. Это и есть сад мертвых. Он, наверно, когда-то был внутри старого аббатства. Однажды я туда забрел, а больше не пойду.

И пятеро путешественников пошли искать кладбище.

Надгробные камни лежали тихо, мирно грелись на солнышке. Стрекотали и прыгали кузнечики, жужжали пчелы.

Саро огляделась:

— Мирное местечко. Сад памяти.

Фенна своим пушистым хвостом стряхнула пыль с одного из покосившихся надгробий:

— Смотрите, что здесь нацарапано: «Сестра Этнилла, жертва тяжкой болезни, ушла от нас на солнечные склоны, к потокам тихоструйным».

Брагун провел лапой по гравировке:

— Бедняжка. Здесь, должно быть, не одна она такая. «Солнечные склоны», «тихие потоки»... Красиво написано.

Спринголд и Хорти бродили по кладбищу, рассматривали другие надгробия. Вдруг Хорти завопил:

— Во, во, ребята, во! Кого мы ищем? Савватикус, Сливатикус, Солдатикус, Сивволатикус... Вроде нашелся он у меня, во-во-о-о-о-ой!

Брагун подпрыгнул:

— Где этот псих?

— Сюда, сюда! — звала Спринголд. — Хорти провалился!

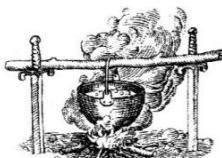
Все понеслись к взъерошенной мыши, прыгавшей вокруг зияющей зловещей чернотою дыры.

— Сюда, сюда рухнул! Стоял показывал на этот большой камень — и вдруг пропал!

Брагун оттянул ее за рукав:

— Отойдите, мисс, не то последуете за ним, — Он приник к дыре и заорал во весь голос: — Хорти! Хорти, друг! Где ты?

В ответ донеслось лишь слабое эхо его собственного голоса.

Раги Бола опускались лапы от бессильной ярости. Почти вся команда дезертировала. Капитан тряс за шиворот приставленного к воротам Фирзина:

— Куда ж они делись, если никто не проходил? Открывал кому-нибудь?

— Клянусь, капитан, копье стлотну! Ни полразика!

— Со стены не спрыгнешь... — размышлял вслух капитан. — Риндж, что скажешь?

Риндж, следовавший за Болом весь день, пожал плечами:

— А те малые дырки в стенах? В середине каждой стены? Должно быть, там пробрались. И от сторожки подальше.

Капитан оскалил клыки:

— Я приказал Аргабу поставить там часовых. Сбегай проверь.

Прежде чем ответить, Риндже отодвинулся от капитана подальше:

— Они оказались под прицелом, в кустах прятались, но полосатый заметил. Снял их из окон. Всех троих. Из лука, как водится.

Капитан выглянул за выступ стены, закрывавший его и обоих пиратов от окон аббатства.

— Быстро, за мной, в сторожку, оба!

Все трое рванулись в сторожку и захлопнули за собой дверь, в которую тут же воткнулась стрела. Стрела звонкоibriровала, острый конец ее прошил дверь и высунулся в сторожку, трое стояли перед дверью и смотрели на острие наконечника.

Фирзин всхлипнул:

— Рвать отсюда надо, не то все мы жмурики! Всех ухлопает гад полосатый!

Ледяной взгляд капитана заставил его замолчать.

Бол помолчал и тихо спросил:

— Сколько у нас народу осталось, Риндже?

— Чуть больше двух десятков, капитан. Под две дюжины, если нас троих считать.

С самого утра Рага Бол раздумывал над ситуацией. Он чувствовал, что загнан в угол, но был уверен, что найдет выход и выиграет, как всегда до сих пор.

Тут его озарило. Он понял, что нашел выход. Осталось лишь убедить команду.

Бол подошел к креслу и тяжело опустился в него. Сейчас он выглядел не свирепым капитаном, а простым членом экипажа.

— Два десятка вместо полусотни. Плохи дела, ребята. Вы спите и видите, как оказаться отсюда подальше, так? Высказывайтесь, не бойтесь.

Фирзин собрался с духом:

— Капитан, все уверены, что мы покойники, если здесь останемся. Так, Риндже?

Риндже кивнул:

— Точно. Самое опасное место на земле — здесь. Смерть неминучая.

Бол печально улыбнулся:

— Может быть, и так. Но подумайте, ребята, если мы убьем полосатого и захватим Рэдволл, какая жизнь начнется! Жратва, прислуго, теплая зимовка! И мы должны бросить все это и бежать из-за одной полосатой собаки, которая по всем правилам должна была давно подохнуть. У нас нет судна, от моря мы вон куда ушли, цвет команды перебит. Мы выйдем отсюда жалкой кучкой нищих.

Риндж и Фирзин напряженно шевелили мозгами, стараясь понять, что за маску и с какой целью напялил на себя их предводитель. Шевелили они также и хвостами, топтались и почесывались, жались и мялись.

Тут Бол проронил коротенькое словечко:

— Но...

— Что «но», капитан?

— У вас есть план, капитан?

Капитан подался вперед, глаза его лихорадочно блестели.

— У меня есть план. Слушайте внимательно.

Аббат Кэррол и Торан сидели на кухне. Вшла Марта. Повар показал на кучу стрел, лежащих на кухонном столе:

— Еще стрел, Марта?

— Нет, Торан. Пока хватит. Стрелы лежат под каждым окном.

Аббат налил Марте кружку холодного мятного чаю.

— Как там, наверху, Марта? Ты да Гурвел, больше никто там не был.

Марта пригубила кружку.

— Как это все страшно. Мертвые крысы везде — на траве, в огороде, у стены. Похоже, часть команды сбе-

жала через восточные ворота. А Лонна разгуливает вдоль окон, спокойный-преспокойный. Не то что утром.

Торан подвинул к Марте табуретку:

— Может быть, крысы уйдут, а может, это лишь затишье перед бурей. Нам остается лишь ждать.

— Думаю, что ты прав. Слишком тихо, слишком. И в том прав, что мы можем лишь сидеть и ждать.

Сестра Сетива вошла в кухню.

— Да нет, не только ждать. Все стрелы делают, даже малыши. Надо им поесть приготовить, я затем и пришла. Пора бы перекусить.

Торан сорвался с места:

— Я этим займусь, сестра. Гурвел помогала Марте, остались мы без единого повара.

— Я тебе помогу, Торан. Нельзя оставлять народ голодным, даже в такие опасные дни.

День перешел в вечер. Солнце садилось все ниже к горизонту. По небу разливался багряный закат.

Лонна с отрешенным видом стоял у фасадных окон, глядя в направлении главных ворот. Бешенство крови покидало его, наваливалась усталость. Почти два дня и две ночи он провел без сна. На аббатство спускалась ночь; подул свежий ветерок, принесший прохладу. Лук готов был выскользнуть из усталых лап. И тут стрелок встрепенулся.

Резкий голос Раги Бола долетел от главных ворот:

— Эй, полосатый, я тебя вижу. Прячешься под юбками аббатских святош? Как морда, не беспокоит? Хаха, надо было тебе еще по шее резануть, отхватить твою дурацкую башку. Ничего, полосатый, я еще до тебя доберусь. Прикончил старого, прикончу и молодого.

Из Большого зала прибежал дежуривший там брат Велд:

— Снаружи орет пиратский капитан. Он задирает барсука.

Торан понесся к лестнице:

— За малышами следите, наверх не выпускать!

Все, кто может носить оружие, за мной. Где Лонна?

— Когда я уходила, был у передних окон, — торопливо ответила Марта.

Торан, взмахнув кузнечным молотом ежа Джунти, побежал дальше.

Толпа рэдволльцев во главе с Тораном ввалилась в спальню. Широкая спина барсука заслоняла окно, снаружи Бол продолжал задирать Лонну.

— Я не боюсь подойти к врагу вплотную. Сабля — оружие настоящего воина. А ты сиди там, если боишься Раги Бола... Выйди, рискни, я тебе вторую половину морды искромсаю. И станенгь ты большой кучей коры для пташек и мурашек.

Лонна вскочил на подоконник:

— Я задавлю тебя голыми лапами, мразь!

Торан подскочил к барсуку и схватил его за лапу:

— Не надо, это ловушка! Они заманят и окружат тебя. Их еще много.

Ослепленный яростью барсук отбросил Торана.

Рага Бол вышел из-за выступа стены. Он подбоченился и захохотал:

— Ха-ха-ха! Вот он я! Иди сюда, недорезанный. Тащи магический меч, скрести клинок с Рагой Болом, если посмеешь!

— Еулалиа-а-а-а!

С боевым кличем Лонна спрыгнул на кучу земли, подсохшую на солнце, съехал по ней наземь и понесся к сторожке. Торан, бряцая своими железками, потрусили за ним, а за Тораном начали спрыгивать остальные.

Рага Бол стоял, помахивая перед собой саблей и крюком.

Марта догнала Торана.

— Там, на северной стене, крысы! — крикнула она.

Торан свернулся к лестнице:

— Велд, Гелф, Двурл, за мной! Остальные с Мартой!

Бол подпустил Лонну на три шага, отпрыгнул, упал на землю и завопил:

— Копья!

Лонна даже не делал попытки увернуться. Три пиратских копья пролетели мимо, одно вонзилось в плечо. Барсук смахнул его, но нанесенной копьем раны, казалось, не заметил. Его заполнила Жажда Крови, глаза светились, как закат, которым он недавно любовался, зубы обнажились в свирепой гримасе. Острые когти вонзились в горло пиратского капитана, пытавшегося снова встать и занять боевую позицию.

Рага Бол выпучил глаза и под хруст своих шейных позвонков издал булькающий звук. Тут же в его спину вонзились четыре копья, брошенные его же матросами и предназначенные барсуку. Как тряпичная кукла, повис пиратский капитан в могучей лане барсука. Последнее, что он видел, была оскаленная морда Лонны, рычащая ему:

— Гори в аду, крыса! Еулалиа-а-а-а!

Держа перед собой труп Раги Бола, Лонна понесся по ступеням стены, догоняя отряд главного повара.

Торан обернулся и завопил:

— Дорогу барсуку, пропустите, осторожно! Марта, назад! Спускай всех вниз!

Марта закричала своим:

— С дороги! Вниз, быстро!

Она столкнулась с аббатом Кэрроллом. Вооружившись веником, отец настоятель размахивал своим оружием и вопил:

— Где эти грязные гады? Я им покажу!

Одержимого боевым бешенством старика аббата подхватили два коренастых крота и осторожно спустили по лестнице на лужайку, чтобы тот не натворил бед.

Крыс охватила паника. Лонна размахивал трупом Раги Бола, как дубиной, молотя пиратов, сбрасывая их со стен. Они глухо бухались оземь с обеих сторон стены. На трупы тех, кто упал на траву с внутренней стороны, набрасывались доблестные рэдволльцы, каждый из которых хотел остаться в благодарной памяти потомков как защитник аббатства в решающей битве.

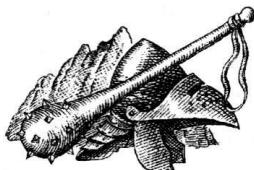
Лонна остановился, тяжело дыша. Кровь сочилась из дюжины ран на его теле. Истыканый копьями труп Раги Бола в его лапах напоминал гигантскую подушку для иголок.

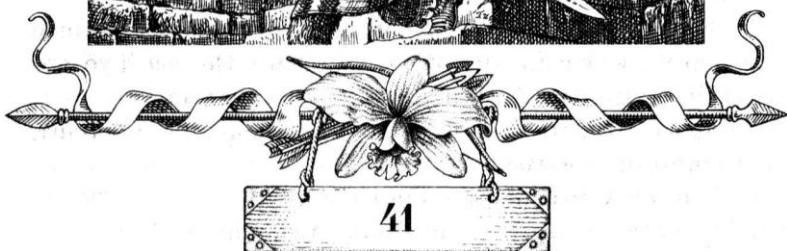
Торан в сопровождении своих помощников осторожно приблизился к барсуку. Лонна повернулся, скребя копьями стену и парапет. Мощным движением он швырнул труп пирата за стену, прислушался к хрусту веток, копий и костей. Потом улыбнулся и сел на ступень:

— Когда Марта привела меня в Рэдволл, я надеялся, что смогу вам помочь.

— И ты помог нам, друг! Да еще как помог!

Лесные голуби сорвались с ветвей и закружили в ночном воздухе, удивляясь, почему колокола Рэдволла звонят в такой поздний час.

Брагун в три погибели согнулся над дырой, в которой исчез Хорти. Саро спешно мастерила факел из веток, травы и мха. Фенна тем временем без устали кричала в черную пропасть:

— Хорти! Хорти, отзовись! Хорти! Спринголд навела на верхушку факела свой магический кристалл, помогая солнечным лучам зажечь факел. Саро раздула дымок, и факел вспыхнул, споря с солнечными лучами, дерзко бросил вызов породившему его небесному светилу.

— Спускаюсь. Спринг и Фенна — здесь наготове, нам может понадобиться помочь, — распорядилась Саро. — Браг, давай веревку.

Саро исчезла в могиле и скоро ощущила под ногами что-то твердое.

— Ступени. Каменная лестница.

Исчезающая в темноте лестница кажется бесконечной. Брагун шагает вслед.

— Осторожнее, не спеши. Не хватало еще тебя потерять.

Спринголд и Фенна следят за огоньком, но вот он исчез за поворотом. Внизу шевелятся неясные тени.

Мышь зябко поежилась:

— Мне здесь больше не нравится. Тоже, смиренное кладбище. Сначала заманило, а потом... Не зря Туб его боится. Хоть бы с Хорти ничего не случилось.

Фенна внимательно изучает покосившийся монолит, нависший над могилой.

— Наш Хорти несокрушим.

Из дыры вынырнула макушка Брагуна.

— Совершенно верно, мисс. Помогите-ка...

Вчетвером они вытащили Хорти из могилы и положили его на траву. Заяц тотчас свернулся калачиком, как в сладком сне.

Саро слегка похлопала его по плечу:

— С лестницы загремел, бедняга. Опять голову расшиб. Но ничего опасного, оклемается.

Фенна смочила горстку мха и приложила к распухшему уху зайца.

— Везет же бедному Хорти! Там шишку заработал, здесь опухоль. Да какую!

Холодная примочка подействовала. Хорти запевелился, застонал, попытался сесть, но тотчас рухнул и затараторил:

— В-во-во-во-ой-ой! Не суйте пчел в ухо, выньте, выньте! Жжет, колит, пилит, рубит, режет! Во-ай! И шумит, гудит...

Спринголд протянула зайцу фляжку:

— Освежись, если глотать можешь.

Хорти схватил фляжку и осушил ее в три глотка.

— Уху-то, конечно, не поможет, но хоть губы смочил, во. У-у-у, бедненькое мое ушко, а-а-а-а, во!

— Болит, да? — участливо спросила Фенна.

— Я при смерти, во! Фенnochка, пожевать чего-нибудь умирающему не найдется? В последний раз...

Брагун усмехнулся:

— Ну, не так сильно он, оказывается, и ушибся. Последите за этим симулянтом, мы с Саро спустимся еще раз, осмотримся. Мха и травы нам еще надерите для факела.

Фенна подсунула свой свернутый плащ под голову Хорти. Собирая горючее для факела, она поделилась с товарищами своим последним открытием:

— Я поняла, почему старик Туб слышал стоны. Помимите на этот темный камень. Здесь можно разобрать надпись. Вот: «Сильватикус. Первая мать настоятельница аббатства Глинобитная Обитель. Славная сезонами и мудростью. Всеми любимая и почитаемая. Всегда в наших сердцах. Покойся в мире». Та самая могила, которую мы ищем.

Фенна вытянула лапу, указывая на верхнюю часть надгробия. Каменная лилия на каменном стебле, плавные изгибы каменных листьев... И весь этот растительный узор прорублен в камне насквозь.

— Вот цветок, который не растет и не отцветает. А сильный ветер, наверное, гудит в сквозных отверстиях, пугает Туба.

Брагун одобрительно посмотрел на Фенну:

— Умница! Наблюдательная и сообразительная. Ладно, теперь позаботьтесь об умирающем, а мы с Саро быстренько обернемся.

И выдра с белкой снова исчезли в черной дыре.

Хорти не из тех, кто умеет страдать неприметно. Он постарался извлечь как можно больше пользы из своего ранения:

— Салат, во! При опухлом ухле... тьфу, при опухом ухе... в общем, чем больше салата, тем лучше для уха, во. Это любой заяц вам скажет, кого ни спроси. Спринг, что у тебя там, а? Убери от меня эту гадость!

Спринголд держала в лапе готовую примочку.

— Ведешь себя как мелкий зайчонок, стыдно, Хортвила Бребак! Фенна, придержи его!

Хорти дергался и вырывался:

— Отвалите от меня, палачихи! Я вам не мелкий зайчонок, чтобы лечиться, во! У сестры Сетивы нахватались, да? Ай, все ухо забила грязью! Я теперь глухой на одно ухо на всю оставшуюся жизнь, во!

Спринголд сжала в лапе здоровое ухо зайца:

— Смирно сиди! Не надо дергаться, чтобы грязь в уши не лезла. Сейчас я тебя еще перевяжу.

Борьба закончилась победой Спринголд, и Хорти с мрачным видом повернулся спиной к подружкам.

— Долго они там, — вздохнула Спринголд. — Не случилось бы чего. Может, нам тоже спуститься, проверить?

— Да, ты права. Хорти, лежи спокойно, отдыхай. Засни, если хочешь.

Белка и мышь осторожно спускались, прижимаясь к камню стен, нащупывали лапами ступени, затаив дыхание прислушивались к неясным шорохам. Они облегченно вздохнули, увидев впереди мерцание и услышав голоса своих старших друзей.

— Саро, Браг, это мы! — крикнула Фенна.

— Я ведь велел вам оставаться наверху, — строгим голосом отозвался Брагун. — Кто знает, что там этот лопоухий без вас вытворит!

— Ладно, Браг, ничего страшного, — заступилась за молодежь Саро. — Пусть посмотрят.

Проход открывался в обширную сводчатую камеру-усыпальницу, сплошь облицованную камнем. В центре возвышался постамент, на котором белели истлевшие кости, покрытые белой тканью, тоже превратившейся в хрупкую паутину, почти в пыль. Перед постаментом на полу — россыпь древесной трухи, изъеденной древоточцами. Труха эта когда-то была

креслом на колесах, о чем можно было догадаться по четырем каменным дискам с отверстиями в центре. Они служили колесами креслу. На стене — два хорошо сохранившихся факела. Саро зажгла оба.

— Вот, пришли мы сюда, а что нашли? — нарушила она тишину. — Останки древней аббатисы. И эти останки. — Она показала на древесную труху.

— Кресло сестры Амил, — пробормотала Спринголд, подобрав древнюю щепку, которая сразу рассыпалась в пыль. — Каменные колесики выстояли против сезонов.

— Много, много сезонов, — отозвался Брагун, пошевелив склонившее дерево кончиком меча. Как там этот стишок...

Под цветком, что не растет,
Сильватикус в покое ждет.
Ею мой секрет храним,
Думать надобно над ним.
А тюрьма четверонога,
Но не ходит по дорогам.
Руки-ноги — ну и ну! —
Держат узника в плену.

Брагун выпрямился:

— Кресло Амил мы нашли, а секрет Амил?
— Да, — уныло протянула Саро, — вернемся мы и скажем Марте, что нашли кучку пыли и четыре камешка.

— Даже думать об этом не хочется, — поморщилась Спринголд. — Может, лучше бы мы ничего не находили.

Фенна подняла колесики. Два из них она засунула в собственный пояс, два других протянула Спринголд:

— Эти колесики подтвердят, что мы здесь побывали. Пошли, Спринг, посмотрим, как там Хорти.

Брагун дал им один из факелов.

— Идите, а мы с Саро еще поищем.

— Поищите, — вздохнула Фенна без всякой надежды.

— Хорти пока ничего не говорите. Ведь Марта его сестра. Скажите, мы еще ищем. Лучше всего, если вы его доставите к старику Тубу и там нас дождитесь.

Белка с мышью кивнули и поспешили к Хорти.

Когда вернулись Браг и Саро, Спринголд поставила перед ними две чисто вымытые миски.

— Тублиндам приготовил вкусную тушенку, только поторопитесь, пока Хорти к ней не приложился.

Спринголд изо всех сил старалась не показывать любопытства, и только когда миски опустели, она как бы невзначай спросила Саро:

— Ну как, нашли что-нибудь?

Саро улыбнулась Брагуну, который неспешно потягивал черничный чай.

— Ух, хорошо отдохнуть за чашкой чая! — блаженно протянул тот.

Фенна в нетерпении взмахнула хвостом:

— Вы не расслышали вопроса?

— Да, хорош чаек, — ответила Саро. — Не выпьешь такого на северных берегах.

Хорти снова навострил перевязанные уши:

— Что не выльешь на скверных ногах? Во, чушь несут, один пуще другого.

Фенна вспылила:

— Заткнись, Хорти! Мистер Брагун, мадам Саробандо, прошу вас, ответьте на заданный вам вопрос!

— Хи-и-хи-и, — донеслось из-под соломенной шляпы. — Старый Туб видит, что им есть что ответить. Нашли, конечно нашли. Вон как сияют, как начищенные котелки. Не мучьте молодежь, ребята, скажите им.

На открытой лапе выдры появился маленький свиток пергамента.

— Вот что мы нашли. Это и есть секрет сестры Амил.

Спринголд быстро протянула к свитку лапу, но Саро оказалась еще быстрей. Она смела свиток с лапы Брагуна и спрятала в своем поясе:

— Нет, Спринг, только Марта может это прочесть.

— Это почему? — негодующе вскинулась Фенна.

— Потому, умница моя, что там так написано, — объяснил Брагун. — Саро, прочитай им.

Саро снова вытащила свиток. Видно было, что он обвязан ветхими ниточками. Снаружи виднелась надпись очень мелкими буквами. Саро поднесла свиток к глазам и медленно прочитала:

— «Только для того, кто в этом нуждается».

— Значит, для Марты, — сказал Брагун. — Мы и сами внутрь не заглянули. Завтра на рассвете снимемся, пойдем в Рэдволл, понесем его Марте.

Фенна задала еще один вопрос:

— Почему же этот свиток так хорошо сохранился? Ведь все там рассыпалось, сгнило, истлело.

— Мы нашли его в основании той каменной штуки, на которой лежат кости, — ответил Брагун.

— Под постаментом? — перебила Спринголд.

— Да, — кивнула Саро. — Мы уже собирались уходить, и я сняла со стены факел, потому что наш догорел. И споткнулась о камень. Лапой зацепила, а он отвалился. И за ним лежала эта маленькая штучка.

— Но почему она не рассыпалась в прах, как все остальное? — настаивала Фенна.

Брагун выковырял из-под когтя какой-то темный комочек:

— Вот почему. Воск. Свиток был плотно завернут в листы щавеля и залит пчелиным воском. Уж мы потрудились, пока весь воск отодрали...

Тублиндам подлил им черничного чаю.

— Я рад за вас. Молодцы, ребята!

— Во, кто богата? Чем богата? В чае мята? Нет, чай совсем без мяты, во.

Саро повернулась к зайцу:

— Хватит, наслушалась я твоего бреда. Туб, немногого теплой воды, пожалуйста. Не слишком горячей. Браг, положи этого оболтуса на бок, здоровым ухом книзу, больным, стало быть, кверху. И сам присядь на него сверху. Я займусь его ухом.

— Во-во, я и говорю, земля полна слухом... Каким слухом? А-ай, старый грубиян, слезь с меня! А эта старая ведьма меня варить собралась? Спасите! Мозг варят заживо за три несчастные миски тушени! Фенна, на помочь!

Но никто не спешил на помощь бедному зайцу. Саро промыла ухо, а Тублиндам принялся умащать его каким-то бальзамом собственного изготовления.

— Все прошло, сэр Хорти, продолжайте жить, чтобы жарить и варить. Это моя секретная мазь из тайных травок, растущих в только мне известных уголках. Как самочувствие?

Хорти блаженно закрыл глаза.

— Потрясно, друг Туб, ухо стало пухом, легкое, теплое, во. И слышу отлично, никакого шума в ушах.

Саро стерла грязь с лап.

— И никто тебя не убил.

— А зря, — с досадой шепнула Спринголд.

— Такой шанс потерян, — пробормотал себе под нос Брагун.

— Сколько пищи сберегли бы! — еле слышно хихикнула Фенна.

Хорти открыл глаза и обвел всех гневным взором:

— Я все слышу, подлые убийцы...

Его заглушил взрыв хохота, даже маленький Баб-баб пронзительно взвизгнул.

На рассвете следующего дня путешественники попрощались с соней и ящеркой. Фенна обняла обоих:

— Почему бы вам не пойти с нами? Вам было бы хорошо в Рэдволле.

Шляпа Тублиндама заволновалась.

— Нет, милая мисс, мы с Баббабом никогда не покинем Глинобитную Обитель. Это наш дом, бедный, но милый, единственный.

Саро в последний раз погладила ящерицу.

Брагун крепко пожал лапу сони:

— Ну, счастливо оставаться. Заботьтесь друг о друге. Всего наилучшего!

На вершине холма путешественники оглянулись. Ящерка махала им хвостом, Туб размахивал шляпой и кричал:

— Удачи вам в пути! Живите счастливо!

Фенна вытерла глаза:

— Бедняжки, остались совсем одни в пустынном голодном Ломхедже.

Брагун взъерошил ей шерсть на затылке:

— Ну-ну, развеселись. Они хорошие ребята, и можешь мне поверить — не пропадут.

Из ущелья вылетел ворон. Он взмыл ввысь, паря на восходящих воздушных потоках, выделяясь чернотой на фоне заката, и устремился на юг. Снизу, от одного из трех входов в пещеру, за его полетом наблюдало какое-то существо, темная фигура, закутанная в плащ. Наблюдатель посмотрел вслед птице и нырнул в проход. Протолкавшись сквозь толпу, он достиг языка желто-зеленого пламени и распростерся на полу перед Харанжулом Великим, Могучим, Ужасным и прочая, прочая, прочая.

— Как и предсказал Могучий Повелитель, чужестранцы возвращаются, чтобы осквернить Бездну своим присутствием, — доложил капитан охраны.

— Карвузя сказала, когда они будут в моих владениях? — проскрежетал Харанжул.

— Птица сказала, что они достигнут края Бездны во втором часу тьмы, Могучий Повелитель.

Харанжул стукнул трезубцем об пол:

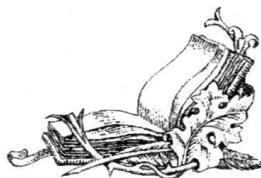
— Возьми с собой два десятка и перейди по длинному дереву на другой берег Бездны. Спрячься там и жди сигнала.

Капитан во главе двадцати копьеносцев направился к выходу. Вдогонку им снова зазвучал голос повелителя:

— Никого не убивать. Живыми брать. Они доставят мне наслаждение своей медленной смертью.

Темная масса зашевелилась.

— Кровь Веаратов в твоих жилах, о Великий Харанжул! Повелитель Бездны! Властелин Жизни и Смерти!..

ббат Кэррол грелся в лучах утреннего солнца, сидя за столом, накрытым у входа в сад. Он улыбался отцу Фреду. Старый привратник беседовал со шмелем, присевшим на край его кружки:

— Видел бы ты, какой разгром учинила эта нечисть в моей сторожке! Слетай посмотри. Книги разбросаны по полу, свитки порваны. Можно подумать, стая диких зверей там побывала... Хм, да так оно и есть.

Шмель загудел в ответ, но отец Фред не терпел возражений:

— Тебе легко рассуждать, друг мой. А рваные занавески? А постельное белье, которое теперь стирать и еще раз стирать? И еще раз стирать...

Кэррол успокоил друга:

— Перестань волноваться. Наслаждайся солнышком и свободой. У нас есть время, чтобы навести порядок.

К столу подошел Кротональник Двурл со своею командой. Он приветственно вскинул нос и доложил:

— Хурр, вход очищен. Вся земля и камни убраны. Осталось отмыть дверь от грязи, и пользуйтесь на здоровье.

— Отлично, Двурл, большое спасибо. А теперь подкрепитесь.

Кротов не пришлось упрашивать. Они сразу занялись пищей.

Подошли Торан и Марта, и аббат пригласил их занять места рядом с ним:

— Устали? Чем занимались? Я вас с первого завтрака не видел.

— Мы освобождали окна Большого зала, отец Кэррол. Брат Гелф сказал, что на чердаке у него хранятся запасные стекла. Он пошел туда с малышами разбираться в запасах.

— Хурр, хур-хор-рошо придумал. — Двурл отвлекся от пирога с грибами. — Много у него стекол останется после таких помощников. В сад их послать надо было, ягоды собирать... Нет, тоже плохо, к вечеру бы у всех животы разболелись.

Следующей подошла сестра Сетива:

— Ох, в спальнях что творится! Мне понадобятся помощники, чтобы навести в них порядок. Марта, ты сегодня видела барсука?

— Нет, сестра, последней его видела мамаша Гурвел. Он зашел на кухню, взял у нее несколько лепешек и ушел.

— Лонна поклялся уничтожить всех крыс. Сбежавших тоже. Он наполнил колчан и натер воском лук. Но я поостерегся спрашивать, куда он направляется.

— Я бы тоже не стала этого делать, — заметила Марта. — И не буду спрашивать, где он был, если он вернется. Я на его месте не стала бы преследовать этих крыс. Им преподали жестокий, кровавый урок.

— Но ты, Марта, не можешь занять его место, — напомнил зайчихе отец Фред. — Барсуки — звери особенные. Если барсук поклялся что-то сделать, то сдается. И Лонна уничтожит всех крыс. До последней.

Последняя крыса неслась из последних сил. Язык ее вывалился изо рта, легкие отказывались дышать, из горла раздавались хрипы. Пират оглянулся и увидел, что барсук стоит в отдалении, прекратив преследование. Крыса тоже остановилась и рухнула жалкой кучкой. Тело ее тряслось, глаза закатывались.

— Ха-ха, — послышался ее полубезумный смех. — Теперь не догонишь. Удрал я от тебя,олосатый пес.

Большой барсук налег на лук, согнул его в крутую дугу и увеличил натяжение тетивы, накинув ее на зарубку еще одной петлей. Вынул стрелы из колчана и выбрал одну из них. Тщательно осмотрел выбранную стрелу. Облизнул верхнюю губу и задрал морду, проверив ветер. Вложил стрелу, натянул тетиву, прищурился, нашел взглядом цель, приподнял лук кверху и...

Крыса уже снова стояла на задних лапах. Она подняла кинжал и погрозила им в сторону отдаленного неясного силуэта:

— Удрал я от тебя,олосатый! Победа!

— Еулалиа-а-а-а! — в ответ долетел боевой клич.

Мороз продрал замершую в ужасе крысу, а сверху молнией неслась к ней оперенная остроконечная смерть.

Крыса лежала, устремив открытые глаза вверх, в небо, которого ей никогда больше не суждено было

увидеть. Лонна подошел, взглянул на последнего пирата Раги Бола. Месть свершилась.

— Никто не удерет от моей стрелы. Никто!

Сняв тетиву, Лонна положил превратившийся в простую палку лук на плечи и, свесив через концы этой палки обе лапы, спокойно зашагал на восток, к аббатству Рэдволл.

Наступила ночь. Путешественники приблизились к ущелью. Усталость после дневного марша давала себя знать. Брагун объявил привал:

— Передышка без костра. Ешьте и пейте сколько хотите, остаток еды и лишний багаж бросим здесь.

Хорти облегченно растянулся на земле, ворча:

— То есть как это — оставлять еду? Такого не бывает, во!

— Тихо! — одернул его Брагун, — Помалкивайте, пока не переберемся на другую сторону. Мне это место и раньше не нравилось, а сейчас меня от него просто воротит. По бревну идем налегке.

Саро подготовила шнур. Она привязала его конец к середине короткой толстой чурки и пояснила:

— Если с теми двумя половинками посоха ничего не случилось, то я брошу чурку вверх, и она зацепится за палки. Можно будет подняться.

Спринголд чувствовала обоснованность беспокойства старших товарищей.

— Не волнуйтесь, мы проскользнем тихо и быстро.

Саро еще раз проверила прочность узла.

— Да, Спринг, пожалуйста, постараитесь. Ох, недоброе это место.

Еле слышный голос Фенны чуть дрожал, но она постаралась улыбнуться:

— Все будет хорошо. Мы, конечно, сосунки, и нам надо поучиться у бывальных бродяг, но не подведем!

Брагун похлопал ее по лапе:

— Отличный боевой дух, молодцы. Поднимаемся, ребята. Рэдволл ждет нас.

Вытащив из-за плеча меч Мартина, Брагун встал, и они направились к бревну.

Хорти бросил скорбный взгляд на оставшуюся позади кучку съестного:

— Во-во-во-во, какое расточительство-во! Молчу, молчу, ничего не бормочу! Голодаю, страдаю, но шагаю.

К краю бездны подошли раньше, чем ожидали. Саро прикрепила шнур к валуну. Брагун первым спустился на выступ перед тремя входами в пещеру. За ним последовали Спринголд, Хорти и Фенна. Саро сняла с валуна петлю и прыгнула вниз.

Перед тем как шагнуть на бревно, Брагун сунул в лапу Фенны что-то маленькое и прошептал:

— Спрячь и сохрани, без вопросов.

Фенна молча спрятала переданный ей предмет в поясную сумку и последовала за выдрой.

В полной тишине, окруженные мраком ночи, продвигались пятеро путников над бездонной пропастью. Шаг за шагом, медленно и осторожно. Вот они уже почти достигли противоположного конца бревна... И тут сзади раздался резкий, скрежещущий хохот.

Ущелье осветилось множеством дымящих факелов. Саро обернулась и застыла от неожиданности.

Харанжул возвышался у бревна, поставив на него одну лапу. За ним — множество тварей помельче, у каждого в одной лапе факел, в другой копье. Толпа состояла из ласок и хорьков, кое-где мелькали крысы морды. Шерсть намазана какой-то светящейся желто-зеленой гадостью, придающей им жутковатый вид посланцев Темного Леса.

Великий Веарат откинул плащ, обнажив уродливый, но мощный торс. Изобразив на морде улыбку, чудовище тряхнуло трезубцем:

— Остановитесь, подлые преступники. Вы — добыча Харанжула, Властелина Бездны. Вы поплатитесь за вторжение в мои владения.

— Вперед, мы почти перешли, — подбодрила товарищей Саро.

Брагун уже занес лапу, чтобы спрыгнуть с бревна, но так и замер. Перед ним выросла толпа таких же тварей с факелами и копьями. Капитан, высокая поджарая ласка, шагнул к выдре и гаркнул:

— Смирно стоять! Повинуйся Властелину Бездны, ничтожный!

Брагун весело всхрапнул и одним взмахом меча снес капитану голову. Схватив капитаново копье, Брагбросил его Саро:

— Займи их делом, подруга. Рэдво-о-о-олл!

Свирепо рыча, Брагун спрыгнул с бревна, сея смерть и панику в отряде капитана.

— Хей-йя-а-а-а-а! Хватайте копья, молодежь! Бей их, детишки! Эти лунатики нас не испугают!

Хорти схватил длинное копье и ринулся на врага:

— Вперед, ребята, во-во-во! Кровь и уксус! Бе-е-ей!

Заяц смахнул в пропасть ласку и занял позицию плечом к плечу с Брагуном. Спринголд и Фенна тоже подобрали упавшие копья. Они хотели помочь Саро, но на узком бревне не хватало места. Саро между тем чиркнула копьем по ноге наступавшего хорька, и тот, взмахнув лапами и громко вопя, исчез в бездне.

— Возьмите шнур и закрепите его! — крикнула Саро. — Помогите Брагуну и Хорти. Мне помочь не нужна, но бревну только один пройдет.

Мышь и белка кинулись исполнять приказание. На Спринголд бросилась большая крыса, но Фенна ловко столкнула ее вниз торцом копья. Она на мгновение оцепенела:

— Я только что убила живое существо!

— И молодец! — крикнула Спринголд. И молниеносно отбила чье-то копье, направленное в застывшую Фенну, ткнула в нападавшего и удивилась удивлению на раскрашенной физиономии убитого ею врага.

— Хватит болтать, не то они нас перебьют!

Теперь их было четверо против поредевшего врага.

— Давай веревку, Спринг! Прикройте меня! — крикнул Брагун. Схватив шнур, он взмахнул им... Чурка взлетела, но не удержалась, упала вниз. Он еще раз размахнулся... Попал! Деревяшка застряла меж палок. Брагун новис на веревке, проверяя прочность шнура и креплений. Он повернулся к молодежи:

— Живо вверх, ребята! Хорти, возьми меч, дай свое копье.

Хорти отдал копье и взял меч, но вверх не полез. На их стороне оставалось еще шестеро врагов. Рубанув одного по горлу, Хорти покачал головой:

— Пусть Спринг и Фенна лезут, во, я с вами, сэр!

Брагун оглушил очередного врага ударом копья по голове и скинул его в пропасть. Кровь струилась по его рассеченному лбу.

— Вверх, заяц! — сердито крикнул он.

Вдвоем они занялись противником, искусно владевшим копьем.

— Нет, выдра! —зывающе выкрикнул Хорти.— Я не оставлю вас с Саро против кучи нечиисти.

— Не забывайся! Я командую здесь, твое дело — подчиняться... Уфф!

Копье врага воткнулось в лапу Брагуна. Он вырвал копье из раны и из лап противника, и тот полетел в пропасть.

— Не смей спорить, — повернулся Брагун к зайцу.

— Молод еще! Вся жизнь впереди. Отвечаешь за этих двух девиц. Вернешь меч в аббатство. Мы с Саро здесь

разберемся. Зажились мы на этом свете... Пошел вверх! Пошел, или проткну этим копьем, клянусь!

Оставив Хорти последнего недобитого врага, Брагун захромал к бревну на помощь слабеющей Саробандо.

Хорти сразил противника и принял яростно кромсать его мертвое тело. Спринголд и Фенна закричали сверху:

— Хорти, вылезай!

— Не смей спорить с Брагуном, идиот!

Зажав меч в зубах, Хорти полез вверх. Он обернулся. Израненные выдра и белка крушили врага. Саро уклонилась от вражеского удара и встретилась взглядом с Хорти:

— Влезай и вытягивай шнур! Живей, живей!

Глаза Хорти застилали слезы бешенства и беспомощности. Он молча влез на край скалы и выполнил приказание.

Харанжул стоял у конца бревна и безжалостно подталкивал своих подданных навстречу гибели. Оценив состояние защищавшихся, он решил, что пора вмешаться и сорвать лавры победы. Великий и Могучий крепче сжал тяжелый трезубец.

У схода с бревна Брагун и Саро дрались бок о бок, усталые, израненные, покрытые кровью и пылью.

— Молодежь ушла, — выдохнула Саро. — Жаль, не суждено нам с ними...

— В Рэдволл? — хмыкнул Брагун, смахивая с бревна очередную жертву безумия Великого Вождя. — Сидеть с Фредом у ворот, считать выпадающие зубы да дремать, не различая дня и ночи?

Саро смахнула кровь с глаза и согласно фыркнула:

— Мелюзга прыгает по тебе, как блохи, старая ведьма Сетива травит своей медицинской гадостью да подтыкает одеяла зимой...

Брагун воткнул в горло хорьку копье, как усталый фермер — вилы в сено.

— А в школу не хочешь? Они могут вспомнить, что мы недоучки. И будет тебя Портала выгонять из класса.

— Глянь, этот кошмар зашевелился, — отвлеклась Саро от кошмарных видений родного аббатства. — Сейчас он нами поужинает этой вилочкой.

— Не бойтесь, Властелин Жизни и Смерти не убьет вас, — скрежетал Харанжул, неспешно продвигаясь по бревну. Вы умрете долгой и мучительной смертью. За себя и за своих друзей, трусливо сбежавших от меня.

Брагун и Саро не слушали гигантского урода. Они спешно вбивали под конец древесного ствола трофеиные копья. И вот они вместе уперлись в древки плечами.

— Приготовились... Пошли!

Рычажное усилие сдвинуло ствол, дерево поползло по скале. Нечисть, сопровождавшая Харанжула, завопила, некоторые вцепились в ствол, другие рванулись обратно, кто-то сорвался и полетел вниз...

— Еще разок! — крикнул Брагун, перекрывая шум. Они снова нажали на рычаги.

Харанжул выронил трезубец. Он вцепился в ствол всеми когтями, стремясь добраться до наглецов, бросивших ему вызов. Но дерево, бывшее когда-то Властелином Цветущих Мхов, застонало, как живое существо, слегка развернулось и соскользнуло в бездну. Брагун и Саро упали на уступ. Им показалось, что ствол на какое-то мгновение застыл в воздухе. Напротив них застыла морда Харанжула с оскаленными зубами. Но вот все исчезло в бездне, визг и вопли затихли, отзвучало эхо.

Брагун и Саро лежали, сцепив лапы, смотрели вниз.

— Спокойно здесь сейчас, правда? — пробормотала Саро, закрыв глаза.

Брагун слегка сжал ее лапу:

— Да. Лето — доброе время для отдыха.

Глаза Брагуна прикрылись.

— Помнишь надпись на могиле в Глинобитной Обители? Фенна нам читала... Мне понравилось...

— Да, друг. К солнечным склонам и тихим потокам ушла она... Мне тоже понравилось.

Голос Брагуна слабел:

— Солнечные склоны и тихие потоки... Я буду ждать тебя там, Саробандо.... Без тебя... никуда...

Лапа его разжалась.

Саро улыбнулась:

— Подожди меня, Браг. Я уже иду.

Два воина, покинувших дом в детские годы, бок о бок лежали на уступе скалы. Они не увидели рассвета этого дня, но вместе они отправились в страну солнечных склонов и тихих потоков, все еще держась за лапы.

43

Нетние дни становились короче, приближалась осень. Аббатство Рэдволл оправилось от напастей, вернулась мирная, размеренная жизнь. Аббат Кэррол и Марта не спеша прогуливались по саду. Эти прогулки стали теперь частью их жизни. Над прудом парила легкая дымка. Подпрыгнула над водой какая-то рыбешка, сцепав пролетавшую мимо муху, не ждавшую беды.

Кэррол посмотрел на круги, расходившиеся по воде от места безвременной кончины мухи.

- Этой ночью мне приснился Мартин, Марта.
- Он что-нибудь сказал? — заинтересовалась Марта.
- Да, сказал. — Аббат помолчал. — Вот его слова:

Когда созреет урожай,
Чтоб был запас зимой,
Тогда из дальней стороны
Они придут домой.

И знай, однажды день придет,

Смотри, чтоб не забыть, —
Тому, кто меч мой принесет,
Правителем здесь быть.

Марта внимательно выслушала Кэррола и уселась на бревно.

— Здесь есть над чем поразмысльить. Хороший урожай, возвращение Брагуна, Саро, Хорти с подружками — это прекрасно. Но чтобы кто-то из них стал настоятелем Радиолла... Как-то не верится.

Кэрролл присел рядышком:

— Я тоже не могу себе этого представить. Но все равно мне пора подумать о преемнике. Мартин снимает с меня тяжелый груз ответственности, и я ему за это благодарен. И все же я в недоумении. Ведь кому я дал меч?

— Брагуну, — тут же подсказала Марта.

— Вот именно. Брагун — храбрый воин, верный друг, отличный товарищ, я его в детстве знал. Но он искатель приключений, какой из него аббат... Спроси Торана, его старшего брата. Да и возраст у Брага...

— Не торопитесь, отец Кэррол. Ведь Мартин не сказал «аббат», «настоятель». Может быть, не аббат, а аббатиса.

Кэррол в ужасе поднял лапы:

— Саробандо! Еще того не легче! Бедное аббатство!

Марта засмеялась:

— Ха-ха-ха, отец, не торопитесь. С ними еще Спринголд, Фенна... — Она запнулась и тоже ужаснулась: — Ох, Хорти! Этого только не хватало!

Кэррол хитро глянул на Марту:

— Зря мы так переживаем. Ведь Мартин мудр, он не станет насытать на аббатство беду.

— Да, конечно, отец, — облегченно вздохнула Марта. — А может быть, они приведут с собой еще кого-нибудь?

Кэрролу эта идея пришла по душе.

— Верно, они могут захватить с собой кого-то из Гли-нобитной Обители. Например, молодую и мудрую мышь... Или хитроумную здравомыслящую белку...

— Или лягушку с мозгами чижика, — хихикнула Марта.

— Ладно, пошутили, и будет. Завтрак — дело серьезное. Смотри!

Торан вернулся к обязанностям шеф-повара. Он и Гурвел возглавили армию помощников. По мановению их лап рэдволльцы сновали по саду со столами, стульями, развозили еду на тележках. Торан взмахнул поварешкой:

— Сюда, сюда, все ставим у пруда. Вот два бедных существа ждут-поджидают, всю ночь страдают!

— Прощай, покой и отдых, — улыбнулся Кэррол. — Начинается день забот.

— Я помогу! — вскочила зайчиха. — Умираю от голода!

Брат Велд свирепо глянул на шумную толпу малышей:

— Сейчас всех вымою с мылом, прямо здесь, в пруду! Успокойтесь, ведите себя как следует!

Но не гут-то было. Юные рэдволльцы нисколько не испугались суроющей кары. Они дружно шумели и демонстрировали искусство художественного топота. Тем временем аббат отозвал Торана в сторонку и поведал о своем сне.

— Как только взойдет Луна Урожая, выставим наблюдателей на стены, чтобы их встретить, — решил обрадованный Торан.

Завтрак почти закончился, когда от ворот приблизился подменивший Фреда Кротона начальник Двурл, ведущий Лонну.

— Хурр, смотрите, кто пришел! — привлек Двурл всеобщее внимание, махнув Торану. — Накормите героя!

Торан быстро усадил к столу обоих пришедших.

— Мы уж волноваться начали, — обратился Торан к Лонне.

Гурвел нагромоздила перед барсуком гору съестного. Шерсть Лонны сверкала росой, еще кровоточили неза-

жившие раны, но он выглядел спокойным и добродушным.

— С морскими крысами покончено. До последней. Я утомился, залег на равнине и заснул. Разбудили жаворонки на заре. Проголодался — страсть! Надеялся, что у вас найдется кусок для голодного барсука. Спасибо, мэм, — поблагодарил он Гурвел.

— Хурр, кушайте на здоровье, сэрр. Поправляйтесь, сил набирайтесь.

Аббат Кэррол подозвал брата Гелфа и попросил нацедить для Лонны ковш лучшего Октябрьского эля:

— Достойный воина напиток. Лонна, после еды сестра Сетива займется вашими ранами, а сестра Порттула выдаст одежду по размеру. Вам надо отдохнуть.

Малыши окружили барсука, следя за каждым его движением.

— Хурр, во дает, здорово жует!

— Магам, веди себя прилично, — одернула его Марта, не вставая с места.

Лонна посадил Магама на лапу и поднял над столом:

— Никогда не мешкай за столом, малый сэр. Ешь все, как я, и станешь великим воином.

— Хурр, верно, сэрр, — согласился Магам. — И я так думаю.

Пять ночей прошло, пока луна доросла до нужного размера. В аббатстве царили тишина и спокойствие. Торан стоял на юго-западном углу стены, следя за тропой и лесом. К нему поднялись Марта и аббат. Они молча стояли втроем, не заметив приближения Лонны. Несмотря на невиданные вес и размеры, барсук передвигался на диво тихо. Все вздрогнули от неожиданности, когда услышали его голос:

— Повариха попросила меня захватить для вас горячий суп из свежих овощей.

Лонна разлил суп по тарелкам.

— Добрая старушка Гурвел! — воскликнул Торан, с удовольствием принюхиваясь к еде.
Они молча занялись супом.

* * *

Ночная птица закричала в тени деревьев. Тропа, как застывший ручей, заворачивала на юг и терялась в отдалении. Небо сияло россыпью звезд. Его медленно пересекала какая-то заблудившаяся комета. Всем великолепием управляла Луна Осеннего Урожая, окруженная мягким сиянием.

Едоки супа не заметили, что Лонна вложил стрелу в лук. Он еще раз прислушался и удивил их возгласом:

- Кто идет? Друг или враг?
- Эй, на стене! — послышалось снизу.— Здесь друзья!
- Это землеройки, — поняла Марта. — Их трое.

Лонна опустил лук:

- С чем пришли, друзья?

Блеснула в салюте короткая рапира, донесяся ответ:

— Я Джигтер, сын Лог-а-Лога Бригти, вождя землероек Гуосим. У меня вести о ваших друзьях.

Торан и Лонна уже отпирали тяжелые ворота, а Марта помогла аббату спуститься со стены.

Все ввалились в сторожку. Отец Фред зажег еще один фонарь. После недолгой церемонии знакомства Джигтер поведал все, что знал. Нерадостные вести принес он. Аббат Кэррол, не скрывая слез, оплакивал Брагуна и Саро. Лонна хранил почтительное молчание.

— Молодежь уцелела? — спросил Торан.

— Да, сэр, — кивнул Джигтер. — Небольшие царапины да сбитые лапы, ничего серьезного. Мисс Фенна сказала, что Брагун ваш брат, сэр. Они храбрые воины, Брагун и Саро.

— Да, Брагун и Саро храбрые воины, — повторил Торан. — Они спасли друзей. И наверное, захватили с собой врагов.

— О, сэр, наши разведчики донесли, что они уничтожили целое племя нечисти вместе с вождем Веаратов. — В голосе Джиггера звучало восхищение. — Это была великая битва!

Торан открыл дверь сторожки, вдохнул свежий ночной воздух, посмотрел на звезды.

— Ну что же, мирная жизнь была не по нраву Бра-гуну и Саро. Они выбрали свою судьбу. Храбрейшие из храбрых.

Лонна подошел к Торану:

— Настоящий воин смерти не боится. Я только раз видел Брагуна и Саро, но сразу понял, что они — истинные воины.

Аббат Кэррол вытер глаза рукавом:

— Эк ведь меня... Я забыл свои обязанности хозяина. Добро пожаловать в аббатство, Джиггер. Прошу вас и ваших друзей со мною на кухню, подкрепиться.

— С удовольствием, отец настоятель. Хорти мне рассказал, как у вас вкусно кормят.

Вскоре прибыли остальные землеройки и с ними Хорти, Фенна и Спринголд. Попали обятия, лапопожатия, расспросы.

— Добро пожаловать, усталые странники! — провозгласил аббат. — Спринголд, что с тобой?

— М-Марта... — не веря глазам, лепетала Спринголд. — Она... ходит!

— Во-во-во-о-о! — Хорти выпучил глаза, как бы не узнавая сестру. — Но ведь... То есть... Дева дорогая... Во...

— Все узнаете, — заверила Марта. — А что с тобой, Хорти? Хромаешь... Ранен?

— О, плевое дело, долг превыше всего, во! — отмахнулся Хорти.

— Долг превыше чего? — вскинулась Спринголд. — Врун и хвастун! Он хвастался мечом Мартина, показывая всякие фокусы, да и уронил меч на ногу.

— А где меч? — спросил Кэррол, переглянувшись с Мартой.

— Вот он, — ответила Фенна, доставая меч из-под плаща. — Я взяла его, чтобы всем было спокойнее. Он в целости и сохранности, не беспокойтесь... Чего вы так на меня смотрите? Что-нибудь не так? Неужели надо было оставить меч этому обормоту? Он бы еще что-нибудь себе оттяпал...

— Нет, нет, все правильно, молодец, — опомнились аббат и Марта, обнимая Фенну и похлопывая ее по спине.— Прими нашу благодарность.

Фенна передала тщательно завернутый меч аббату. Она чувствовала какой-то подвох:

— Отец Кэррол, в чем дело, нельзя объяснить?

Аббат посмотрел на нее поверх очков:

— Все хорошо, мисс, не ломайте себе голову. В свое время все узнаете. Если, конечно, не собираетесь снова оставить аббатство.

— Нет, — покачала головой Фенна. — Рэдволл — мой дом, я не покину его.

— И я тоже. Ничего нет на свете лучше нашего аббатства, Фенна, — пожала ей лапу Марта.

* * *

Землеройки направились на кухню, а молодые путешественники в сопровождении аббата, Торана и Марты спустились в Пещерный зал и без помех поведали о выпавших на их долю приключениях, о врагах и друзьях, о радостях и горестях пути, о мудрости и героизме погибших Брагуна и Саро. Уже на рассвете закончили они свой рассказ. Фенна достала из поясной сумки сверточек:

— Это секрет сестры Амил. Никто не заглядывал в этот свиток. Он предназначен для твоих глаз, Марта, хотя нужда в нем и отпала.

Под взглядами всех присутствующих Марта развернула свиток и углубилась в чтение. Прочитав, она снова и снова рассматривала несколько строк, запечатленных на ключке древнего пергамента.

Хорти не выдержал молчания. Он подался к сестре и заворчал:

— Во, дева дорогая, долго будешь так сидеть? Читай вслух!

Марта раздумывала, колебалась:

— Даже не знаю... На другой стороне написано, что прочесть должен тот, кто в этом нуждается. Впрочем, вреда не будет... Хорошо, слушайте:

...уму подвластно тело,
И я сказать хочу:
Для силы воли дело
Любое по плечу.

Аббат Кэррол взял записку в свои лапы. Он внимательно всмотрелся в надписи, в пергамент, повертел свиток, даже понюхал и наконец, улыбаясь, протянул его Торану.

— Торан, друг, ознакомься.

Торан едва взглянул на записку и захохотал:

— Го-го-го, сестра Амил, хвост моей бабушки! Га-га-га, ах, разбойники!

Марта застыла в изумлении:

— Прошу прощения, что здесь смешного? Это строки, оставленные существом, страдавшим так же, как и я. Да, стиль письма... устаревший, древний, написано не слишком аккуратно, но что в этом смешного?

— Нет, Марта, — мягко и спокойно возразил аббат, — это не сестра Амил. Она была существом образованным,

безупречно владела пером, почерк у нее был аккуратным, ровным, твердым. Вспомни историю Глинобитной Обители, которую ты брала у сестры Портулы. Ведь часть той книги написана сестрой Амил. Эта запись не имеет к сестре Амил никакого отношения.

Фенна ахнула:

— Я знаю, кто это написал. И пергамент этот... Это же кусок, оторванный от карты маршрута. Ну конечно, вот скалы... Значит, это Брагун и Саробандо. Все, что было в могиле аббатисы Сильватикус, превратилось в прах, и они изобрели секрет сестры Амил, чтобы не возвращаться с пустыми лапами и не расстраивать Марту. Саро и Брагун. Или кто-то один из них.

— Молодец, Фенна! — похвалил аббат. — Но они все делали вместе. И записку изобрели вместе. Надпись снаружи сделала Саробандо, это ее почерк. В грамматике она сильнее, чем Брагун. Но почерк у него лучше, и основной текст записывал он. Но он делал это для тебя, Марта. И ты, конечно, простишь их обоих.

Марта, прищурившись, смотрела куда-то в неведомую даль.

— Прощать? За что? Они сделали это для моего блага. Они отправились для меня в неведомую даль, они спасли моего брата и двух моих подруг, они отдали свои жизни ради их спасения...

Торан сам не понимал, смеется он или плачет.

— Верно, Марта, верно...

есять сезонов прошло после той ночи Луны Урожая. Судьбе угодно было не посыпать нашему аббатству новых невзгод, Рэдволл процветает в мире и спокойствии. Совсем недавно к нам прибыл Долгий Дозор из Саламандстрона, где теперь правит лорд Лонна Острый Глаз. Командир зайцев капитан Хортвил Бребак навестил сестру. Он сильно изменился, наш Хорти. Вместе с Лонной он покинул аббатство, отправился в Саламандстрон, вооружившись саблей пиратского капитана. Лихой капитан Долгого Дозора с колючими военными усами вдвое вырос и стал вдвое прожорливей. Долго сидели мы, вспоминая минувшие дни, вместе с отцом Кэрролом и хранителем погребов Магамом. Аббат Кэррол четыре сезона назад сдал дела аббатисе Фенне и отправился в сторожку помочь совсем одряхлевшему отцу Фреду, а когда отец Фред благословил этот мир, сменил его на посту привратника. Такова жизнь, и даже отец Фред не вечен. Конечно,

зайцы остались до пира осеннего урожая, ведь настоящий заяц хорошей кормежки не пропустит! Это слова главного повара Торана, хотя я с ним вполне согласна.

В ночь Осеннего Урожая все обитатели аббатства собираются перед главными воротами. Марта исполнит прекрасную балладу «Роза Рэдволла», а потом исполнит обещание, данное Брагуну и Саробандо. Рассказывают, что, прощаясь с ними, она поклялась станцевать для них, когда они вернутся. С тех пор Марта каждый сезон танцует на парапете над главными воротами. Она прекрасно двигается, легко, как цветок на гибком стебле, ласкаемый легким ветерком. Я вспоминаю лето, когда мы, трое молодых хулиганов, сбежали из аббатства навстречу приключениям. И вернулись осенью, поумневшими, рассудительными и дисциплинированными. Это было лето взросления, возмужания.

Если вы путешествуете, ищете, исследуете, то не забывайте, что вас всегда ждут в Рэдволле, молодых и старых. К нам часто заглядывают друзья, может быть, и с вами доведется увидеться. Посидим, подкрепимся, побеседуем, поучимся друг у друга. Молодым всегда есть чему поучиться, да и старым тоже. Кэрролл сказал мне недавно, что учиться никогда не поздно. Он был мудрым аббатом, а стал еще более мудрым привратником. Хотела бы я стать когда-нибудь такой же мудрой, как он.

*Спринголд, архивариус аббатства Рэдволл
в Лесу Цветущих Мхов*

Оглавление

ПРОЛОГ
9

КНИГА ПЕРВАЯ
«НЕ ТАК УЖ ОНИ И ВЕЛИКИ...»

11

КНИГА ВТОРАЯ
«ВОТ БЫ ОНИ БЫЛИ С НАМИ...»

143

КНИГА ТРЕТЬЯ
«ЗАЖИЛИСЬ МЫ НА ЭТОМ СВЕТЕ...»

261

ЭПИЛОГ
379

Джейкс Б.

Д 40 Меч Мартина / Пер. с англ. Ю. Балаяна. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. — 384 с.— (Рэдволл).

ISBN 5-91181-137-5

История аббатства Рэдволл продолжается!

В давние времена, когда знаменитого аббатства Рэдволл еще не было и в помине, все добрые звери находили спасение и приют в Глинобитной Обители. С тех пор это место надежно хранит свои секреты, сокровища и самую большую ценность — меч Мартина Воителя. Но жажда власти и богатства многим не дает покоя, и только настоящему герою под силу остановить полчища негодяев. Так пришло время для смертельного поединка, в котором встретились безжалостный злодей, чья цель — разбой, грабеж, разрушение, и великий воин, призванный стать орудием судьбы и возмездия.

Литературно-художественное издание

Серия «Рэдволл»

Для среднего школьного возраста

Брайан Джейкс МЕЧ МАРТИНА

Редактор Евгения Тихонова

Художественный редактор Валерий Макаров

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректоры Наталья Хуторная, Галина Тимошенко

Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 22.09.2006.

Формат издания 60x84 1/16. Печать офсетная.

Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 12000 экз.

Усл. печ. л. 22,32. Изд. № 137. Заказ № 0622080.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.11002602 05.04 от 16.09.2004

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

Санкт-Петербург Издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс (812) 327-01-60

«Книжный клуб „Снэрк“»
тел. (812) 103-06-07

ООО «Русич-Сан» тел.
(812) 589-29-75

Москва ООО «Азбука-М»
тел. (495) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69

Интернет-магазин «Лабиринт»
www.labirint-shop.ru

Екатеринбург ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75

Новосибирск ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru

Калининград Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38

Хабаровск ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale@bookmirs.khv.ru

Челябинск ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52

Казань ООО «Тайс»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Украина ООО «Азбука-Украина», 04073, г. Киев
Московский пр., 6 (2-й этаж, офис 19)
тел. (+38044) 490-35-67
sale@azbooka.net

Израиль «Спутник» Р.О.В. 2462, Kefar-Sava,
Izrael, тел. +972-9-767-99-96
dob@sputnik-books.com

КАТАЛОГ «АВРОРА»

Официальный представитель издательства «Азбука»
Германия, Франкфурт-на-Майне, тел. (069) 375-64-252 avrora-katalog@yandex.ru

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
WWW.OZON.RU

КНИГА - ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300; тел. (812) 174-40-63;
www.areal.com.ru e-mail: postbook@areal.com.ru

